

РУССКАЯ МЫСЛЬ

№170/11-12 (5041)
НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ 2025

На русском
и английском языках

Журнал основан
в 1880 году
www.RussianMind.com

«НАШИ СТРАНЫ ТАК СХОЖИ...»

Э то слова из письма великого американского поэта Уолта Уитмена, написанного в 1881 году в ответ на просьбу издателя из Санкт-Петербурга дать согласие на публикацию в русском переводе поэтического сборника «Листья травы».

Вот фрагмент из ответа Уитмена, который он так и озаглавил: «Письмо к русскому»: «Россия и Америка, такие далекие, такие несхожие с первого взгляда! <...> И все же в некоторых чертах, в самых главных, наши страны так схожи. И у вас и у нас – разнообразие племен и наречий, которому во что бы то ни стало предстоит спаяться и сплавиться в единый союз. Не сокрушенное веками сознание, что у наших народов, у каждого, есть своя историческая священная миссия, свойственная вам и нам. <...> Кроме того, и у вас и у нас есть свое независимое руководящее положение в мире, которое и вы и мы всячески стараемся удерживать и за которое в случае необходимости готовы выйти в бой против всего света».

К этим строкам, написанным классиком американской литературы почти полтора столетия назад, прибавить что-либо сегодня трудно. И все же, чтобы продлить ту ответственную тональность, некогда заданную Уитменом, мы решили посвятить специальный выпуск «Русской мысли» России и США.

Президент РФ Владимир Путин считает, что Россия и США всегда находили нечто объединяющее. В интервью журналисту телеканала «Россия 1» он сказал:

«Что касается американцев, у нас же всегда были на протяжении очень длительного времени добрые и своеобразные отношения с Соединенными Штатами».

Ранее в статье «Настоящее и будущее глобальной политики: взгляд из Москвы» министр иностранных дел России Сергей Лавров писал: «В наших отношениях с Соединенными Штатами, как и ни с кем другим, нет конфронтационной предопределенности. <...> Недооценивается прагматизм американцев, который в истории подводил их к иной внешнеполитической стратегии. Уместно вспомнить курс президента Франклина Делано Рузвельта в рамках антигитлеровской коалиции. <...> В нашем отношении к Соединенным Штатам должен превалировать широкий, объективный взгляд на вещи».

В уходящем году в поздравительной телеграмме госсекретарю Марко Рубио по случаю Дня независимости США Лавров отметил: «...совместными усилиями отношения между нашими странами закрепятся на созидательном векторе, обретут позитивную стабильность и предсказуемость на основе взаимного уважения и учета национальных интересов друг друга, предопределенных историей, географией и «реалиями на земле»».

Реалии же, как известно, говорят сами за себя.

Кирилл Привалов

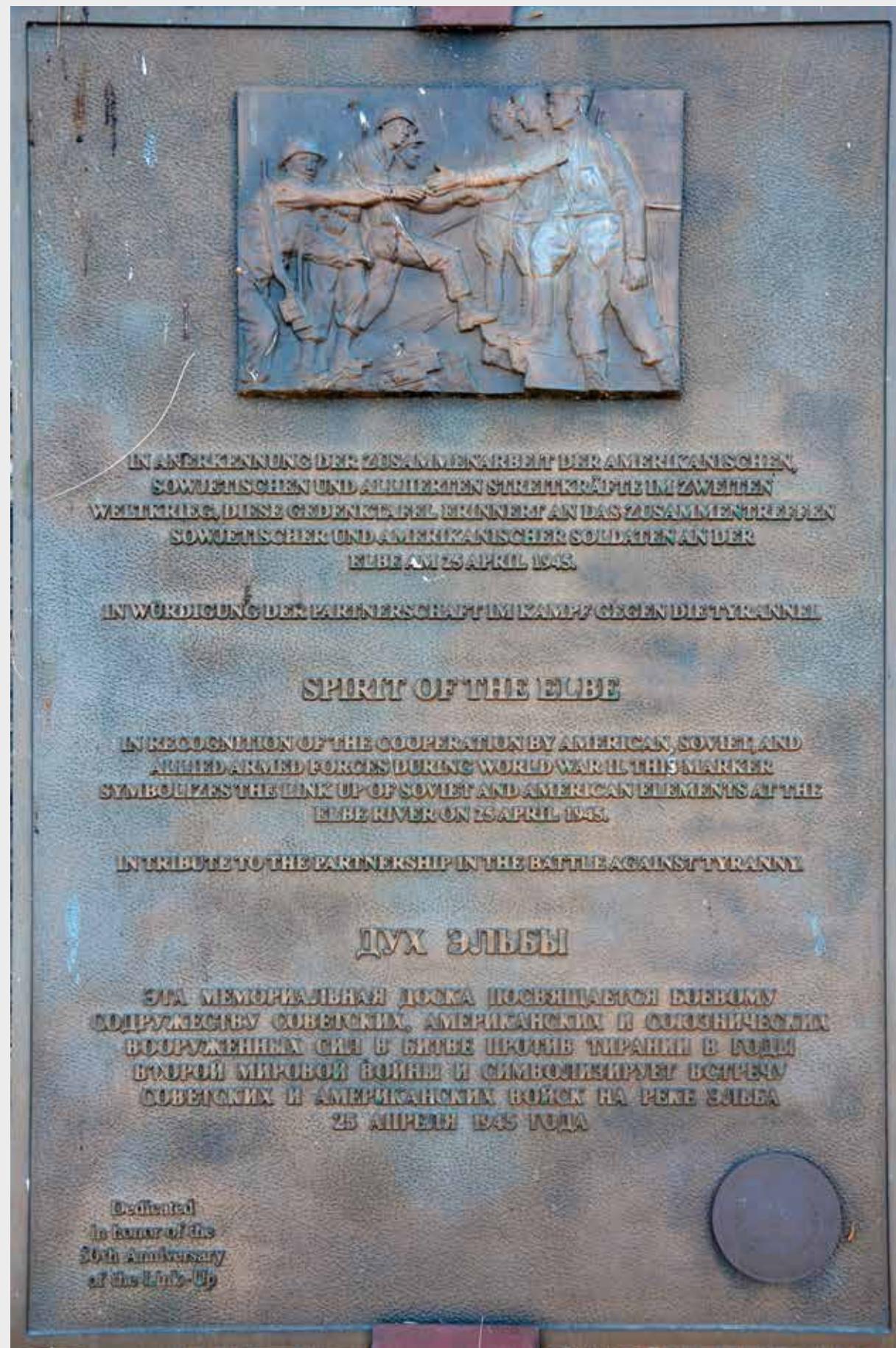
Издательский дом «Русская мысль» выражает благодарность Фонду поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, за оказание поддержки и финансового содействия в выпуске специального номера журнала «Русская мысль», посвященного истории российско-американских отношений.

ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА БЫЛИ
ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ
ИСТОЧНИКИ:

ru.wikipedia.org, en.wikipedia.org, belcanto.ru,
mark-twain.ru, museumgagarin.ru, velykoross.ru,
stoletie.ru, roscult.org, pravoslavie.ru; фото: wikimedia.
org/wikipedia/commons, commons.wikimedia.org

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в сообщениях информационных агентств, рекламных материалах и объявлениях. Редакция не имеет возможности вступать в переписку и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция не предоставляет справочной информации. Перепечатка материалов из журнала «Русская мысль» – только по согласованию с редакцией.
ТИРАЖ: 7000 ЭКЗ.

В 1995 году мемориальные плиты «Дух Эльбы» были установлены в московском Парке Победы, а также в пригороде Вашингтона, городском округе США Арлингтон

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

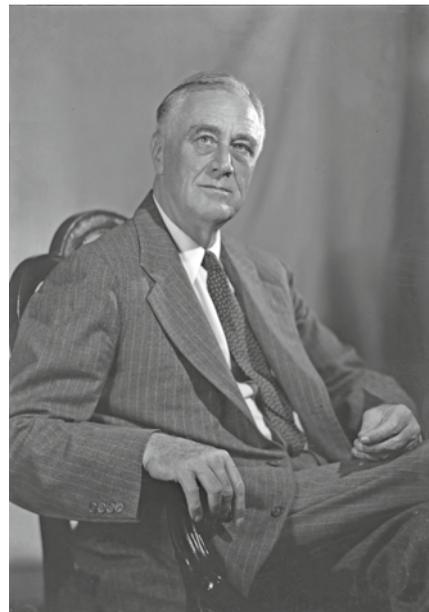
6 РЕТРОСПЕКТИВА
РОССИЙСКО-
АМЕРИКАНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

Россия поддержала правительство Авраама Линкольна во время Гражданской войны в США и была их союзницей в двух мировых войнах.

ИСТОРИЯ

22 ФРАНКЛИН ДЕЛАНО
РУЗВЕЛЬТ

Фрагменты из книги «Памятное. Новые горизонты. Книга 1» советского государственного деятеля, министра иностранных дел СССР в 1957–1985 годах Андрея Андреевича Громыко.

32 ДЖОН СТЕЙНБЕК
И РОБЕРТ КАПА В СССР

В 1948 году в Америке вышел знаменитый «Русский дневник» Джона Стейнбека.

42 ПЕРВЫЙ ЛИДЕР
СССР, «ОТКРЫВШИЙ
АМЕРИКУ»

Фрагменты из книги Роя Медведева «Н. С. Хрущев: Политическая биография».

46 РУКОПОЖАТИЕ
В КОСМОСЕ

Полвека назад, 15 июля 1975 года, состоялся первый в истории совместный полет космических кораблей двух стран – советского корабля «Союз-19» и американского «Аполлона».

52 ФЛАГ МОГУЩЕСТВА
И АМБИЦИЙ

В 1799 году, по указу императора Павла I была создана Российско-американская компания.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

56 АМЕРИКАНСКИЙ
КОММОДОР
И РУССКИЙ КОНТР-
АДМИРАЛ

Сегодня у могилы Джона Пола Джонса принимают присягу будущие морские офицеры США.

62 ПОХОЖДЕНИЯ
«РУССКОГО
АМЕРИКАНЦА»

«Федор Каржавин, американский житель, парижский воспитанник, петербургский уроженец; в родине не свой, в сем мире чужой...»

64 МАРК ТВЕН: «АМЕРИКА
МНОГИМ ОБЯЗАНА
РОССИИ»

К 190-летию со дня рождения знаменитого американского писателя, журналиста и общественного деятеля.

НАШИМ
СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

68 АЛЕКСАНДР
ЛИВЕРГАНТ:
«С АМЕРИКАНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРОЙ
МЫ ДРУЖИМ»

Интервью с главным редактором журнала «Иностранная литература».

72 АРХИТЕКТОР
ПРАВОСЛАВНОЙ
АМЕРИКИ

Создание соборной Поместной Церкви на территории США стало одним из важнейших итогов всей деятельности святителя Тихона в Новом Свете.

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ВЕСТНИК

80 РОЖДЕНИЕ НОВОГО
ГОДА В ДЕНЬ СЯТОГО
СИЛЬВЕСТРА

В канун Нового Года мы будем вспоминать святого Сильвестра с теми, кто на другом континенте.

КУЛЬТУРА

86 ПОДЛИННОЕ
ИСКУССТВО НЕ ЗНАЕТ
ГРАНИЦ

Сохранив в эмиграции русскую душу, Сергей Рахманинов превратил ностальгию по родине в искусство.

90 АМЕРИКАНСКАЯ
ТАНЦОВЩИЦА
И РУССКИЙ БАЛЕТ

Айседору Дункан знают в России прежде всего как жену Сергея Есенина, а в мире хореографии она известна как основоположница «свободного танца».

96 «КЛИБЕРН –
КАК ГАГАРИН...»

В 1958 году на конкурсе Чайковского 22-летний Ван Клиберн произвел настоящий фурор.

ЛИТЕРАТУРА

100 «ПЕСНЬ О ГАЙВАТЕ»
ГЕНРИ УОДСВОРТА
ЛОНГФЕЛЛО

Перевод Ивана Бунина поэмы Лонгфелло и сегодня считается непревзойденным.

СОБЫТИЯ
И ИНФОРМАЦИЯ

110 О ПАМЯТНИКАХ
И ПЕРВЫХ
ГАСТРОЛЯХ
БОЛЬШОГО ТЕАТРА
В США

ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ
ЖУРНАЛЕ СТАТЬИ НА
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

РЕТРОСПЕКТИВА РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Россия поддержала правительство Авраама Линкольна во время Гражданской войны в США и была их союзницей в двух мировых войнах

ВЯЧЕСЛАВ КАТАМИДЗЕ

Комитет пяти представляет свой проект Декларации независимости Второму Континентальному конгрессу в Филадельфии. Картина Джона Трамбулла. 1819

Соединенные Штаты Америки и Россия были вовлечены во многие крупнейшие мировые события, происходившие на нашей планете. И, что особенно важно, именно сотрудничество

США и СССР и их союзные отношения в ходе Второй мировой войны послужили на благо всего человечества.

Министр иностранных дел СССР Андрей Громыко как-то

назвал отношения между Советским Союзом и США «качелями». Он, конечно же, имел в виду то, что в разные периоды времени они были то дружескими, то крайне непростыми.

Декларация независимости США

Если заглянуть в глубь веков, Россия, несомненно, заслуживает благодарности и уважения американского народа уже за то, что она трижды приходила ему на помощь в самые тяжелые времена его истории.

4 июля 1776 года Второй Континентальный конгресс, собравшийся в Филадельфии, принял Декларацию о независимости североамериканских колоний от Великобритании. 2 августа документ подписали представители всех 13 британских колоний. На карте мира появилось новое государство – Соединенные Штаты Америки.

Реакция Британской империи была ожидаемой: она начала готовиться к подавлению бунта колонии. Король Великобритании Георг III обратился к императрице России Екатерине II с просьбой предоставить ему русский флот и 20 тысяч солдат для борьбы с североамериканскими повстанцами, но получил отказ, хотя формально Российская империя считалась тогда союзницей Великобритании. Вероятно, Екатерина II была недовольна тем, что англичане блокировали морские пути из Европы в Америку, захватывая, а то и отправляя на дно торговые корабли, в том числе и русские. Императрицей был даже издан указ о защите русского торгового флота от пиратства.

Екатерина II была мудрой женщиной, и к тому же у нее были умные и образованные советники, имевшие большой опыт международной политической и дипломатической деятельности. Изучив просьбу короля Георга III, они составили следующий документ для императрицы, который дошел до нас в сокращенном и осовременном виде:

Воевать за чужие интересы следует только тогда, когда они

полностью совпадают с собственными. В данном случае интересы Российской империи и Британской империи не только не совпадают, но и противоположны. Британцы желают восстановить свою власть над бывшей колонией; мы же хотим независимой Америки, с которой могли бы дружить и торговать без помех.

Британская империя велика, но сама метрополия мала и с трудом управляет колониями. Но мир развивается, и со временем колонии станут крепче, чем метрополия, и она их неминуемо потеряет. Содружество штатов уже один раз декларировало свою независимость, и даже если Англия лишит их самостоятельности снова, эти колонии неизбежно восстановят собственную независимость. А Россия, если будет сейчас помогать британцам, навсегда потеряет возможность установить с Америкой добрые отношения.

Кроме того, воевать за интересы чужой державы придется на другом конце света, где к тому же существует риск военных столкновений с войсками Испании и Франции, которые обладают большой поддержкой в странах к югу от мятежных штатов. Если мы и усилим свое присутствие в Америке, то это следует делать в силу наших общих интересов с независимыми штатами, а не с Англией.

В 1780-х годах дипломатия Екатерины II обеспечила молодому государству, вступившему в открытую борьбу против могущественной Британской империи, нейтралитет прочих великих держав и свободу от морской блокады со стороны англичан, их союзников и вассалов.

Таким образом Российская империя (наряду с Францией, которая вела свою игру против британцев) сыграла значительную роль в снятии торговой блокады, способствовала обеспечению американских повстанцев всем необходимым для победы над Британской империей.

Отдавая дань уважения русским, автор Декларации независимости США Томас Джефферсон заказал в 1805 году для своей усадьбы Монтичелло на юге штата Виргиния мраморный бюст внука Екатерины II – тогдашнего русского императора Александра I, которого Джефферсон, третий американский президент, считал лучшим политиком эпохи.

По мере того как подходила к концу Отечественная война 1812 года и близился окончательный разгром наполеоновской армии, англичане, полагая, что внимание всей Европы сосредоточено на этих событиях, решили осуществить еще одну военную авантюру и вторглись в США с территории Канады. Сломив сопротивление американских добровольцев, британцы захватили Вашингтон, сожгли Белый дом и Конгресс, причем вместе со всеми документами, касающимися провозглашения независимости США. Казалось, что теперь уж с мятежными колониями покончено. Однако русские и на этот раз оказали дипломатическую и моральную поддержку американцам.

После разгрома Наполеона Российская империя стала соперницей Британии и все ее действия, включая поддержку Америки, все больше делали ее недругом Британской империи.

Крах заморской военной авантюры вынудил англичан окончательно смириться с потерей североамериканских колоний и сосредоточиться на развитии торговых связей с молодым американским государством. Уже в 1817 году США и Британии удалось договориться о демилитаризации района Великих озер.

Нет сомнений в том, что потеря бывшей колонии не уменьшила коммерческого интереса к ней британцев: Англия быстро вышла на первое место в товарообороте с Соединенными Штатами

Портрет императрицы Екатерины II кисти Ричарда Бромптона. Около 1782

Америки. Но росли и торговые связи России с новым государством.

Первые семена сотрудничества двух стран, не политиками и не дипломатами, а людьми, которых в наше время именуют исследователями, предпринимателями и неумолимыми путешественниками, открывателями новых земель и искателями новых торговых возможностей. А в XVII и XVIII веках их называли колонистами и купцами, занятыми поиском мест, где можно было что-то выгодно купить или выгодно продать.

Русская Америка

История освоения русскими территорий в Северной Америке началась с рождения так называемой Русской Америки.

Считается, что первыми европейцами, увидевшими берега Аляски, были участники экспедиции Семёна Дежнева, которые в 1648 году проплыли по Берингову проливу «из Студеного моря в Теплое» (то есть из Северного Ледовитого океана в Берингово море).

21 августа 1732 года в ходе экспедиции А. Ф. Шестакова

и Д. И. Павлуцкого 1729–1735 годов на Аляску прибыл российский бот «Св. Гавриил». Несколько лет спустя русские купцы, промышленники и миссионеры начали осваивать Алеутские острова.

В результате экспедиции 1783–1786 годов, которую возглавил русский исследователь, мореплаватель, промышленник и купец Григорий Шелихов, в Северной Америке были основаны первые русские поселения. Именно Шелихов и его зять Николай Резанов основали в 1783 году Северо-Восточную компанию, преобразованную в 1799-м в знаменитую Российско-американскую компанию.

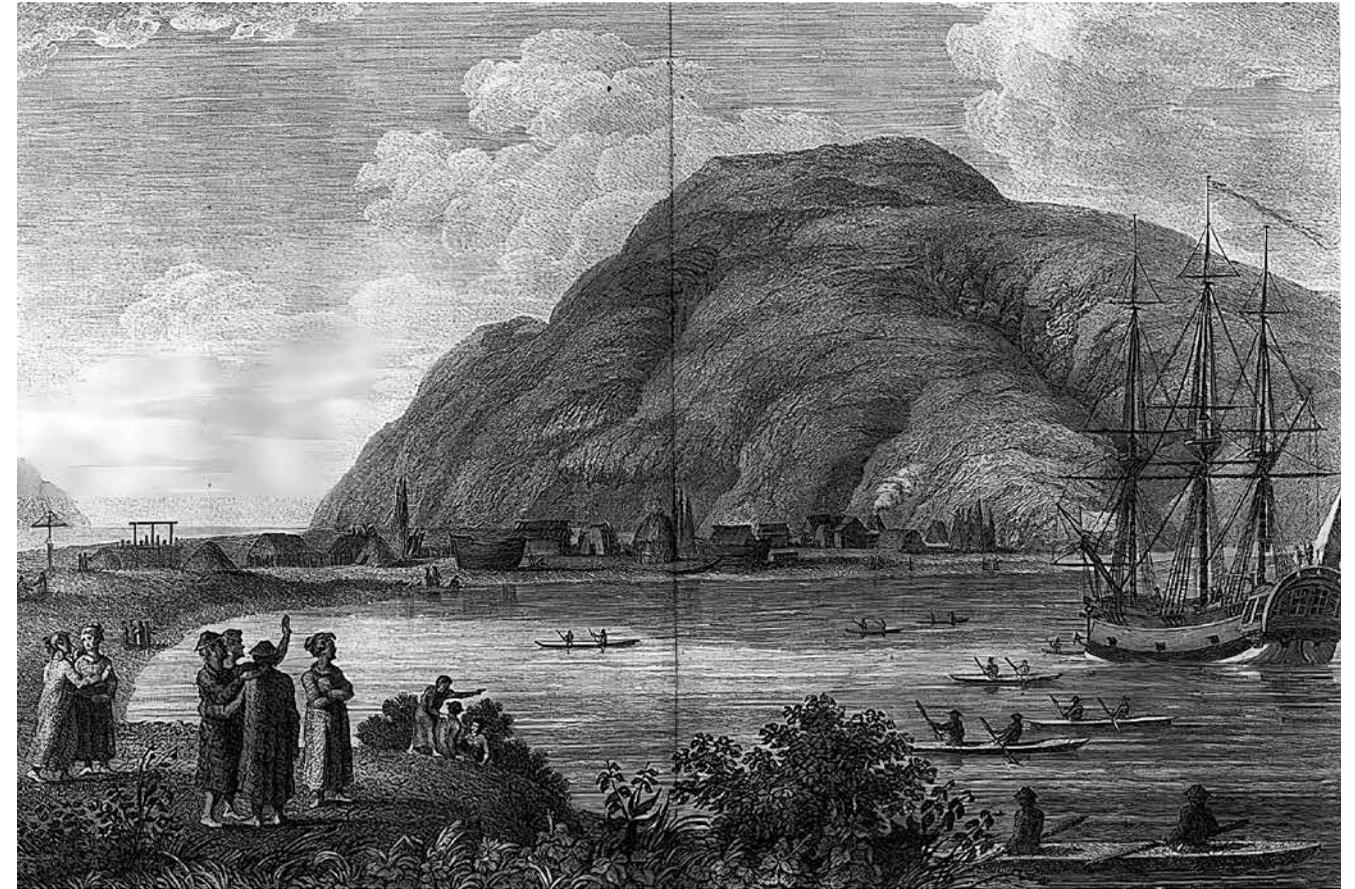
Кстати, Резанов, русский дипломат, путешественник и предприниматель, стал первым послом России в Японии и одним из организаторов первого русского кругосветного плавания (1803–1806) под командованием Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского.

Основу экономики Русской Америки составлял морской пушной промысел – главным образом на калана и сивуча. Меха этих животных обменивали в Китае на чай и шелк, которые затем продавали в Европе.

Первым Главным правителем русских поселений в Северной Америке стал предприниматель Александр Баранов, который в 1799 году с разрешения старейшин индейцев племени тлинкитов основал форт Архангела Михаила. В 1808 году главным городом Русской Америки стал Ново-Архангельск (ныне Ситка).

Одним из районов, в которых успешно развивались частные российские предприятия, была Калифорния, где в 1812 году русские основали поселение Форт-Росс.

Надо отметить и немалый вклад православных миссионеров в освоение Русской Америки. Так, в сентябре 1794 года из Валаамского и Коневского монастырей

Поселение Григория Шелихова на острове Кадьяк

и Александро-Невской лавры на остров Кадьяк прибыла православная миссия во главе с архимандритом Иоасафом. Через пять лет он стал епископом Кадьякским.

Развитие Русской Америки воспринималось в западных штатах США по-разному. Местные фермеры и торговцы считали, что русские поселения благотворно влияют на индейские племена и испанских поселенцев, создавая атмосферу общей благожелательности и добрососедства. Но в соседних штатах и особенно в кругах местных политиков постоянно росла неприязнь к русским поселенцам и особенно к священнослужителям. Калифорния была благодатным краем, и многие состоятельные американцы подумывали о том, как бы избавиться от предприимчивых русских и забрать поселения себе.

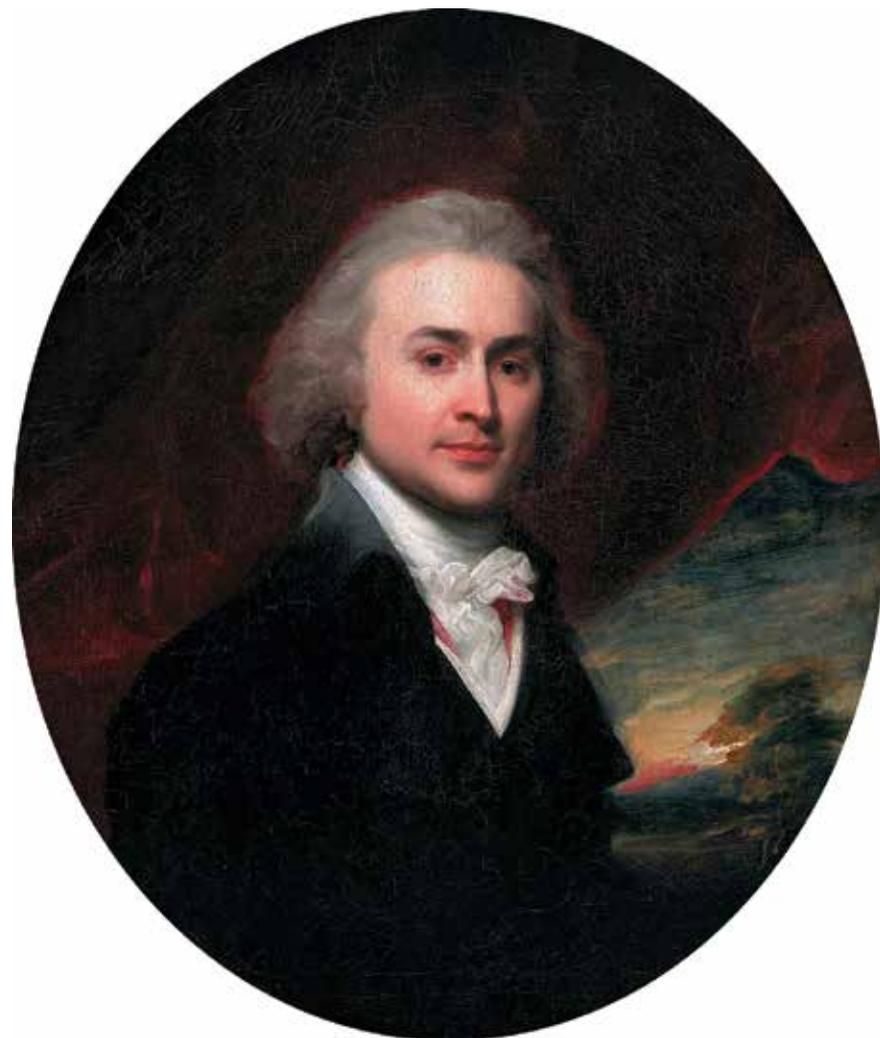
Однако в правящих кругах США политики и экономисты были настроены иначе: они видели немалую выгоду в развитии всесторонних отношений с Россией, огромной, богатой природными ресурсами страной, представляющей в перспективе широкий рынок для экспорта товаров и услуг.

Установление дипломатических отношений

Попытки установления дипломатических и экономических отношений между двумя странами делались еще в конце 1790-х годов. В Лондоне была организована первая официальная встреча русского и американского дипломатов – посланника США

в Великобритании Руфуса Кинга и русского посла С. Р. Воронцова, – аккредитованных при Сент-Джеймском дворце (традиционно все послы вручают здесь свои верительные грамоты и числятся послами именно при этом дворце, построенном королем Генрихом VIII).

На этой встрече шла речь о заключении торгового договора между Россией и США, а также о назначении американского посланника в Санкт-Петербурге. В 1799 году свое мнение на этот счет выразил император Павел I: «Мы тем охотнее поддадимся на установление взаимных миссий, что правительство тамошнее поведением своим в настоящих обстоятельствах приобрело со стороны нашей всякое уважение <...> а потому коль скоро назначен будет министр

Портрет Джона Куинси Адамса кисти Д. С. Копли. 1796

упомянутыми Штатами, то и мы к тому приступим».

В апреле 1803 года американским консулом в Петербурге был назначен Леветт Гаррис. Обе страны были удовлетворены этим началом консульских связей, но британцы, судя по всему, всячески тормозили развитие дипломатических контактов между Россией и США, которые, как и прежде, осуществлялись через дипломатических представителей двух стран в Лондоне.

Американцев такая ситуация не устраивала, поэтому в июне 1806 года в Вашингтоне был поднят вопрос о назначении посланника в Санкт-Петербург.

Министерство иностранных дел России, осознав разумность отказа от любого английского посредничества, согласилось с американским предложением.

В 1807 году были предприняты первые шаги к установлению дипломатических отношений, формально закрепленных два года спустя, когда произошел обмен послами. Андрей Дашков был назначен первым российским послом в США, а первым послом США в России стал Джон Куинси Адамс, сын второго президента США Джона Адамса и будущей шестой президент США. Его кандидатура была предложена президентом Джеймсом Мэдисоном

и в июле 1809 года получила одобрение сенаторов.

24 октября (5 ноября по новому стилю) 1809 года Адамс прибыл в Кронштадт. В Москву он приехал через десять дней и вручил свои верительные грамоты послу императору Александру I, что ознаменовало официальное установление дипломатических отношений между Российской империей и Соединенными Штатами Америки.

После этой церемонии состоялась продолжительная частная беседа Адамса с императором, во время которой посланник выразил твердое намерение содействовать расширению русско-американской торговли.

Основной целью американской миссии являлось, конечно, всемерное развитие дружественных отношений с Россией для создания наиболее благоприятных условий для торговли между двумя странами. Но американские политики такого калибра, как Адамс, смотрели далеко вперед: они сознавали, что такая держава, как Россия, может со временем оказаться полезной Соединенным Штатам. И они не ошибались в своих предвидениях: Россия поддержала правительство Авраама Линкольна во время Гражданской войны в США и была их союзницей в двух мировых войнах.

У Адамса сложились хорошие личные отношения с императором Александром I. В 1810–1811 годах они довольно часто встречались и подолгу беседовали во время прогулок в дворцовом парке. Важным фактором в их общении, безусловно, было отличное знание императором английского языка (он также владел французским и немецким). Думается, что во время этих прогулок они наверняка обсуждали возможности развития двухсторонних отношений.

13 февраля 1811 года тогдашний госсекретарь США Роберт Смит направил Адамсу инструкцию,

содержащую «Основные принципы договора между США и Императором Всероссийским». Первым и главным пунктом договора должно было стать «провозглашение вечного мира, дружбы и доброго взаимопонимания» между США и Россией.

В личных дневниках Адамс оставил подробное описание своей службы в Петербурге, составив полноценную картину жизни светского общества и российской элиты. За четыре с половиной года он стал дружен с Нарышкиными, канцлером Румянцевым, княгиней Анной Белосельской-Белозерской и князем Александром Куракиным, а также министром финансов Дмитрием Гурьевым и другими влиятельными персонами. При этом жалованья американского посла не хватало на поддержание соответствующего уровня жизни, поэтому Адамс не приглашал людей к себе в гости, но на балах и светских раутах бывал часто.

В целом миссия Адамса в России была признана весьма успешной: ему удалось установить тесные контакты между Россией и США. Кроме того, он приобрел в Санкт-Петербурге ряд научных трудов, которые передал в библиотеки США. Он известен также тем, что был одним из тех вдумчивых и широко мыслящих американских дипломатов, которые стремились узнать как можно больше о том, что русские люди думают об Америке и ее развитии, а также о том, что думают о России в Европе. Для этого он использовал как связь с американскими посланниками в европейских столицах, так и общение со своими русскими знакомыми.

Речь шла не только о прямом зондаже американских дипломатов в Европе касательно внешнеполитических устремлений России, но и об осторожном выяснении настроений царедворцев и аристократии как в Москве, так

и в Петербурге относительно развития взаимоотношений с Америкой. В обоих городах элита проявляла немалую заинтересованность во всестороннем развитии отношений с США.

Американский журналист Эдвард Миллер, совершивший поездку по Европе до самой Москвы, писал: «Мне кажется, Россия устала от бесконечных войн в Европе, от постоянной лжи, которая звучит из уст европейских политиков, от махинаций европейских финансистов и была бы счастлива дружить с народом, который расположен к открытой, честной договоренности, к прозрачным и недвусмысленным взаимоотношениям».

Этот несколько наивный пассаж был, наверное, в то время искренним выражением чувств многих американцев начала XIX века.

В 1817 году Адамс, по указу президента Джеймса Монро, был назначен государственным секретарем США и занимал этот пост в течение восьми лет.

Доктрина Монро и ее последствия

20-е годы XIX века были важными и для США, и для России. В начале этого периода Джон Куинси Адамс, государственный секретарь в администрации президента Монро, выдвинул идею провозглашения американского континента зоной, закрытой для вмешательства европейских держав. Поводом для этого послужили обсуждавшиеся на Веронском конгрессе в конце 1822 года планы Священного союза восстановить испанское господство над латиноамериканскими колониями, объявившими о своей независимости. Участники конгресса – Россия, Пруссия и Австрия – уполномочили Францию выступить от имени всех трех стран против испанской

революции и попытки распространить интервенцию и на бывшие испанские владения.

Англия выступила против. Ее возражения были понятны: некоторые из прежних колоний Испании теперь принадлежали ей или находились под ее контролем, и, кроме того, она опасалась конкуренции со стороны Франции на латиноамериканских рынках. Министр иностранных дел Великобритании Джордж Каннинг тут же обратился к США с предложением о координации совместного противостояния намерениям Священного союза. В свете событий Англо-американской войны 1812–1815 годов Джон Куинси Адамс счел целесообразным сделать заявление от имени США.

2 декабря 1823 года в послании президента США Джеймса Монро к Конгрессу была провозглашена декларация, вошедшая в историю как «Доктрина Монро». В ней был выдвинут принцип разделения мира на европейскую и американскую системы государственного устройства, провозглашена концепция невмешательства США во внутренние дела европейских стран и соответственно невмешательства европейских держав во внутренние дела стран Западного полушария. США также предупредили европейские державы, что любая попытка их вмешательства в дела своих бывших колоний в Америке будет расцениваться как нарушение жизненных интересов Соединенных Штатов Америки.

В администрации Монро не сомневались, что Россия выступит на стороне Америки. В послании президента США Конгрессу говорилось: «По предложению Русского императорского правительства <...> посланнику Соединенных Штатов Америки в Санкт-Петербурге даны все полномочия и инструкции касательно вступления в дружественные

Портрет 5-го президента США Джеймса Монро работы Сэмюэла Морзе. Около 1819

переговоры о взаимных правах и интересах двух держав на северо-западном побережье нашего континента.

В ходе переговоров <...> и в договоренностях, которые могут быть достигнуты, было сочтено целесообразным воспользоваться случаем для утверждения в качестве принципа, касающегося прав и интересов Соединенных Штатов, того положения, что американские континенты, добившиеся свободы и независимости и оберегающие их, отныне не должны рассматриваться как объект будущей

колонизации со стороны любых европейских держав».

И далее: «Мы не вмешивались и не будем вмешиваться в дела уже существующих колоний или зависимых территорий какой-либо европейской державы. Но что касается правительств стран, провозгласивших и сохраняющих свою независимость, и тех, чью независимость после тщательного изучения и на основе принципов справедливости мы признали, мы не можем рассматривать любое вмешательство европейской державы с целью угнетения этих стран или

установления какого-либо контроля над ними иначе, как недружественное явление по отношению к Соединенным Штатам».

В сущности, если говорить о России, то это было не только предупреждение европейским державам, но подтверждение решения, что русские поселения на американской земле существовать больше не будут.

Что же касается невмешательства Америки в дела России, то в 1825 году имело место обратное, пусть и не будучи санкционированным администрацией США.

Происходило это в России в 1820-е годы. С 1820 по 1830 год функции посла США в России исполнял некий Генри Миддлтон. Есть основания полагать, что этот политик и плантатор-рабовладелец, будучи американским дипломатом, действовал в России в интересах не только своего правительства, но и британского политического истеблишмента. Государственный секретарь США ему всецело доверял, и это давало ему полную свободу действий.

Миддлтон провел молодые годы в Англии и в 24 года женился на дочери английского офицера, связанного с британской разведкой. В России американский дипломат уделял особое внимание изучению не только политики России, но и ее армии, финансов и настроений сильных мира сего в российском обществе. Его жена обзавелась важными связями при дворе, стала подружкой Елизаветы, дочери известного политика и философа Сперанского, покойная жена которого была англичанкой. Елизавету воспитывала ее английская бабушка, жившая в России. В молодые годы эта женщина служила гувернанткой в дворянских домах, близких к власти, и ее тоже подозревали в том, что увиденное и услышанное в этих домах становилось известным английским агентам.

В свою очередь Сперанский был дружен с графом Нессельроде, российским министром иностранных дел. Получалось, что Миддлтон обладал очень серьезными источниками информации, которые поступали от него и в Англию, и в Америку.

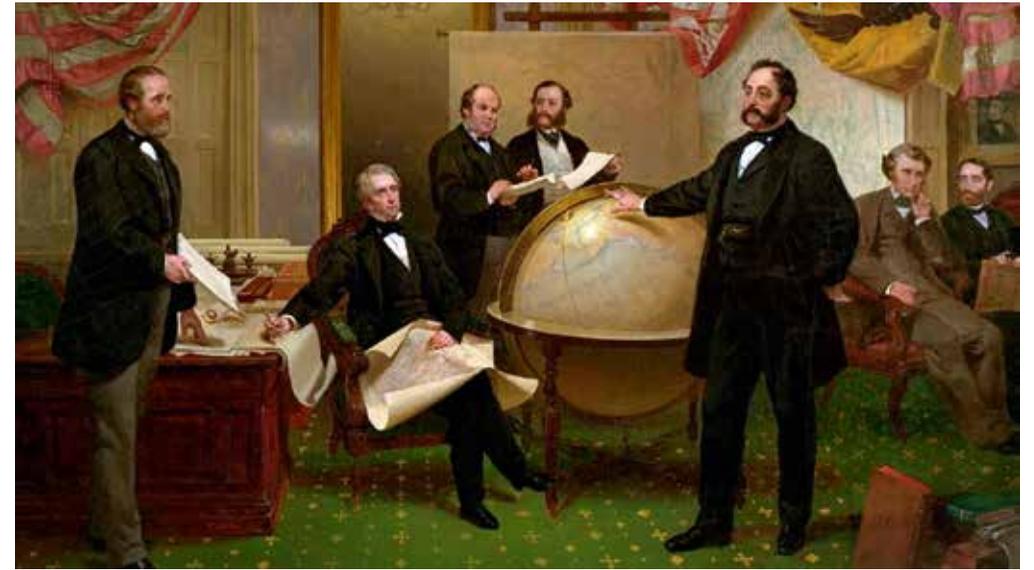
В декабре 1825 года в Санкт-Петербурге произошло восстание с целью государственного переворота. Он, несомненно, был в интересах таких европейских стран, как Австрия, Англия и Франция, так как Россия была бы серьезно ослаблена внутренними распрями.

Более всех была заинтересована в успехе переворота Англия. Установление конституционной власти в России несомненно дало бы ей возможность использовать контакты с ее торгово-финансовым капиталом для экономических связей с Россией, начать широкий экспорт сырья и медленное закабаление страны.

После истечения президентских полномочий Джеймса Монро в марте 1825 года Джон Куинси Адамс был избран Палатой представителей на пост президента Соединенных Штатов. Новый президент продолжил курс на развитие отношений с Россией.

Продажа Аляски

В апреле 1824 года была подписана Русско-американская конвенция о дружественных связях, торговле, мореплавании и рыбной ловле, определившая южную границу владений Российской империи в Аляске. Через год была подписана и Англо-русская конвенция, устанавливающая пограничную черту,

Подписание договора о продаже Аляски 30 марта 1867 года. Слева направо: Роберт С. Чу, Уильям Генри Сьюард, Уильям Хантер, Владимир Бодиско, Эдуард Стекль, Чарльз Самнер, Фредерик Сьюард. Художник Эмануэль Лойце. 1868

отделявшую владения Британии: она проходила в 10 милях от линии океана. До этого неофициальной границей считался хребет Скалистых гор. При этом русская сторона никогда не пыталась перейти за Скалистые горы, хотя на протяжении почти половины столетия земля эта была абсолютно безлюдна. Как видим, русскими была создана основа инфраструктуры в этой части Северной Америки.

Из всего сказанного ясно, что планы Российской империи по приобретению торгово-экономических плацдармов в Северной Америке получали воплощение, да и колонизация ряда районов Аляски развивалась успешно.

Почему же тогда Российская империя приняла решение покинуть эти территории, согласившись на продажу их за весьма скромную сумму в 7,2 млн долларов? Думается, что одной из причин было желание промышленников и арендаторов земельных участков на территориях, прилегающих к землям русских компаний, завладеть этими землями в случае ухода русских.

Второй же причиной было, как полагают историки, предательство и жадность тогдашнего русского посла в США Эдуарда Стекля. Австриец по происхождению, он стал российским представителем в США после смерти посла Александра Бодиско, помощником которого являлся.

Стекль постоянно посылал в Петербург панические сообщения об угрозе войны вокруг русских территорий, о растущем недовольстве американских политиков «присутствием русских на американской земле». Ему верили. Как следствие этого, он благополучно продал территории вблизи Сан-Франциско, а потом и Аляску. Договор о продаже Аляски Стекль подписал в 1867 году, за что получил особую благодарность русского императора, орден Белого орла, единовременное вознаграждение в 25 000 руб. и пожизненную пенсию в 6000 руб. ежегодно.

Заметим также, что отказ Российской империи от Аляски и других земель в Северной Америке был во многом продиктован и обещаниями американских политиков

Российская медаль «За защиту Севастополя». 1855

дружить с Россией, торговать с ней широко, поддерживать ее на политической арене и всегда быть на стороне России в военных конфликтах в обмен на уход с американской земли.

Дружественный нейтралитет

Во время Крымской войны 1853–1856 годов США заняли по отношению к России позицию дружественного нейтралитета, что выразилось в поддержке со стороны американской общественности и участии добровольцев на стороне русских войск. Официальные лица США демонстративно игнорировали устроенные англичанами и французами торжества в городах Америки по случаю падения Севастополя. Толпа даже разгромила некоторые банкетные залы. Попытки англичан заниматься вербовкой американцев

в свою армию привели к громкому дипломатическому скандалу.

В годы Крымской войны в Россию приехало около полусотни американских врачей для работы в госпиталях осажденного Севастополя.

Все они имели рекомендации авторитетных лиц и были официально приняты на службу российским правительством с жалованьем, в пять раз превышающим обычное жалованье русского врача и в два раза – средний доход врача в Америке. Хотя у них у всех уже был немалый врачебный опыт, в то время считалось, что единственный способ приобрести опыт в хирургии – это заняться полевой хирургией в условиях войны.

В далекое и трудное путешествие отправлялись и энтузиасты, движимые желанием оказать помощь больным и раненым. Врач А. Ф. Молет из Нэшвилла писал, что «отправился на войну, оставив дома жену и двоих детей не из денежных соображений», так как почти

десятилетний опыт работы обеспечивал ему хорошую практику дома, а из желания «сослужить полезную службу, поддержать престиж своей профессии и показать, что в Соединенных Штатах есть хорошие хирурги».

Большинство американских врачей прибыли в осажденный Севастополь, а также в госпитали Керчи и Симферополя.

Госпиталь в Севастополе был организован в здании Дворянского собрания. Одна из первых сестер милосердия Е. М. Бакунина (внучатая племянница генерал-фельдмаршала Михаила Кутузова) так описывала в своих воспоминаниях госпиталь, в котором работали американские хирурги: «Прекрасное здание, где прежде веселились, открыло свои богатые, красного дерева с бронзовыми дверями для внесения в них окровавленных носилок. Большая зала из белого мрамора, с пилястрами из розового мрамора через два этажа, а окна только вверху. Паркетные

полы. А теперь в этой танцевальной зале стоит до ста кроватей с серыми одеялами и зеленые столики. Все чисто и опрятно».

Хирург из Пенсильвании Л. У. Рид гордился тем, что заслужил своей работой одобрение «чудо-доктора» Николая Пирогова, основоположника российской школы военно-полевой хирургии. Другой американский доктор Чарльз Парк, комментируя слухи об отъезде американского посла из Лондона, а английского из Вашингтона, записал в дневнике в конце 1855 года: «Америка и Россия могут высечь мир. Если этому суждено случиться, скажем “Прощай!” английскому правлению и английской монархии, ее дни сочтены».

После окончания Крымской войны американские врачи-добровольцы возвратились в США. В России оценили их подвиг: всех наградили серебряными медалями «За защиту Севастополя» и бронзовыми «В память Крымской войны 1853–1856 гг.». Некоторые получили и русские ордена. Доктора П. Харриса наградили орденом Святого Станислава. Этой же награды удостоились Дж. Холт, И. А. Лис, У. Р. Трол, а хирург Ч. Генри получил орден Св. Анны III степени. Врач Уайтхед, удостоенный за свой подвиг русских наград, подчеркнул в одном из писем, что они будут служить гордым напоминанием о том, что ему «выпала честь оказать помощь офицерам и солдатам, которые покрыли славой русское оружие и завоевали Севастополю бессмертие».

Русские врачи также отметили самоотверженный труд своих коллег, заказав памятную серебряную медаль. На лицевой стороне этой медали выгравирован равноконечный крест, медицинский знак и слова «Севастополь. Сделано все, что можно». На обороте надпись: «Американским коллегам от благодарных русских врачей в память

о совместных трудах и лишениях». Медали вручал лично Пирогов.

Гражданская война в США

В апреле 1861 года, спустя всего пять лет после окончания Крымской войны, в Соединенных Штатах Америки началась Гражданская война, которая продолжалась четыре года.

После провозглашения независимости в США до поры до времени рабовладельческая система и капиталистическое производство существовали рядом, но наступил момент неизбежного столкновения двух общественных систем.

В 1860 году Соединенные Штаты раскололись: противоборствующими сторонами в начавшейся Гражданской войне были федеральное правительство США, которое поддержали 24 штата Севера (20 нерабовладельческих и четыре рабовладельческих), и Конфедерация из 11 рабовладельческих штатов Юга.

Соотношение сил между Севером и Югом было явно не в пользу последнего. На Севере было 24 штата с населением 22 млн человек. Юг имел 11 штатов с населением 9 млн. Юг собирался воевать за сохранение рабства – между тем в числе этих 9 млн было около 4 млн рабов. Но главное – Север имел развитую промышленность и более разветвленную сеть железных дорог и судоходных каналов. В случае длительной войны у Юга не было никаких шансов на победу.

Но южане, начиная войну, все же надеялись победить. При этом весь их расчет был построен не на возможности победы своими силами, а на неизбежности интервенции англичан и французов.

31 октября 1861 года Англия подписала соглашение с Францией и Испанией об интервенции

в Мексике. В декабре испанские войска высадились в Вера-Круз. В январе 1862 года к ним присоединились войска Англии и Франции.

Вскоре после начала интервенции трех держав в Мексике, предпринятой по инициативе премьер-министра Великобритании Генри Пальмерстона, над северянами, терпевшими тяжкие поражения на фронте, нависла угроза английской интервенции. Объявленная северянами блокада Конфедерации, практически исключившая возможность вывоза американского хлопка, вызвала сильнейшее раздражение в Европе.

26 марта 1861 года лорд Лайонс на встрече с государственным секретарем США Уильямом Сьюардом заявил: «Если Соединенные Штаты решаются приостановить силой столь важную для Великобритании торговлю с производящими хлопок штатами, я не отвечаю за то, что может произойти».

Английские власти, раздувая антиамериканскую кампанию в прессе, призывали свою страну к войне с бывшей колонией; на верфях Англии ускоренными темпами строились новые военные корабли и совершенствовались старые.

Однако со временем стало ясно, что расчет южан на интервенцию и на магический эффект запрещения вывоза хлопка, оказался ошибочным. Преимущество северян в Гражданской войне хоть и медленно, но неуклонно росло. Желая спасти ситуацию, Пальмерстон призвал министра иностранных дел Уильяма Рассела признать Конфедерацию. Заседание кабинета для рассмотрения этого вопроса было назначено на конец сентября 1862 года, но англичане опоздали со своим решением: в Соединенных Штатах была издана предварительная прокламация об освобождении рабов. В результате вопрос о признании Конфедерации был снят с повестки заседания английского кабинета.

16-й президент Соединенных Штатов Америки Авраам Линкольн.
24 февраля 1861

К этому времени между Россией и США сложились весьма благоприятные отношения. Нейтрально-благожелательная позиция, занятая Вашингтоном в ходе Крымской войны, была высоко оценена в Петербурге. Министр иностранных дел, а позже канцлер Российской империи князь Александр Горчаков по этому поводу писал: «Симпатии американской нации к нам

не ослабевали в продолжение всей войны, и Америка оказала нам прямо или косвенно больше услуг, чем можно было ожидать от державы, придерживающейся строгого нейтралитета».

В то время как Британия и Франция пытались использовать Гражданскую войну в США в своих интересах, позиция Российской империи оставалась принципиальной

и неизменной. Князь Горчаков выразил ее так: «Политика России в отношении Соединенных Штатов определена и не изменится в зависимости от курса любого другого государства. Превыше всего мы желаем сохранения Американского Союза как неразделенной нации <...> России делались предложения по присоединению к планам вмешательства. Россия отклонит любые предложения такого рода».

Дабы поддержать правительство президента Линкольна и не допустить британского и французского военного вмешательства в американскую Гражданскую войну, Россия направила 25 июня 1863 года к берегам США две эскадры своего военно-морского флота. В составе первой эскадры под флагом контр-адмирала Степана Лесовского имелось шесть кораблей с численностью экипажей в 3000 человек. Вторая эскадра под командованием контр-адмирала Андрея Попова насчитывала шесть кораблей и 1200 офицеров и матросов.

Появление русского флота у берегов Северной Америки вызвало эйфорию у северян и интерпретировалось как символ российско-американской дружбы.

Российская военно-морская миссия находилась в США целых девять месяцев. На протяжении всего этого времени эскадры не принимали участия в боевых действиях, но само их присутствие у западного и восточного побережий США предотвратило интервенцию Англии и Франции.

В конце июля 1864 года, когда в Петербурге сочли задачи миссии выполненными, командующие обеих эскадр получили приказ покинуть американские воды и возвратиться домой.

Политические итоги миссии были высоко оценены в обеих столицах.

Кстати, единственной европейской страной, которая наряду с Россией поддержала северян, была Швейцария.

Гражданская война в США окончилась капитуляцией конфедератов 9 апреля 1865 года. Через пять дней, 14 апреля 1865 года, Авраам Линкольн был смертельно ранен в Вашингтоне во время спектакля в театре Форда.

После гибели президента к власти пришли так называемые «примиренцы» – политики, которые стремились к компромиссу с южными штатами по всем вопросам. В результате политической элите перестали казаться важными добрые отношения с Россией. Недруги Линкольна убеждали американцев, что все, что он делал, было нагромождением ошибок, в том числе и дружба с Россией...

Известный американский дипломат Джеймс Китс писал в 1868 году следующее: «Русские умны, трудолюбивы и предприимчивы. Было бы неразумно дать им возможность иметь на нашей земле колонии или даже концессии, так как они смогут тогда усилить не только свое присутствие на американской земле, но со временем также получат рычаги влияния на наших политиков. От их присутствия в Америке надо избавиться как можно скорее. С ними можно, конечно, дружить на словах, но на деле политика наша в отношении России, ее императора и ее политиков должна основываться на практической выгоде, а не на истинно дружеских отношениях, полных доверительности или совместных интересов» (курсив мой – В.К.).

Эта концепция постепенно становилась основой политики США в отношении России. Американские политики и дипломаты продолжали уверять русских послов в своей преданности Российской империи, но внутри американской элиты царили уже другие настроения.

И все же в своем большинстве американцы высоко ценили дружескую помощь России в тяжелые времена Гражданской войны в США.

Две мировые войны XX века

XX век был тем долгим периодом, когда характер взаимоотношений между российским государством и США менялся особенно часто. Это происходило не по прихоти их лидеров, а главным образом потому, что серьезные события, связанные с международной политикой и войнами оказывали огромное влияние на Россию и другие страны Европы. Верно, войны происходили на мировой арене часто и раньше, но в XX веке человечество потрясли две мировые войны. И Россия, и США были участниками этих войн, да и многих региональных конфликтов. В ходе этих событий менялись их приоритеты, интересы и соответственно их положение в мировом географическом и политическом пространстве.

Россия была одной из тех стран, положение которых менялось в зависимости от собственных революционных преобразований и от судьбы остального мира.

В первые десятилетия XX века радикализация значительной части населения в России дала понять политикам многих стран Европы, что она, по сути, только стала на путь серьезных общественно-политических преобразований и, следовательно, европейские страны могут, воспользовавшись этим процессом, приобрести немалую материальную выгоду. За многими событиями общественно-политического характера в России начала века стояли западный капитал, международные промышленно-финансовые круги Германии, Австрии, Англии и США.

Россия, оказавшись в путях торгово-ростовщического капитала, какое-то время послушно следовала по тому пути, который ей избрали элиты других стран, но конечным результатом этого процесса стало не подчинение им, а прямо

противоположное: революция 1917 года. То, что она происходила во время Первой мировой войны, усугубило ситуацию.

К тому моменту, когда в России была установлена власть большевиков, доля американского капитала в экономике страны была невелика: инвестиции США составляли примерно 5% всех иностранных инвестиций. Большинство видных деятелей социал-демократии, и в первую очередь большевистских, считало, что вслед за российской пролетарской революцией начнется целая серия таких же революций в Европе. Между тем Первая мировая война была только новой стадией передела мира, и противниками России в этой войне были такие империалистические хищники, как Германия и Австро-Венгрия.

Согласившись на позорный Брестский мир, большевистское правительство рассчитывало исключительно на передышку в войне, которая даст возможность укрепить свою власть.

Поначалу советское правительство полагало, что с помощью связей, которые имелись у ряда большевистских деятелей в США, и с использованием огромных ресурсов собственной страны, им удастся привлечь американский капитал в Советскую Россию. Более того, звучали голоса, что спустя очень недолгое время будет налажено широкое сотрудничество между двумя странами.

В 1918 году через представителя американского Красного креста большевистские лидеры передали деловым кругам США предложение о сотрудничестве, предполагающее предоставление американским бизнесменам ряда концессий на территории Советской России. На эти предложения в США никто внимания не обратил; вместо этого американцы приняли масштабное участие в интервенции, которую

развернули на территории России войска Антанты.

Тогда советское правительство, используя деловые и родственные связи, создало в Нью-Йорке советское представительство, задачей которого было рекрутирование американских предпринимателей для открытия компаний в России. Возглавил его Людвиг Мартенс, сын крупного немецкого промышленника, знакомый Ленина по марксистскому кружку.

Единственным достижением этого представительства, на содержание которого за два года были израсходованы огромные суммы денег, стало то, что в Советскую Россию отправилось работать несколько тысяч рабочих-социалистов. Мартенс и некоторые его коллеги были вскоре высланы из США, поскольку пытались проводить массовые мероприятия, на которых звучали призывы к признанию Советской России.

Стремясь приостановить участие США в интервенции, нарком иностранных дел Г. Чичерин обратился к президенту США В. Вильсону с посланием, в котором он призывал «перестать требовать крови русского народа и жизнью русских граждан» в обмен на предоставление широких деловых возможностей и разного рода концессий американскому бизнесу и деловым кругам Англии и Франции. На этот призыв откликнулись не сразу. Только после того как стало очевидно, что большевики удержали свою власть, страны Западной Европы, а затем и США одна за другой начали признавать советское правительство.

Заметим, что в США те предприниматели или фирмы, которые уже имели коммерческие связи с Россией, требовали восстановить с ней нормальные дипломатические и торговые отношения. Вопрос признания Советского Союза постоянно поднимали американские

рабочие, и он все оживленнее обсуждался в американской прессе.

В июле 1920 года американские власти сняли эмбарго на торговлю с Россией. Вскоре промышленники США начали получать концессии в Советской России. Первым из них стал Арманд Хаммер, который в ноябре 1921 года получил асбестовые месторождения в районе Алапаевска.

Братья Хаммеры, хорошо осведомленные об огромных художественных ценностях в России, выступили также посредниками между советским правительством и американскими арт-дилерами и коллекционерами при распродаже музейных ценностей СССР. Покинув в начале 1930-х годов Советский Союз, они продавали сокровища династии Романовых, шедевры Эрмитажа, ювелирные изделия фирмы Карла Фаберже. По распоряжению Ленина, Хаммеру были переданы для продажи в США десятки картин из Эрмитажа, и в том числе уникальное полотно Рафаэля «Святой Георгий и дракон».

В 1960-е годы Хаммер считался «большим другом Советского Союза» и личным другом генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Американские историки утверждали, что Хаммер был связующим звеном между советскими лидерами и семью президентами США.

Хаммер вложил большую сумму в строительство Центра международной торговли в Москве, и именно там автору этой статьи удалось в 1987 году взять у Арманда Хаммера короткое интервью. На вопрос, нравится ли ему построенный центр, который чаще называли «хаммеровским», он с улыбкой ответил: «Все, что я делаю, всегда получается прекрасно!»

Хаммер построил в России комплекс по производству аммиака «Тольяттиазот» и аммиакопровод Тольятти – Одесса. Он также финансировал строительство

Одесского и Вентспилсского припортовых заводов по производству жидких аммиачных удобрений.

С 1919 года с Советской Россией широко сотрудничали заводы Г. Форда: они поставляли автомобили и тракторы. Только в 1923–1924 годах «Форд моторс» поставил в СССР 91 легковой автомобиль, 346 грузовиков и 3510 тракторов. В начале 1920-х годов СССР был рынком сбыта американских товаров, что видно из следующих цифр: в 1924 году экспорт из СССР в США составил лишь 797 тыс. руб., тогда как американские поставки в Советский Союз – 18,7 млн руб.

Немалое значение для роста американского импорта в Советскую Россию имело то, что, посетив ее в 1923 году, группа членов Конгресса США пришла к выводу, что положение советского правительства довольно прочное, а СССР – «страна колоссальных возможностей и крупнейший рынок». И если Америка сейчас не договорится с советским правительством, ее место займут другие.

Дипломатические отношения Советского Союза и США были установлены в 1933 году, в первый год президентства Франклина Рузвельта. В известной степени это была вынужденная мера: то был период Великой депрессии – крупнейшего экономического кризиса. Отношения двух стран быстро развивались.

В конце июля 1937 года впервые за всю историю советско-американских отношений состоялся дружественный визит отряда кораблей Военно-морских сил США во Владивосток: крейсер «Аугуста» и четыре эсминца стояли в порту Владивостока несколько дней. Символическое значение этого визита трудно переоценить.

Но к концу 1930-х годов отношение США к советскому государству стало меняться – в частности, из-за Советско-финской войны

1939–1940 годов. В США заморозили советские активы и наложили «моральное эмбарго» на поставки в СССР топлива.

Только после активных военных приготовлений Германии против СССР и нападения Японии на Перл-Харбор западные союзники начали осознавать истинную картину агрессивных действий нацистской Германии и милитаристской Японии. Дальнейшие события – окончание Советско-финской войны, оккупация Франции, бомбардировка немецкой авиацией Великобритании – убедили США изменить свою позицию и как можно скорее установить союзнические отношения с Советским Союзом.

Первым иностранным дипломатом, который сообщил в наркомат иностранных дел СССР о готовящейся и неминуемой агрессии Германии против СССР, был посол США в СССР Лоуренс Штейнгардт. Это произошло 15 апреля 1941 года. Он же, разговаривая в мае с первым заместителем наркома иностранных дел Андреем Вышинским, поднял вопрос о необходимости союза США и СССР против экспансионистской политики нацистов. «Было бы очень хорошо, если бы против Германии стояли с одной стороны – США, с другой – СССР», – сказал он в беседе с Вышинским.

Но «моментом истины» в отношениях между СССР и США стало начало Великой Отечественной войны. Согласно опросам Института Гэллага, проводившимся с 26 июня по 1 июля 1941 года, 72% американцев выступили в поддержку советского народа.

26 июня заместитель госсекретаря Уоллес выразил официальное отношение США ко вторжению Германии в СССР: «Американское правительство считает СССР жертвой неспровоцированной, ничем не оправданной агрессии. Американское правительство также

считает, что отпор этой агрессии, который дается сейчас народом и армией СССР, не только продиктован, выражаясь словами г-на Молотова, борьбой за честь и свободу СССР, но и соответствует историческим интересам Соединенных Штатов Америки».

Ленд-лиз

Слова «ленд» и «лиз» в переводе с английского означают *давать взаймы и сдавать в аренду*. То была крупнейшая в истории XX века программа США по оказанию помощи союзникам в годы Второй мировой войны. Она осуществлялась на основании Государственного акта США, который стал законом после того, как был подписан президентом Соединенных Штатов Америки Франклином Делано Рузвельтом.

27 июля 1941 года президент Рузвельт поручил своему личному помощнику Гарри Гопкинсу встретиться с представителями Советского правительства. 28 июля Гопкинс отправился в Москву через Архангельск. 30 июля состоялась встреча помощника президента с Иосифом Сталиным.

Гопкинс был уполномочен президентом обсуждать и решать все вопросы, связанные с получением Советским Союзом американских займов на закупку или аренду вооружений. Гопкинс получил от советского руководства и передал в США как срочные, так и долгосрочные запросы СССР. Рассматривая первую категорию, глава Советского Союза запросил 20 тысяч зенитных орудий, крупнокалиберные пулеметы и более миллиона винтовок.

Что же касается второй категории, то Сталин запросил высокооктановый авиационный бензин и алюминий для производства самолетов. Он сообщил, что в СССР уже доставлено 200 истребителей Р-40 (140 из Англии и 60 из США),

и это было серьезным подспорьем для Военно-воздушных сил СССР в первые месяцы войны.

Гопкинс, со своей стороны, выразил Сталину признательность народа Соединенных Штатов за стойкое и мужественное сопротивление агрессии, которое оказывает врагу Красная армия, и подчеркнул, что американский президент полон решимости сделать все, чтобы помочь Советскому Союзу в его доблестной борьбе против немецких захватчиков.

1 августа 1941 года Гарри Гопкинс передал американскому президенту через посла Лоуренса Штейнгардта свою оценку положения на советско-германском фронте. По его мнению, фронт был надежен, моральный дух русских воинов высок, армия воюет отважно и верит в победу. Это послание было крайне важным, так как союзники, и особенно Великобритания, сомневались в твердости советского фронта и, соответственно, в целесообразности массированных поставок вооружений и иных грузов в СССР. Теперь же происходило как раз обратное: 2 августа советскому послу в США объявили о выдаче СССР самых различных лицензий. В документе, представленном ему, говорилось: «В целях содействия расширению экономической помощи Советскому Союзу Государственный департамент выдает также неограниченные лицензии, разрешающие экспорт в Советский Союз самых разнообразных изделий и материалов, необходимых для укрепления обороны этой страны, в соответствии с принципами, применимыми к поставке таких предметов и материалов, которые необходимы для той же цели другим странам, сопротивляющимся агрессии».

Далеко не все чиновники в США были согласны с этим документом. Имелись факты,

Президент США Франклин Делано Рузвельт подписывает закон о ленд-лизе. 11 марта 1941

свидетельствующие о том, что некоторые сотрудники военного министерства в США искусственно затягивали поставки, но Рузвельт довольно быстро исправил такое положение: он потребовал ежедневно докладывать ему об исполнении советских заявок. По сути, то было исполнение воли американского народа: 27 октября в Нью-Йорке состоялся митинг в поддержку Красной армии и советского народа, на который собралось 25 тысяч американских граждан. На митинге выступал бывший американский посол в СССР Джозеф Эдвард Дэвис. В начале ноября на волне поддержки Советского Союза был одобрен беспроцентный американский заем на 1 млрд долларов (с началом платежей через пять лет после окончания войны, с выплатой в течение 10 лет).

В соответствии с международными соглашениями, США в 1941–1945 годах поставляли по ленд-лизу своим союзникам по борьбе со странами оси оружие, боевую технику, боеприпасы, взрывчатые вещества,

медицинское оборудование, различные виды сырья (в том числе нефтепродукты), промышленное оборудование, продовольствие и запчасти для поставляемой бронетанковой и автомобильной техники. Все это передавалось союзникам бесплатно до завершения боевых действий.

Помощь союзникам Соединенные Штаты начали оказывать уже с сентября 1940 года, хотя сами вступили в войну только в декабре 1941 года.

Первоначально основная часть поставок вооружения и других грузов военного назначения отправлялась в основном в страны Британского содружества, которые уже находились в состоянии войны с Германией и Японией. Но после вторжения немецких агрессоров на территорию СССР, США, сознавая важность советско-германского фронта, объявили, что будут поставлять оружие и другие важные грузы также и для Красной армии.

Президент Рузвельт понимал, что в случае победы фашистской Германии над СССР, союзники, скорее

всего, проиграют войну. Поэтому помощь Советскому Союзу была признана приоритетной.

7 ноября 1941 года программа ленд-лиза была официально распространена на Советский Союз.

Андрей Громыко назвал исторически важным документом и новой вехой советско-американских отношений опубликованное Белым домом письмо Рузвельта своему помощнику, государственному секретарю США Эдварду Стеттиниусу, в котором СССР обозначался «жизненно важной страной для обороны США».

Конец 1941 года стал значимым в советско-американских отношениях. Стойкость советского народа вызвала симпатию в американском обществе. Оборона под Москвой была названа в США беспрецедентной и героической.

Военно-воздушные силы СССР получили по ленд-лизу 18 200 самолетов, что составляло примерно треть от общего числа истребителей и бомбардировщиков, выпущенных на советских заводах за весь период войны.

Красная армия получила семь тысяч американских и шесть тысяч британских танков. Это составляло всего 8% от общего числа танков, выпущенных на советских заводах. Надо отметить, что советские танки в целом превосходили американские и британские модели по своим тактико-техническим данным, однако в условиях, когда Советский Союз воевал с сильным и хорошо вооруженным противником, любое количество боевых машин, поставленных союзниками, имело большое значение.

За пять лет войны объемы грузов, поставляемых в СССР по ленд-лизу, выросли до астрономических величин. Общий их тоннаж составил 17,5 млн тонн. Действие закона о ленд-лизе неоднократно продлевалось и распространялось не только

на период войны, но и на первые послевоенные годы.

Итого с 1 октября 1941 года по 31 мая 1945 года США поставили Советскому Союзу 427 284 грузовых автомобиля, 13 303 боевые машины, 35 170 мотоциклов, 2328 транспортных средств для перевозки боеприпасов, 1911 паровозов, 66 тепловозов, 1000 думпкаров, 120 цистерн, 35 вагонов тяжелой техники, 2 670 371 тонну нефтепродуктов (бензина и масла), или 57,8% авиационного топлива, включая почти 90% высокооктанового топлива, а также 4 478 116 тонн продуктов питания (мясных консервов, сахара, муки, соли и т.д.). В 1947 году общая денежная стоимость поставок и услуг по ленд-лизу составила около 11,3 миллиарда долларов.

Грузы для Советского Союза доставлялись тремя маршрутами – Арктическими конвоями, по Персидскому коридору и Тихоокеанским маршрутом. Арктические конвои шли по самому короткому, но и самому опасному маршруту, так как он проходил мимо оккупированных немцами Дании и Норвегии: конвои подвергались нападению немецких подводных лодок и самолетов люфтваффе. За время использования Арктических конвоев было потоплено 104 торговых судна союзников и 18 боевых кораблей. Около трех тысяч моряков героически погибли, защищая конвои от фашистов.

Более безопасным, но и более долгим был Тихоокеанский маршрут, обеспечивший около половины поставок по ленд-лизу.

Первые поставки в СССР по Персидскому коридору начались в ноябре 1941 года, однако и он занимал слишком много времени: только морская часть пути от США до берегов Ирана занимала около 75 дней.

Российская памятная монета 1995 года

В ответ на предоставленную помощь союзники получили от Советского Союза 300 тыс. тонн хромовой руды, 32 тыс. тонн марганцевой руды, большое количество золота, платины, леса и т.д. В 2006 году Российская Федерация, взяв на себя ответственность по всем долгам СССР, полностью рассчиталась с США за помощь, предоставленную по ленд-лизу в ходе Второй мировой войны.

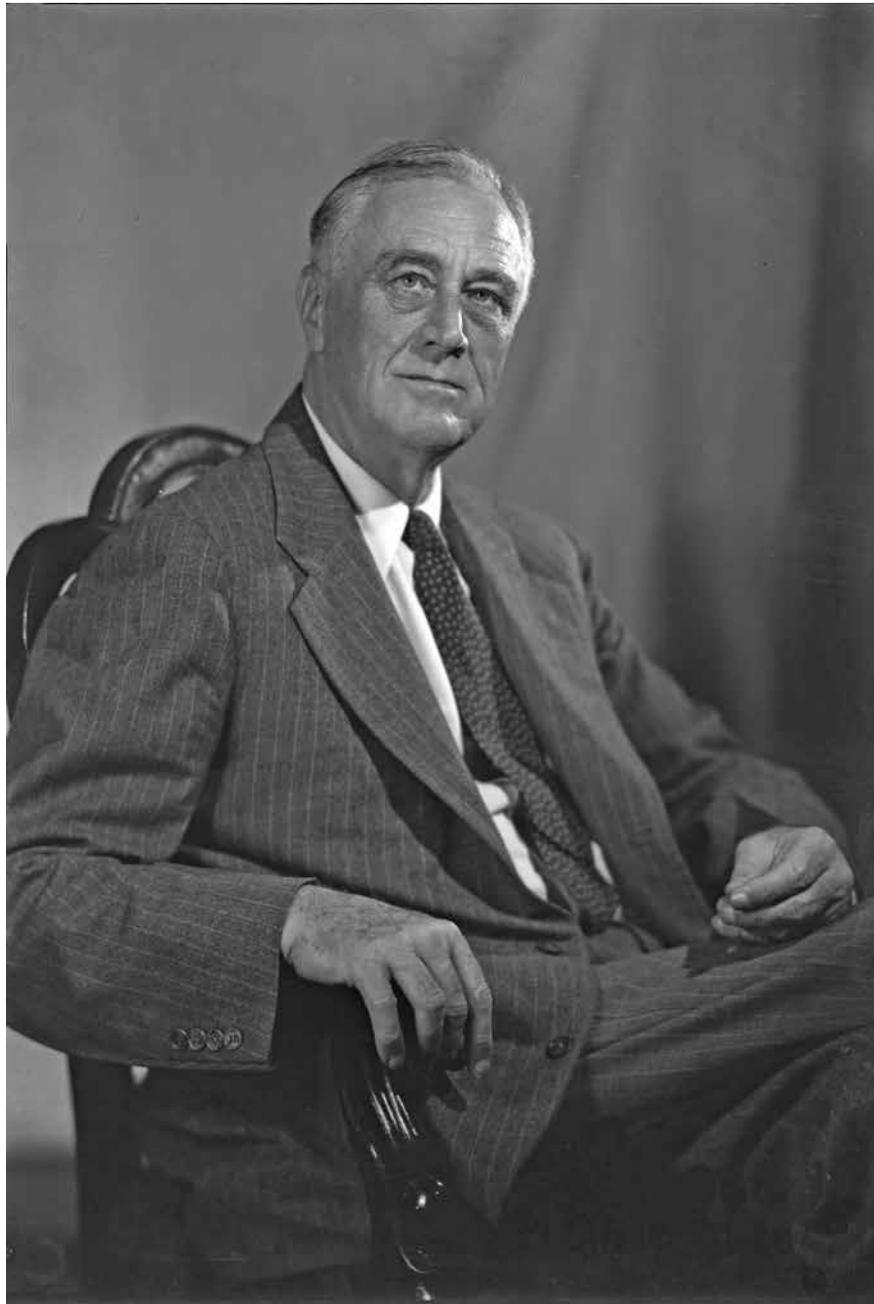
Поставки по ленд-лизу были важной и эффективной помощью Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны. Они позволили советской экономике справиться с огромными нагрузками военного времени. Однако общеизвестно, что судьба Второй мировой войны главным образом решалась на советско-германском фронте, где благодаря героическим усилиям

Красной армии было разгромлено более 600 дивизий Третьего рейха. Встреча на Эльбе советских и американских воинов в апреле 1945 года стала символом боевого братства союзных войск антигитлеровской коалиции, объединенных общей целью победы над фашизмом и вообще над силами зла.

В мае 2025 года Россия отметила важный юбилей – 80-летие Победы в Великой Отечественной войне. Окидывая взглядом десятилетия, прошедшие после Второй мировой войны, трудно не задаться таким вопросом: сознаем ли мы и сознают ли граждане США, как много наши два народа могли бы сделать за 80 лет друг для друга, если бы не было холодной войны и конфронтации, а было бы 80 лет сотрудничества на благо развития двух великих держав?

ФРАНКЛИН ДЕЛАНО РУЗВЕЛЬТ

Фрагменты из книги «Памятное. Новые горизонты. Книга 1»
советского государственного деятеля, министра иностранных дел СССР в 1957–1985 годах
Андрея Андреевича Громыко

Франклин Делано Рузвельт, 32-й президент США. 1944

Глубоко запади в мое сознание встречи с Рузвельтом. Твердо придерживаюсь и сейчас того мнения, что он являлся одним из самых выдающихся государственных деятелей США. Это был умный политик, человек широкого кругозора и незаурядных личных достоинств.

Вспоминаю, что при вручении верительных грамот президенту я подчеркнул:

– Как посол СССР в США, я буду работать на благо сотрудничества между нашими странами, укрепления союзнических отношений между ними.

Рузвельт в ответ заявил:

– Считаю развитие дружественных советско-американских отношений делом абсолютно необходимым и соответствующим интересам народов обеих стран.

Впрочем, обмена речами, обычными при вручении верительных грамот иностранными послами, тогда не было, и слова, которые приведены выше, были сказаны в беседе в ходе встречи. А при встрече президент сразу же со свойственной ему непосредственностью предложил:

– Дайте, пожалуйста, мне вашу речь, а вот вам моя. Завтра они будут напечатаны в газетах. А теперь лучше перейдем к разговору о возможностях организации совещания руководителей США, СССР и Англии.

Речь шла о предстоявшей Тегеранской конференции этих держав. Так мы и поступили.

Не скрою, на меня произвели сильное впечатление этот деловой

стиль и непосредственность президента. Мне они понравились. Протокол побоку, идет война, так рассуждал Рузвельт. Он как будто прочел мои мысли. И мне подумалось тогда, что хозяин Белого дома – не аристократ, заботящийся больше всего о том, чтобы облечь свои мысли во внешне изящную форму и тем произвести на собеседника впечатление, а человек дела, с характером, которому может позавидовать любой генерал.

Рузвельт — человек и президент

В целом эта встреча с Рузвельтом, в ходе которой я действовал уже в качестве советского посла в США, оставила у меня хорошее впечатление. В отношениях со мной от имени США официально выступал человек, обладающий способностью вести разговор свободно, без видимой натянутости. Затронув какую-то тему, он не торопился собеседника немедленно реагировать на высказанную им мысль или предложение. Чувствовалось, что у него было желание пояснить свою точку зрения, даже если она могла показаться в общем-то ясной. Ему просто нравилось возвращаться к ней, преподнося ее каждый раз в ином словесном обрамлении и в новых ракурсах. Эти первоначальные наблюдения получали подтверждение и в моих последующих с ним беседах.

Не мог я не заметить и того, что президент старался прибегать к оригинальным выражениям, которые давались ему легко. Он любил шутку. В свою очередь Рузвельту нравилось, когда и его собеседник оживлял свои высказывания шуткой либо ироническими замечаниями, если они, конечно, не относились к самому президенту.

В то же время, беседуя с Рузвельтом, если внимательно к нему

приглядеться – а я такую возможность имел на протяжении почти пятилетнего знакомства, – можно было уловить в его глазах, выражении лица налет грусти. Улыбка, иногда веселость в поведении президента казались скорее следствием каких-то внутренних усилий, призванных скрыть, а может быть, в какой-то мере и подавить тоску, таящуюся где-то в глубине души. Причиной тому служил тяжкий недуг.

Еще в 1921 году Рузвельта постигло несчастье. Он перенес болезнь, лишившую его ноги подвижности. Случилось это, когда Рузвельт отдыхал летом вместе с семьей на острове Кампобелло в штате Мэн. Однажды, вернувшись после купания в океане домой, он почувствовал недомогание и сильный озноб. Наутро у него поднялась температура. Отнялась левая, а через два дня и правая нога.

Вызванный из Нью-Йорка профессор констатировал, что у Рузвельта редкое среди взрослых инфекционное заболевание – полиомиелит (детский паралич), который получил тогда распространение в США. Через некоторое время врачи заявили, что они бессильны улучшить его состояние, и Рузвельт понял, что тяжелые последствия этого недуга он будет ощущать всю жизнь.

Однако Рузвельт и не помышлял сдаваться. Благодаря недюжинной воле он развил в своем характере качества, которые позволяли ему, особенно во время публичных выступлений, выглядеть бодрым, волевым и даже здоровым человеком.

Рузвельту много приходилось публично выступать и перед различными аудиториями, и по телевидению – его первое обращение к зрителям с голубого экрана состоялось в 1938 году, еще до того, как в 1941 году в США начался регулярный выход в эфир телевизионных передач. Традиционными

были также получасовые радиобращения президента к американцам из Овального кабинета Белого дома – так называемые «Беседы у камина», которые он проводил несколько раз в году. Рузвельт умел мобилизовать необходимый резерв своей воли и сил, для того чтобы выглядеть хорошо. И ему в этом сопутствовал успех.

Во время митингов, выступлений по радио и телевидению президент говорил медленно, произносил слова четко, мысли свои излагал ясно. К жестам прибегать не любил. Выражение его лица было одухотворенным и волевым. В целом все выступления Рузвельта создавали у американцев благоприятное впечатление, вызывали к нему симпатии. И не без оснований его еще при жизни называли «величайшим трибуном из всех современных ораторов Америки». Это произошло на одной из конференций американской Национальной ассоциации преподавателей ораторского искусства.

В последующем я не знал ни одного президента Соединенных Штатов, который в этом отношении сравнился бы с Рузвельтом. Отмечу еще одну черту, которую я и сам замечал во время встреч с президентом и о которой мне не раз рассказывали американские деятели, часто общавшиеся с ним. Он не имел манеры употреблять резкие слова по адресу своих собеседников или даже прямых политических противников. Разумеется, это не относилось к деятелям тех стран, с которыми США находились в состоянии войны.

В случаях, когда возникала такая необходимость, Рузвельт давал простор скорее своей способности ответить оппоненту с юмором. И те, по чьему адресу президент проходил основательно, имели, как говорится, «тот вид». Юмористические стрелы, выпущенные Рузвельтом, ранили больно. Это

Франклин Рузвельт во время первой президентской предвыборной кампании. 1932

качество отмечали даже его политические противники.

Следует сказать и о том, как вел себя Рузвельт, участвуя в переговорах, и прежде всего, конечно, на Тегеранской и Крымской

конференциях руководителей трех союзных держав – СССР, США и Англии. Основываясь на собственных наблюдениях за президентом во время Крымской конференции, должен подчеркнуть, что

он проявлял стойкую выдержку, стремился даже в самые напряженные моменты работы этой конференции привносить в атмосферу переговоров нотки примирения и деловитости.

В этом смысле американский президент определенно в лучшую сторону отличался от английского премьер-министра Черчилля. Вообще они были людьми во многом разными и по характеру, и по темпераменту. Известно, что на конференциях в Тегеране и Ялте Черчилль не раз приходил в состояние раздражения при обсуждении тех или иных вопросов, хотя и старался оставаться перед собеседниками в рамках общепринятых норм. Таким он предстает и перед читателем в своих мемуарах.

По манере ведения дискуссии Рузвельт скорее приближался к Сталину. У последнего слова никогда не обгоняли мысль, чего нельзя сказать о Черчилле, который подчас не мог сладить с эмоциями, давал волю чувствам. В такие моменты президент США пытался разрядить обстановку, примирить спорящих, пуская в оборот соответствующие слова и фразы.

Понятно, речь тут не идет о какой-то чрезмерной уступчивости Рузвельта. Он также настойчиво отстаивал интересы США, добивался возможного, но делал это тоньше и тактичнее Черчилля.

Нелишне напомнить, что Рузвельт, как представитель класса буржуазии, выражал, конечно, ее интересы. Однако он принадлежал к тем кругам правящего класса Америки, которые более трезво подходили к оценке международной обстановки и к вопросам развития советско-американских отношений. Ведь это же не простая случайность, что именно при нем в 1933 году Советский Союз и Соединенные Штаты Америки установили дипломатические отношения.

То, что Рузвельт сумел в период войны немало сделать для укрепления доверия между Вашингтоном и Москвой, сознавал и ценил гигантский, по его определению, вклад СССР в битву с фашизмом, причем не боясь об этом сказать

открыто, лишь подчеркивает его реализм как политического деятеля.

Говоря о встречах американского президента с представителями Советского Союза, следует иметь в виду, что характер и атмосфера этих встреч представляли собой явление особое. Несмотря на ограничительные рамки в отношении СССР и США, связанные с коренным различием в их общественном строе, оставалось довольно широкое поле для достижения взаимопонимания между ними по проблемам, которые затрагивали общие интересы в борьбе против фашизма, в деле налаживания и развития сотрудничества этих великих держав.

Для тех вашингтонских деятелей, которые забывают это, вовсе не мешало бы обратиться к опыту, накопленному в советско-американских связях, когда у руля политики в Вашингтоне стоял президент Франклин Делано Рузвельт.

О Рузвельте в США написано немало статей и даже книг. Главным образом после его смерти. Подавляющее большинство их посвящено его политической деятельности в период пребывания на посту президента. Это и понятно.

Авторы трудов, как и в целом общественное мнение США, могут быть разделены на две группы. Одна – это те, кто дает характеристику политической деятельности президента как выдающегося лидера, снискавшего глубокое уважение большинства американцев. К другой относятся его противники, которые во многом не разделяют взглядов президента и даже их критикуют. Разумеется, эти вторые тяготеют к Республиканской партии.

В настоящее время, по истечении более сорока лет после смерти этого выдающегося американца, осталось не так уже много современников Рузвельта, которые хорошо знали его лично.

Поэтому появляющаяся сейчас литература на эту тему

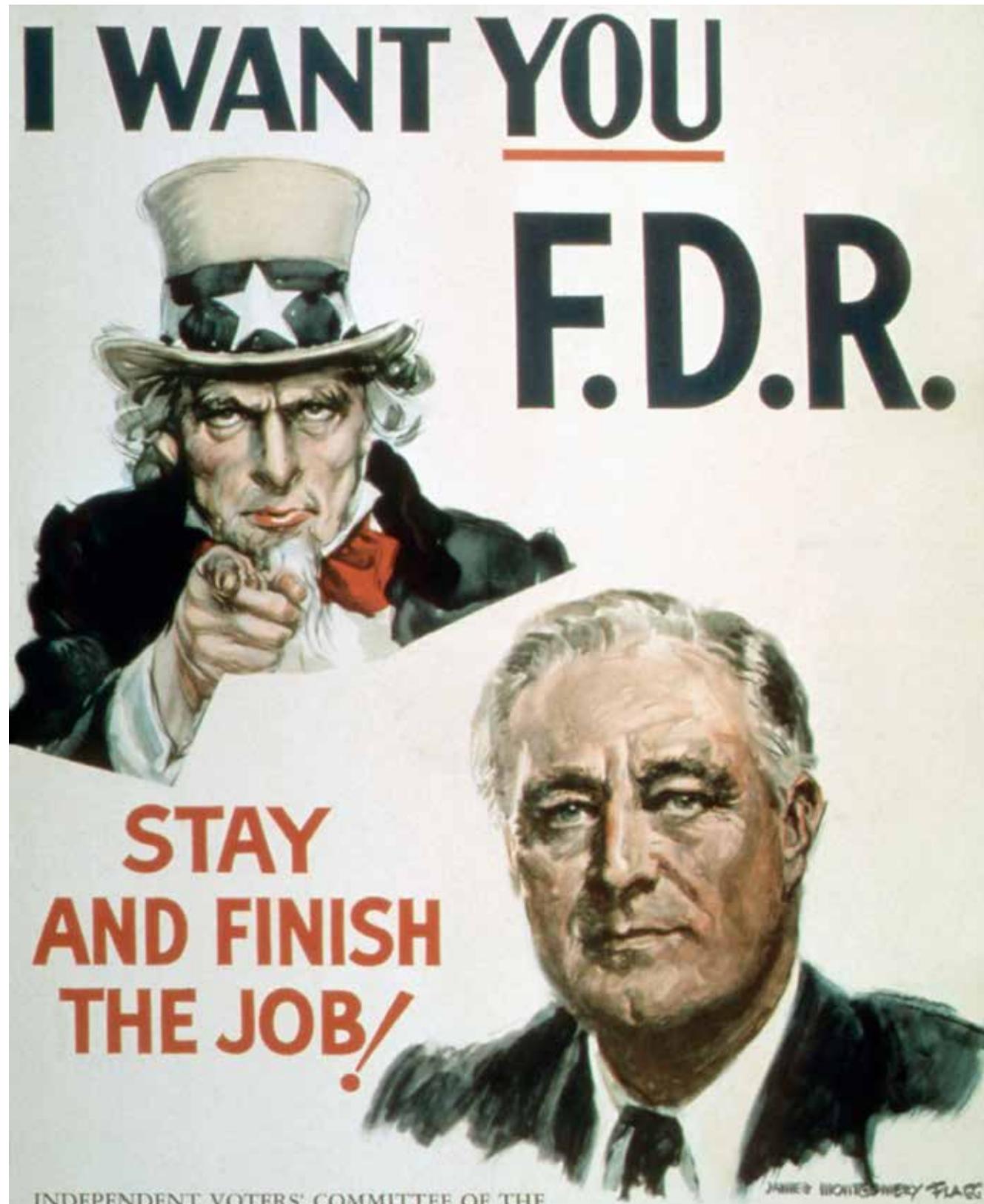
представляет собой в основном пересказ того, что было напечатано несколько лет, а то и десятилетий назад.

Оценки авторов разнятся примерно по прежней линии, но, пожалуй, лишь с тем отличием, что увеличивается число неточностей в приведении фактов, относящихся как к внутреннему курсу администрации, так и к ее внешней политике в рузвельтовский период.

Выше я изложил некоторые оценки политических проблем, которые интересовали и США, и Советский Союз. Разумеется, это сделано экономно, даже скупно, учитывая жанр настоящей книги – воспоминания. Такие оценки нужны, так как речь идет о крупнейших проблемах войны и мира. Ведь Сталиным и Рузвельтом обсуждались вопросы структуры будущего мира. Как он должен выглядеть? Речь шла о том, чтобы, помня о тех десятках миллионов людей, которые сложили головы в борьбе против фашизма, создать эффективную международную организацию, способную обеспечить мир.

Но сейчас в литературе почти не появляются объективные материалы, воссоздающие образ президента Рузвельта как человека. Фотографий и кинокадров для этого недостаточно. Поэтому я позволю себе добавить некоторые штрихи к его портрету, не претендуя на полноту.

Наверное, будет правильным следующее замечание. Политикам, от которых во многом зависит решение крупнейших проблем, затрагивающих так или иначе жизнь миллионов людей, очень трудно играть роль «раздвоенной личности». Не может человек, занимающий позицию, враждебную миру, выглядеть носителем великих идеалов мира и дружбы, человеческой доброты в каждодневном общении с людьми, в том числе с крупными деятелями других государств.

«Оставайся и заверши работу!». Агитационный плакат, призывающий к переизбранию Рузвельта на четвертый президентский срок. 1944

Не может без риска обнаружить свое подлинное лицо.

История дает тому немало примеров. Один из них – бесноватый фюрер. Только слепые могли не видеть агрессивную философию нациста еще задолго до того, как германский президент Гинденбург принял присягу у нового канцлера.

А каким был Франклин Рузвельт? Открытый взгляд. Приветливость и уважительность в общении. Всегда он находил доброе слово по адресу собеседника и его страны. Если разговор происходил в его кабинете, то он вел себя непринужденно, мог обратить внимание на портреты на стенах, правда их было немного.

Конечно, с начала и до конца беседы из-за своего недуга он сидел. Но в то же время умел вести себя так, что окружающие даже забывали о его физической скованности. Сидя за столом, он был подвижен, поворачивался, иногда что-то чертил или брал нужную бумагу.

Разумеется, беседу разнообразило и то, что он вызывал помощников, наводил у них справки или давал им поручения. В свое время я встречал людей, которые утверждали, что по лицу Рузвельта можно было догадаться, как он настроен по тому или иному обсуждаемому вопросу. Полностью с этим согласен.

Наблюдал я, с каким уважением он отзывался о Сталине. Произносил он слово «Сталин» с ударением на «и». Я его не поправлял, так как знал, что когда это пытались делать другие, то он на подобные замечания просто не обращал внимания.

Не берусь судить, испытывал ли Рузвельт физическую боль во время заседаний, конференций или двусторонних бесед с ним в Белом доме. Скорее всего, испытывал, несмотря на лекарства. Но внешне это трудно было заметить. Видимо, помогало большое самообладание и, конечно, незаурядная сила воли.

Но все же не ускользала от взгляда какая-то его усталость, а точнее, отрешенность. Впрочем, это можно было наблюдать лишь в последний период жизни Рузвельта. <... >

Не раз я слышал, как и американские деятели, и представители других стран пытались сопоставлять историческую роль Рузвельта со значением для США его предшественников, причем обычно начинали экскурсы с Джорджа Вашингтона. Однако, на мой взгляд, такие сопоставления или сравнения не оправданны.

К примеру, президент Вашингтон возглавил борьбу Штатов за независимость. Он стал первым главой государства после того, как были сброшены английские колониальные оковы.

Все это верно. Но как можно сравнивать эти события с участием США во Второй мировой войне, когда эта страна вступила в союз с СССР – социалистическим государством? А как можно сравнивать Авраама Линкольна с тем же Рузвельтом, да и с любым другим президентом США более поздних времен? При таком сопоставлении невозможно найти соответствующие эквиваленты, которые позволяли бы сравнивать заслуги или минусы в деятельности такого рода исторических фигур. Только определенная эпоха и дает возможность оценить место каждой из них при учете специфических черт данного конкретного времени.

Нельзя сравнивать несравнимое. Как нельзя на одну чашу весов положить, скажем, время, а на другую – пространство и взвешивать – что важнее.

Если бы не было Рузвельта в канун войны, когда СССР нормализовал отношения с США, если бы его не было и в тяжелые годы войны, то положение оказалось бы совсем иное. Это относится и к подведению итогов самой тяжелой и кровопролитной в истории войны,

поскольку основы послевоенного устройства закладывались еще на конференциях в Тегеране и Ялте с участием президента Рузвельта.

Ему нужны были умные люди

У президента США был узкий круг деятелей, с которыми он систематически советовался по вопросам как внутренней жизни страны, так и внешней политики. Представление, которое бытовало и в годы его президентства, и после его кончины, будто он почти все решал сам и не испытывал нужды в углубленном обсуждении проблем с другими, по крайней мере наиболее близкими, людьми, является примитивным. Верно то, что Рузвельт не колебался в принятии решений, в обоснованности которых у него не было сомнений. Но прежде чем прийти к убежденности в этом, он заставлял и других высказывать свои суждения, что особенно относилось к тем деятелям или его друзьям, которым он верил и на чью компетентность полагался. Президент любил людей компетентных.

Однажды в беседе со мной он сказал:

– Голова идет кругом, столько проблем. И нужны умные люди, чтобы решать их правильно.

Рузвельт не был исключением из правила, освященного опытом многих веков. Президент действовал в этом плане так же, как поступали и другие крупные деятели в древние или более поздние периоды истории.

Связи, которые поддерживал Рузвельт с теми или иными лицами, были уже в силу его положения и некоторых присущих ему особенностей характера в общем-то на виду. Он и не пытался их скрывать. Например, нередко Рузвельт на протяжении своего президентства

Государственный секретарь США Эдвард Стеттиниус, посол СССР в США Андрей Громыко и народный комиссар иностранных дел СССР Вячеслав Молотов наблюдают за идущим на посадку самолетом президента США Франклина Рузвельта. Саки, Крым. 3 февраля 1945

рекомендовал советским послам, в том числе и мне:

– Побеседуйте по этому щекотливому вопросу с Гарри Гопкинсом. Он, возможно, не все вопросы может решить, но докладывать их мне будет точно. <...>

Гопкинса считали человеком умным, но в то же время и сложным. Не занимая крупных постов в администрации, если не считать короткого периода (1938–1940 гг.) пребывания на посту министра торговли, он был у Рузвельта

на подхвате. Его политические взгляды совпадали со взглядами самого Рузвельта по всем основным вопросам войны и мира. Это – главный секрет того веса, который имел Гопкинс в Вашингтоне и администрации.

Гарри Гопкинс являл собой необычный феномен на политическом небосводе США. Он пришел в Белый дом в сорок три года и в течение последующих двенадцати лет неизменно находился при Рузвельте. В тот период никто из государственных деятелей не был так близок к президенту, как Гопкинс.

Все знали, что он отец четверых детей и жил в общем-то по американским меркам довольно скромно. Его ежегодный доход в течение пребывания в Белом доме был ниже того, который он получал до 1937 года.

Неофициально его называли «заместителем президента», «начальником штаба Белого дома», «главным советником по вопросам национальной безопасности». Он был и тем, и другим, и третьим. Но что больше всего поражало американцев, так это отсутствие у Гопкинса желания наживаться на своей близости к высшей власти, извлекать из своего положения личную выгоду.

Зная его влияние, премьер-министры и президенты зарубежных стран, приезжавшие в Америку, стремились с ним увидеться. Магнаты американского бизнеса поражались его хладнокровию в периоды самых сложных кризисных ситуаций, умению ясно и четко мыслить, излагать свои воззрения.

Гопкинс являлся не только глазами и ушами президента, но, фигурально выражаясь, и его ногами. В решающие для американской истории моменты Рузвельт направлял с самыми важными миссиями за рубеж именно его, Гопкинса.

В январе 1941 года, когда в Европе уже бушевал пожар Второй мировой войны, Гопкинс прилетел в Лондон к Черчиллю. В июне 1941 года нацистская Германия напала на Советский Союз, а уже в июле того же года Гопкинс беседовал в Москве со Сталиным. Доверие к этому человеку Рузвельт

испытывал настолько большое, что никогда не давал своему эмиссару никаких инструкций в письменном виде. <...>

После смерти Рузвельта Гопкинс сразу же подал в отставку. Единственным его желанием было написать книгу о президенте, с которым он в течение многих лет работал бок о бок. Но сделать это не успел: он скончался через девять месяцев после смерти Рузвельта.

У меня состоялось немало доверительных бесед с Гопкинсом, в частности в нашем посольстве, куда он приходил иногда со своей супругой. Нам с Лидией Дмитриевной (супруга А. Громыко. – Прим. ред.) всегда доставляло большое удовольствие провести с ними время. Гопкинс любил узкие по составу встречи. Из бесед с ним я не могу припомнить случая, чтобы сказанное Гопкинсом расходилось с мнением Рузвельта.

Мне особенно запомнилась одна из бесед с Гопкинсом в нашем посольстве. Его очень интересовала проблема будущего, и он по своей инициативе завел разговор:

– Как все-таки будут складываться отношения между США и Советским Союзом после окончания войны? То, что Германия будет поставлена на колени, яснее ясного. У президента Рузвельта в этом нет ни малейшего сомнения.

Этот разговор происходил задолго до Ялтинской конференции, но Красная армия шла уже вперед, на запад, и многие американцы понимали, что остановить ее не сможет никто.

– Рузвельт, – заявил Гопкинс, – затрагивал этот вопрос не один раз, пытаюсь заглянуть в будущее. И не случайно затрагивал. Об этом же его спрашивают представители разных кругов. Правда, больше политики, чем представители бизнеса.

Гопкинс считался весьма осведомленным человеком, поэтому

его мнение всегда представляло интерес.

– У самого Рузвельта, – говорил Гопкинс, – пока еще нет устоявшихся взглядов на этот вопрос, так как для точного ответа надо учесть возможное влияние многих факторов. Главный из них, конечно, – это политика Советского Союза как великой страны.

Слова «великая держава» тогда еще не употреблялись, и Гопкинс пользовался старомодным лексиконом, с точки зрения современных политиков.

– Но из скупых высказываний президента, – продолжал он, – все же я улавливаю, что США должны сделать все возможное, чтобы и в будущем ладить с Советской Россией.

В ответ я сказал:

– Все послания Сталина, которые я доставлял президенту, в том числе и через вас, мистер Гопкинс, проникнуты уважением не только к президенту, но и к вашей стране. Если у обоих лидеров сходные взгляды, разве уже это не говорит о многом? Конечно, Сталин не всегда получал благоприятные ответы на высказанные пожелания, даже настоятельные просьбы.

Тут я сослался на один факт, который на Гопкинса произвел впечатление, хотя он, казалось бы, должен был о нем знать.

– Через несколько дней после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, – рассказывал я, – советское посольство в Вашингтоне получило за подписью Сталина телеграмму, в которой он просил правительство США поставить Советскому Союзу бронированные плиты для танков. У нас в них испытывалась острая нехватка. Однако положительного ответа на эту просьбу мы не получили. США не поставили тогда ничего. Конечно, и в Москве, и в посольстве осталось от этого лишь одно чувство горечи.

Черчилль, Рузвельт и Сталин в дни Ялтинской (Крымской) конференции, второй по счету встречи лидеров трех стран антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании. 4–11 февраля 1945

– Да, – сказал Гопкинс, – я знаю; не все, что делала администрация Рузвельта, удовлетворяло Москву. Но затем все же дело выправилось: мы поставляли и военные самолеты, и грузовые автомашины,

и морские суда, и немало про- довольствия. Вступать с ним в спор и что-то доказывать не хотелось. И без всяких доказательств и у нас в стране, и в США знали, что в самый

тяжелый период Великой Отечественной войны – в ее первый год – США не поставили почти ничего, как бы выжидая, выстоит ли Советский Союз или нет. И только когда выяснили, что он выстоял – один

на один, – только тогда начали постепенно осуществлять кое-какие поставки.

– Как-то так повелось в Вашингтоне, – говорил Гопкинс, – что до войны президент больше времени уделял внутреннему положению в стране. В ходе войны, особенно после нападения Японии на Перл-Харбор и вступления США в войну против Германии, он все больше стал задумываться над будущей обстановкой в мире и над вопросом отношений между нашими странами после окончания войны.

Он много знал, этот приближенный к Рузвельту политический деятель. <...>

Гопкинс высказал свои мысли о будущем советско-американских отношений,

не ссылаясь на прямое поручение Рузвельта. Зная Гопкинса, я испытывал уверенность, что его мысли – это мысли президента. В этом приходилось убеждаться всегда – и раньше, и позже.

Так состоялся один из последних наших разговоров с Гопкинсом.

Конечно, душой и телом он был предан капиталистическим порядкам, американской демократии. И в вопросах идеологических он оставался представителем своего класса. К тому же к разговорам о теории он вкуса не испытывал.

Однако этот внешне хилый человек вершил большие дела, как доверенное лицо Рузвельта и как патриот, на пользу развития советско-американских отношений в годы войны, а значит, и во имя великой Победы над фашизмом.

Политические взгляды Гопкинса во многом разделял Генри Моргентау, занимавший пост министра финансов. У меня сложились отличные отношения с этим деятелем рузвельтовского направления. Не раз я убеждался, что мысли, которые он высказывал в ходе наших бесед, тоже отражали мнение президента. Да и сам Моргентау этого не скрывал.

Особенно смело министр финансов рассуждал о послевоенном устройстве мира.

– Германия, – говорил он, – должна быть лишена возможности вновь встать после окончания войны на путь агрессии. Хватит тех преступлений, которые она совершила при Гитлере. И наши и ваши люди впредь не должны этого допускать.

Он не считал, что такой курс политики встретит сопротивление в США со стороны каких-либо влиятельных кругов.

– Военные, – утверждал он, – настроены довольно решительно. Американский бизнес – тем более. Ведь он не заинтересован в существовании сильного конкурента на международном рынке. <...>

По поводу будущего Германии Моргентау рассуждал так:

– Наиболее надежным путем предотвратить агрессию в Европе было бы расчленение Германии

и даже переселение определенной части ее населения в иные районы мира, например в Северную Африку. Правда, каждый раз он делал при этом оговорку:

– Сам президент еще не рассматривал этого плана по существу, хотя и знает, что такие идеи есть.

Моргентау стоял, пожалуй, на самых радикальных позициях в отношении решения судьбы Германии после окончания войны. Однако, во что конкретно предстояло вылиться такому решению, никто до Потсдама точно и авторитетно сказать не мог. Даже Рузвельт не спешил с определением окончательной позиции. Тем более что отнюдь не по всем вопросам, связанным с судьбой побежденного врага, у союзников вырисовывались одинаковые взгляды.

Весьма близким человеком к Рузвельту считался и Гарольд Икес – министр внутренних дел. Мои контакты с ним оставались все время также дружественными и полезными.

Гопкинс, Моргентау и Икес, являвшиеся авторитетными деятелями, решительно высказывались, как и Рузвельт, в том духе, что различия в социальном строе СССР и США не должны служить барьером, препятствующим сотрудничеству двух стран в борьбе против общего врага и потом, после победы над ним, в строительстве мирной жизни и добрых отношений между союзниками.

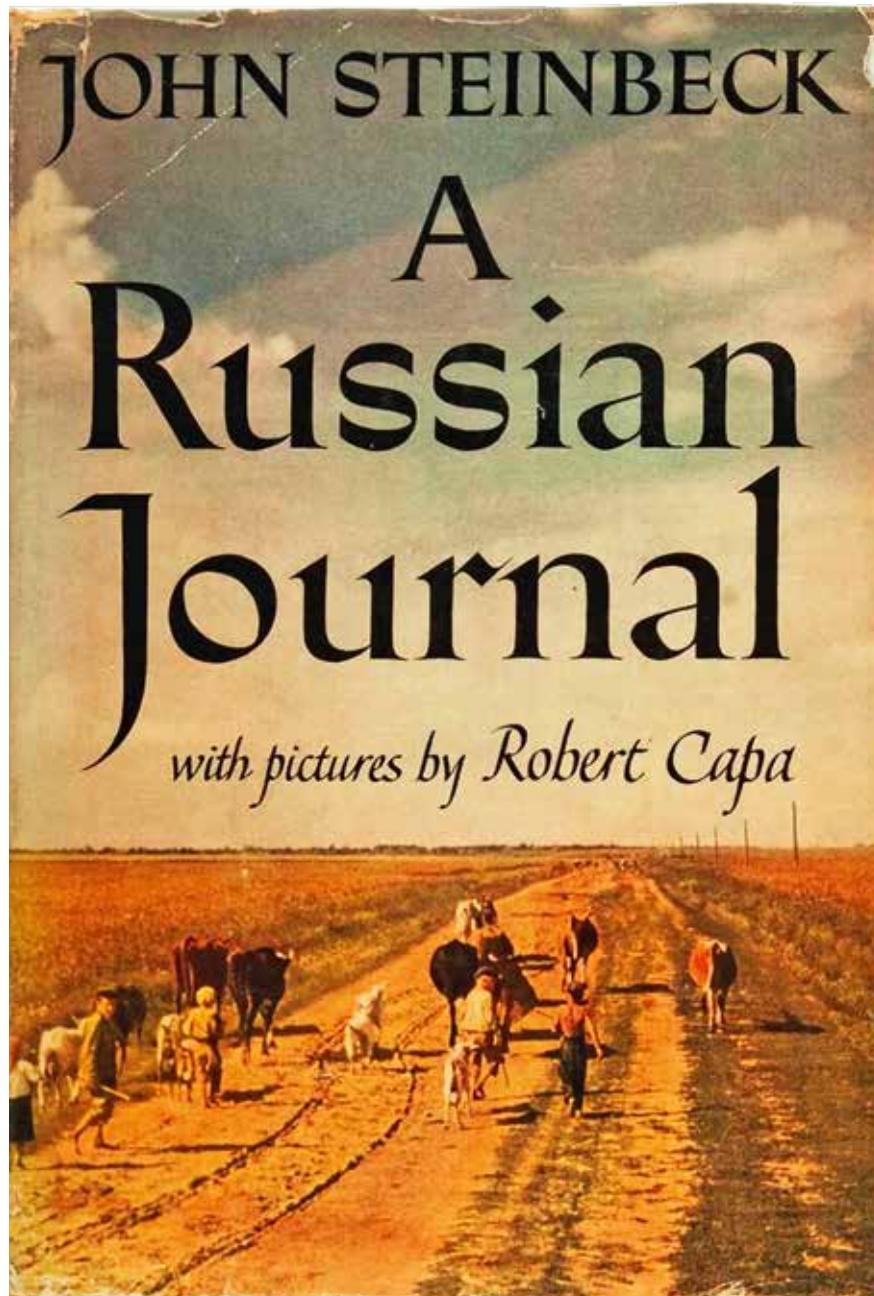
Последующие события, особенно послевоенных лет, подтвердили, что взгляды, которые определяли направление такой политики Рузвельта и его администрации, отвечали интересам американского народа.

Совсем иная политическая стратегия появилась в годы холодной войны, когда администрация США стала исповедовать культ грубой силы и гонки вооружений.

ДЖОН СТЕЙНБЕК И РОБЕРТ КАПА В СССР

В 1948 году в Америке вышел знаменитый «Русский дневник» Джона Стейнбека

КОНСТАНТИН ЛЕЖАНДР

Обложка первого издания 1948 года

В 1947 году американский писатель Джон Стейнбек еще не был лауреатом Нобелевской премии по литературе, которую он получил в 1962 году, а фоторепортер Роберт Капа еще не считался основоположником военной фотожурналистики и величайшим приключенческим фотографом в истории. Просто-напросто вместе они искали новую интересную тему для большого иллюстрированного репортажа и решили отправиться в путешествие по СССР. Впрочем, в Советский Союз, только что победивший во Второй мировой войне и напряженно залечивавший нанесенные ею страшные раны, их не приглашали, не звали. Это была со стороны американцев чистая журналистская импровизация, но она удалась. И как! На протяжении почти двух месяцев Стейнбек и Капа побывали в Москве, Сталинграде, Киеве, Тбилиси... Стейнбек записывал увиденное в блокнот, а Капа запечатлевал на фотопленку. Результатом поездки стал их знаменитый «Русский дневник», который вышел в Америке в 1948 году.

«Тысячи слов о России...»

В дождливый мартовский день 1947 года Стейнбек скучал в одиночестве за стойкой бара отеля «Бедфорд» на Сороковой улице Восточной стороны Нью-Йорка, когда туда вошел его старый товарищ, военный фотограф Роберт Капа. У обоих на тот момент была

пауза и в работе, и в личной жизни – Стейнбек был с женой на грани развода. Друзья закурили, разговорились и принялись рассуждать о гражданских свободах, о различиях политических систем, заговорили и о том, что «осталось в мире такого, чем мог бы заняться честный человек либеральных взглядов». Наверное, в таких мужских беседах под зеленый бокал абсента – именно его пили коллеги в тот день – и рождаются самые смелые и необычные идеи.

«Мы принялись обсуждать, что может в этом мире сделать честный, свободомыслящий человек. Ежедневно в газетах появляются тысячи слов о России. О чем думает Сталин, что планирует русский генштаб, где дислоцированы русские войска, как идут эксперименты с атомной бомбой и управляемыми ракетами, – и все это пишут люди, которые в России не были, а их источники информации далеко не безупречны. И нам вдруг пришло в голову, что в России есть много такого, о чем вообще не пишут, и именно это интересовало нас больше всего. Что там люди носят? Что у них на ужин? Бывают ли там вечеринки? Что они едят? Как русские любят, как умирают? О чем они говорят? Танцуют, поют, играют ли они? Ходят ли их дети в школу? Нам показалось, что было бы неплохо выяснить это, сфотографировать и написать обо всем этом», – вспоминал потом Джон Стейнбек в «Русском дневнике».

Советский Союз – такая ли это закрытая страна, как о ней пишут в американской прессе? Сможет ли Капа, ранее снимавший в Копенгагене Льва Троцкого (эти снимки обошли весь мир), свободно работать с камерой в сталинском СССР?.. Стейнбек и Капа решили, что в случае, если их не пустят в страну, они напишут репортаж, как им не удалось осуществить задуманное. Ну а если пустят, тогда они выполнят задуманное: подготовят

серию репортажей о жизни людей в Советском Союзе. Самых обычных – рабочих и крестьян, горожан и жителей деревни, студентов и стариков...

С этим замыслом друзья пришли в редакцию «Геральд трибюн» к Джорджу Корнишу, которому идея понравилась. Он обещал и деньги, и поддержку престижной газеты, издававшейся для американцев за границей. Оставалось только отправиться в советское генконсульство в Нью-Йорке. Стейнбеку дали визу на удивление быстро: сработало его писательское имя. Но никто и представить не мог, какой шквал закрытой дипломатической переписки через Атлантический океан вызовет его просьба. В советских компетентных инстанциях прекрасно осознавали, какой шум в прессе США вызвал бы отказ Стейнбеку в визе. Гадали в Москве и о другом: как использовать поездку западных журналистов в пропагандистских целях?

Кроме того, сама фигура Роберта Капы (урожденного Эндре Эрне Фридмана), полуфранцуза, полуамериканца и выходца из Австро-Венгрии, вызывала у советских чиновников немало вопросов.

В генконсульстве Стейнбеку сказали: «Зачем вам фотограф? В Советском Союзе хватает своих – наши фотографы снимут вам все, что пожелаете». Но автор «Гроздей гнева» товарища сдавать не собирался и настоял на своем.

Когда в США стало известно, что Стейнбек и Капа направляются в СССР, им пришлось выслушать множество мнений: «Вы же пропадете в Совдепии без вести, как только пересечете границу», «Видимо, у вас неплохие отношения с Кремлем, иначе бы вас в Россию не пустили. Ясное дело – вас купили», «Посадят вас в какую-нибудь ужасную тюрьму и будут пытаться. Станут руки выкручивать и морить голодом...» Но Стейнбек и Капа

«доброжелателей» не слушали, они хотели увидеть СССР своими глазами.

«Очень серьезный город»

Путь репортеров лежал через Стокгольм и Хельсинки, а оттуда через Ленинград в Москву. Из Стокгольма путешественники, как и было оговорено в редакции в Нью-Йорке, телеграфировали главе московского бюро «Геральд трибюн» Джозефу Ньюмену о времени своего приезда и попросили их встретить в аэропорту. В Хельсинки они пересели на советский самолет (на самом деле он был американским, полученным СССР по ленд-лизу в годы войны), поскольку ни один лайнер иностранных авиалиний тогда не летал в Советский Союз. В Ленинграде Стейнбек и Капа прошли таможенный контроль и вылетели в столицу, куда прибыли в конце июля 1947 года.

«Подрулив к новому большому и внушительному зданию аэропорта, мы пытались найти хоть какое-нибудь знакомое лицо, кого-то, кто мог нас встречать. Шел дождь. Мы вышли из самолета и собрали багаж под дождем: сильное чувство одиночества вдруг охватило нас. Никто нас не встречал. Ни одного знакомого лица. Мы не могли ничего спросить. У нас не было русских денег. Мы не знали, куда ехать. Рослые носильщики перенесли наши вещи к выходу из аэропорта и ждали, чтобы им заплатили, но платить нам было нечем. Мимо проезжали автобусы, и мы понимали, что не можем даже прочитать, куда они едут», – напишет Стейнбек в «Русском дневнике».

На выручку, к счастью, пришел дипкурьер французского посольства, случайно встреченный в аэропорту. Капа, много лет проработавший во Франции и снимавший, в частности, высадку союзников

Джон Стейнбек

в Нормандии, стремительно познакомился с французом и завоевал его доверие. Он заплатил носильщикам, уже начавшим терять терпение, и отвез Стейнбека и Капу в гостиницу «Метрополь». По приезде в отель выяснилось, что Джо Ньюмена нет в Москве, он уехал в Ленинград на пушной аукцион. Значит, и телеграмму он вряд ли получил и ровным счетом ничего к приезду Стейнбека и Капы не подготовил. А может, и принципиально не пожелал помогать коллегам-конкурентам, сославшись на занятость.

«Гостиница “Метрополь” оказалась почти гранд-отелем с мраморными лестницами, красными коврами и большим позолоченным лифтом, иногда бегающим вверх-вниз. За конторкой там стояла женщина, которая говорила по-английски. Мы спросили, где наши номера, и она ответила, что никогда о нас не слышала. Так что не было у нас номеров», – вспоминает Стейнбек о первой встрече с советской столицей.

Роберт Капа, за многие годы своих репортерских скитаний по театрам военных действий привыкший и не к таким испытаниям, вполне мог бы примириться с суровой советской гостиничной действительностью, но отомстить Ньюмену за его наплевательское отношение к коллегам он счел необходимым. По требованию Капы в отместку Ньюмену путешественники поселились в его номере.

«На следующее утро мы позвонили в “Интурист”, организацию, которая занималась иностранцами. Выяснилось, что “Интурист” не желает иметь с нами дела, что мы для них просто не существуем и для нас нет номеров. Поэтому мы зашли в ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей). В ВОКСе нам сказали, что знали о нашем приезде, но даже не подозревали, что мы уже приехали.

Они постараются достать для нас комнаты. Но это очень трудно, потому что все гостиницы в Москве постоянно переполнены. Потом мы вышли на воздух и побрели по улицам, – писал Джон Стейнбек. – Мы слышали о русской игре – назовем ее “русский гамбит”, – выиграть в которой редко кому удается. Она очень проста. Чиновник из государственного учреждения, с которым вы хотите встретиться, то болен, то его нет на месте, то он попал в больницу, то находится в отпуске. Это может продолжаться годами. А если вы переключитесь на другого человека, то его тоже не окажется в городе, или он попадет в больницу, или уедет в отпуск... И нет способа противостоять этому гамбиту. От него нет никакой защиты, единственный выход – расслабиться».

Что они и сделали, и все, на удивление, пошло как по маслу! В ВОКСе сняли американцам номера в гостинице «Савой». Одной из лучших в Москве, той самой, где несколько лет назад останавливались французские пилоты авиачастоты «Нормандия – Неман». Повезло! Однако вскоре и все остальное для американцев встало на свои места: «Через улицу, на втором этаже, был виден человек, который заправлял чем-то вроде мастерской по ремонту фотоаппаратов, – отметил Стейнбек в дневнике. – Он долгие часы копался в оборудовании. Позже мы обнаружили, что по всем правилам игры, пока мы фотографировали его, этот “мастер по ремонту фотоаппаратов” фотографировал нас».

Поутру американцев пригласили на встречу в ВОКС, чтобы обсудить планы. Стейнбека и Капу принял заместитель председателя правления ВОКСа Александр Караганов, который обещал им организовать интересное и насыщенное пребывание в СССР. Тут же журналистам предоставили молодую переводницу

Светлану Литвинову. Стейнбек и Капа прозвали ее Суит-Лана (от англ. *sweet* – милый).

«Это имя так очаровало нас, что мы решили поделиться им. Мы пробовали говорить Суит генерал Смит, Суит Гарри Трумэн, Суит Карри Чапмен Катт, но ни одно из них не привилось. В конце концов мы остановились на Суит Джо Ньюмене, и это стало его постоянным именем. С тех пор его и зовут Суит-Джо».

Из-за такого холодного приема Москва Стейнбеку не очень понравилась. Но времени он не терял, поехал по городу, посетил его музеи и сделал несколько заметок о московской жизни.

«Мы ужинали с Суит-Джо Ньюменом и Джоном Уокером из “Тайма” и спросили, заметили ли они, что люди здесь совсем не смеются, – написал Стейнбек в дневнике. – Они сказали, что заметили. И еще они добавили, что спустя некоторое время это отсутствие смеха заражает и тебя и ты сам становишься серьезным. Они показали нам номер советского юмористического журнала “Крокодил” и перевели некоторые шутки. Это были шутки не смешные, а острые, критические. Они не предназначены для смеха, и в них нет никакого веселья. Суит-Джо сказал, что в других городах все по-другому, и мы сами увидели это, когда поехали по стране. Смеются в деревнях на Украине, в степях, в Грузии, но Москва – очень серьезный город».

А вот и составленный будущим классиком американской литературы образ советской молодежи. В значительной степени – по итогам общения с переводчицей Светланой Литвиновой:

«От Суит-Ланы мы узнали, что советскую молодежь захлестнула волна нравственности. Это было что-то похожее на то, что происходило у нас в Штатах в провинциальных городишках поколение

назад. Приличные девушки не ходят в ночные клубы. Приличные девушки не курят. Приличные девушки не красят губы и ногти. Приличные девушки одеваются консервативно. Приличные девушки не пьют. И еще приличные девушки очень осмотрительно себя ведут с парнями. У Суит-Ланы были такие высокие моральные принципы, что мы, в общем, никогда не считавшие себя очень аморальными, на ее фоне стали казаться себе весьма малопрстойными».

Скорее всего, Стейнбек и Капа подозревали, что Литвинова следит за ними и отчитывается едва ли не каждый день в специальных органах. Спустя много лет после визита американцев в СССР Светлана признается в СМИ, что так оно и было и что ни одно событие не могло у них произойти без согласования в особых инстанциях. Еще она признается, что Джон Стейнбек ей очень понравился как мужчина...

Стейнбек в Москве уже был ранее. В 1936 году он приезжал сюда в командировку буквально на несколько дней. В «Русском дневнике» писатель описывает перемены, которые произошли с городом за прошедшее с его первого визита время: «Город стал гораздо чище, чем тогда. Многие улицы были вымыты и вымощены. За эти одиннадцать лет выросли сотни высоких новых жилых домов и новые мосты через Москва-реку, улицы расширяются, статуи на каждом шагу. Исчезли целые районы узких и грязных улочек старой Москвы, и на их месте выросли новые жилые кварталы и новые учреждения. Мы заметили также, что город приводят в порядок. Все дома стояли в лесах. Их заново красили, кое-где ремонтировали, ведь через несколько недель город справлял свое 800-летие, которое собирались празднично и торжественно отметить. Но несмотря на предпраздничную суматоху, люди на улицах выглядели

усталыми. Женщины очень мало или совсем не пользовались косметикой, одежда была опрятной, но не очень нарядной. Большинство мужчин носило военную форму, хотя они уже не служили в армии. Их демобилизовали, и форма была единственной одеждой, которую они имели».

И где бы Стейнбек и Капа ни появлялись, повсюду их сопровождали портреты и скульптуры Сталина...

«Все в Советском Союзе происходит под пристальным взглядом гипсового, бронзового, нарисованного или вышитого сталинского ока. Его портрет висит не то что в каждом музее – в каждой зале музея. Его статуи установлены у фасадов каждого общественного здания. А его бюст – перед всеми аэропортами, железнодорожными вокзалами и автобусными станциями. Бюст Сталина стоит во всех школьных классах, а портрет часто висит прямо напротив бюста. В парках он сидит на гипсовой скамейке и обсуждает что-то с Лениным. Дети в школах вышивают его портрет. В магазинах продают миллионы и миллионы его изображений, и в каждом доме есть по крайней мере один его портрет».

Джон Стейнбек достаточно подробно описывает и посещение Музея Ленина: «Мне кажется, что в мире не найдется более задокументированной жизни. Ленин, по всей вероятности, ничего не выбрасывал. В залах и в застекленных витринах можно видеть его записки, чеки, дневники, манифесты, памфлеты; его карандаши и ручки, его галстуки, одежда – все здесь».

Стейнбека очень удивило, что во всем музее нельзя найти изображения Троцкого: «Троцкий, как учит русская история, перестал существовать и вообще никогда не существовал. Такой исторический подход нам непонятен. Это та история, которую хотелось бы иметь, а не та, что была на самом деле. Нет

никакого сомнения в том, что Троцкий оказал огромное историческое влияние на русскую революцию».

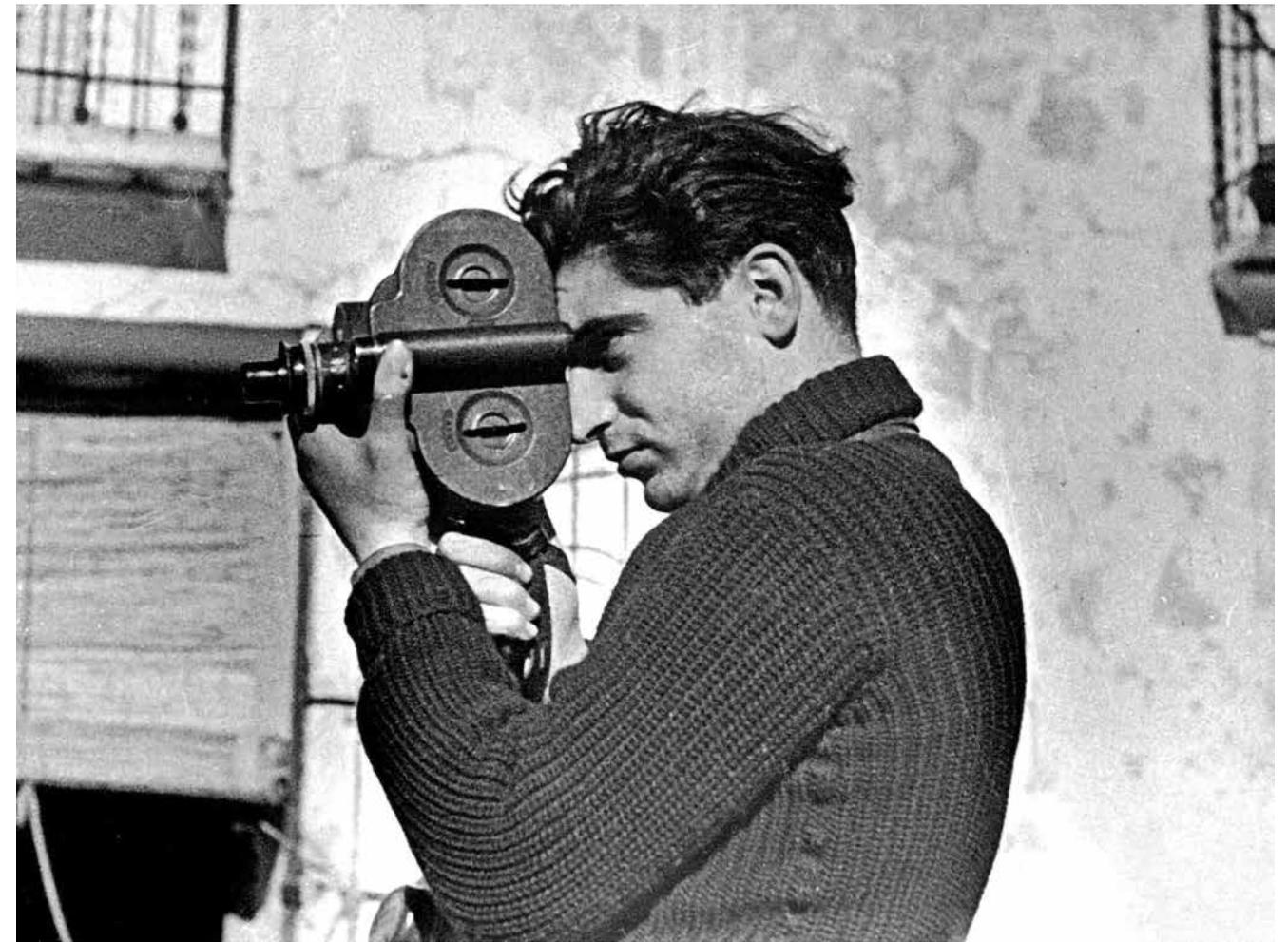
Стейнбек с нетерпением ждал того момента, когда ему разрешат выехать в другие города. И вот это состоялось!

«Обувь – слишком большая роскошь»

6 августа Стейнбек и Капа вылетели в Киев. Вместо строгой Светланы Литвиновой в качестве переводчика и гида поехал маленький и трепетный Иван Хмарский, начальник американского отдела ВОКСа, над которым путешественники подшучивали всю поездку. Стейнбек в своей книге рассказывал, что очень часто планы Хмарского, по мнению писателя, хронического неудачника, срывались: то за ними не приходили заказанные машины, то не улетали самолеты, на которые заранее брались билеты. Американцы прозвали Хмарского «Кремлин греmlin». Дескать, злобный гном-греmlin, ненавидящий технику и вредящий людям ею пользующимся, мешает Хмарскому делать все как требовалось бы. На самом же деле нужны американцам встречи и поездки частенько срывались потому, что местное начальство перестраховывалось и не давало на них согласия.

И тем не менее Стейнбек пишет: «Украинцы все время улыбались. Они были веселее и спокойнее, чем люди, с которыми мы встречались в Москве. И открытости, и сердечности было больше. Мужчины – почти все – крупные блондины с серыми глазами... Я смотрел на женщин, которые шли по улице, как танцовщицы. У них легкая походка и красивая осанка».

Стейнбек и Капа – непременно в сопровождении – много гуляли по Киеву, осматривали город, точнее, его руины. Капа

Роберт Капа

фотографировал развалины. На этот раз их гидом был Алексей Полторацкий – украинский писатель, прекрасно владеющий английским.

«Наверное, когда-то город был очень красив. Сейчас Киев почти весь в руинах. Здесь немцы показали, на что они способны. Все учреждения, все библиотеки, все театры, даже цирк – все разрушено, и не орудийным огнем, не в сражении, а огнем и взрывчаткой. Университет сожжен и разрушен, школы в руинах. Это было не сражение, а безумное уничтожение всех культурных заведений города и почти всех красивых зданий, которые были построены за последнюю тысячу

лет», – пишет в «Русском дневнике» Джон Стейнбек.

Масштаб разорений, произведенных войной с фашистами, поразила американцев. Удивило их и восприятие искусства советскими людьми. В Киеве американцев повели в театр на спектакль «Гроза» Харьковского театра драмы по пьесе Александра Островского. Стейнбеку постановка показалась «странной и старомодной»: «Это был обыкновенный традиционный спектакль, и публике он понравился. Нам показалось странным, что люди в зале, познавшие настоящую трагедию, трагедию вторжения, смерти, разорения, могут быть так взволнованы из-за судьбы женщины, которой поцеловали руку в саду».

А на следующий день Стейнбека и Капу сводили в цирк. Там – как бы ненароком – они познакомились с известным драматургом Александром Корнейчуком. Тот с ходу принялся критиковать Америку за ядерную бомбу и просвещать гостей на счет всемерного прогресса в СССР. То ли Корнейчук внушал это иностранцам не столь убедительно, то ли он был настолько обаятельным, что Джон Стейнбек тут же подружился с киевским писателем. Они договорились о новой встрече... Больше они не виделись: вышедшим ответственным товарищам очень не понравилось такое братание писателей с разных континентов.

"The Russian Question," a hopelessly bad play about U.S. reporter whose boss won't let him write truth about Russia, opened in 300 Soviet theaters at once.

Every Russian city has its museum, and the museums are crowded all day long. Whole schools of children come with their teachers. This one is in Moscow.

A Ukrainian chorus sings folk songs in Tchaikovsky Hall, Moscow's largest. On symphonic nights you may hear anything from Beethoven to Shostakovich.

Ballet is the baseball of the Soviet Union

Soviet young people are trained and feel that there is so much work to be done, more work than they can ever accomplish, that there is not much time for play. But there is the ballet. We have seen ballet in a good many places, but none like that in Moscow. Ballet is more than an art there; it is the way of life. A great ballerina is cheered and loved, and possessed like a great ballfighter in Spain. As much public affection is poured on her as we pour on a Babe Ruth. One young woman of our acquaintance had seen Swan Lake forty-eight times. And she watched it with the critical eye a baseball fan turns on his home team in its opening game.

In Moscow, when the women go out in the evening to dance in the cabarets, or to go to the theaters, or to stroll in the parks, the young women wear print dresses or severe two-piece suits. There is very little make-up used. Some girls used lipstick; a few had nail enamel, but perfume was very rare. We priced perfume and found it vastly expensive. We were told that there is a wave of asceticism among the young people, making a virtue of necessity. It is considered bad form to use make-up, and particularly perfume.

When a girl is going on a very special date, the top date—the opening, say, of the ballet—with her favorite escort, she manages to find a piece of veil, and put it on somewhere on her head or hat. This seems to indicate

At this open-air café in the Moscow Park of Culture and Rest they sell ice cream, soft drinks, tea and cakes at prices higher than those in regular restaurants.

Советский Союз глазами Джона Стейнбека и Роберта Капы. 1948

А советский цирк Стейнбеку и Капе понравился, особенно – коверные, они же клоуны. Они изображали американцев: богатую даму из Чикаго и ее мужа-миллионера.

«То, как русские представляют себе богатую даму из Чикаго, поистине замечательно. Зрители посматривали и в нашу сторону: не обидит ли нас такая сатира, но было действительно смешно. Публика смеялась от души».

Цирк цирком, но главной задачей репортеров на Украине было все-таки посещение колхозов. 9 августа Стейнбека и Капу привезли в колхоз имени Шевченко. Он не относился к числу лучших, земли имел не самые хорошие, но до войны это была вполне зажиточная деревня с 362 домами. После разгрома немцев в деревне уцелели всего восемь домов. Но жизнь начала восстанавливаться, те, кто вернулся, построили новые дома. Сначала

американцам показали огороды, где женщины и дети собирали огурцы.

«Людей поделили на две бригады, и они соревновались, кто больше соберет овощей. Женщины шли рядами по грядкам, они смеялись, пели и перекликались. На них были длинные юбки, блузы и платки, и все были разуты, поскольку обувь пока еще слишком большая роскошь, чтобы работать в ней в поле. На детях были только штаны, и их маленькие тельца становились коричневыми под лучами летнего солнца. Фотокамеры Капы вызвали сенсацию. Женщины сначала кричали на него, потом стали поправлять платки и блузки – так, как это делают женщины во всем мире перед тем, как их начнут фотографировать...»

Среди них была одна с обаятельным лицом и широкой улыбкой; ее-то Капа и выбрал для портрета. Она была очень остроумна. Она сказала:

– Я не только очень работающая, я уже дважды вдова, и многие мужчины теперь просто боятся меня. – И она потрясла огурцом перед объективом фотоаппарата Капы.

– Может, вы бы теперь вышли замуж за меня? – предложил Капа.

Она откинула голову назад и зашлась от смеха.

– Смотрите на него! – сказала она Капе. – Если бы прежде чем создать мужчину, господь бог посоветовался с огурцом, на свете было бы меньше несчастных баб.

Все поле взорвалось от смеха».

Стейнбек писал, что крестьяне их с Капой «практически закормили до смерти». Для первого завтрака их будили... в три часа ночи! А к вечеру американцы едва стояли на ногах от переизбытка и водки. Вот как описывает это Джон Стейнбек: «... Нас пригласили к столу. Украинский борщ до того сытный, что им одним можно было наесться. Яичница с ветчиной, свежие помидоры

и огурцы, нарезанный лук и горячие плоские ржаные лепешки с медом, фрукты, колбасы – все это поставили на стол сразу. Хозяин налил в стаканы водку с перцем – водка, которая настаивалась на горошках черного перца и переняла его аромат».

Через несколько дней Стейнбека и Капу повезли в другое хозяйство, на землю побогаче, не столь сильно разоренную немцами. Деревня располагалась на берегу озера, в нем купались, стирали. Дома, побеленные известью, с садами и огородами стояли на склонах пологих холмов. Вечером американцы отправились в местный клуб. Играл оркестр из трех музыкантов: «Девушки танцевали друг с другом. На них были яркие платья из набивных материй, на голове – цветные шелковые и шерстяные платки, но почти все были босоноги. Танцевали они лихо. Музыка играла быстро, барабан с тарелками отбивал ритм. У этих девушек была невероятная энергия. Весь день с самой зари они работали на полях, но стоило им лишь час после работы поспать, они готовы были танцевать всю ночь... Вокруг стояли парни и наблюдали.

Мы спросили одну девушку, почему она не танцует с парнями. Она ответила:

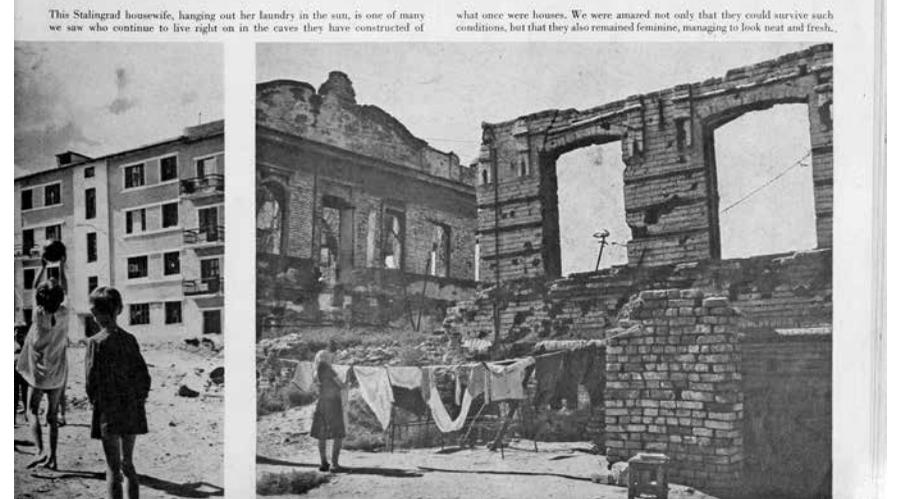
– Они подходят для женитьбы, но танцевать с ними – нажить себе неприятности, ведь их так мало пришло с войны. И потом, они такие робкие.

Она засмеялась и снова пошла танцевать».

Почти идиллия!.. И это притом, что на разоренной фашистами советской Украине в послевоенные годы был страшный голод. Люди умирали от недоедания, а тут роскошные застолья с варениками, борщом и пампушками. Нетрудно догадаться, что для Стейнбека и Капы власти умело разыграли спектакль.

A family returns by ferry to Stalingrad from the east bank of the Volga. Life on the river is rich. It reminded us of the Mississippi of Mark Twain.

This Stalingrad housewife, hanging out her laundry in the sun, is one of many we saw who continue to live right on in the caves they have constructed of what once were houses. We were amazed not only that they could survive such conditions, but that they also remained feminine, managing to look neat and fresh.

«В сталинградских руинах теперь жили...»

После Киева Стейнбек и Капа отправились, опять же через Москву, в Сталинград. Поездка получилась тяжелой, можно сказать, не совсем удачной: американцев постоянно не пускали туда, куда они хотели попасть, где собирались снимать. Во всех запретах и накладках они, как уже повелось, винили гида Хмарского и его злого гнома-гремлина. Да и сам город, разрушенный во время боев

с фашистами, отнюдь не способствовал улучшению настроения.

Когда путешественники прилетели на маленький аэродром, их никто не встретил. Хмарскому пришлось искать телефон и упорно звонить в Сталинград, чтобы прислали машину.

«Дорога в Сталинград была самой трудной из всех, что мы видели. От аэропорта до города было довольно далеко, и, если бы мы поехали по целине, это было бы сравнительно легче и нас бы не так трясло. Эта так называемая дорога

была не что иное, как чередование выбоин и широких и глубоких луж. Нам приходилось держаться обеими руками, пока наш автобус кидало из стороны в сторону и когда он подпрыгивал на ухабах», – описывал эту поездку Стейнбек.

По окраинам Сталинграда возводились дома, но в самом городе не было почти ничего, кроме разрушенных зданий. Город был практически стерт с лица земли. На центральной площади лежали развалины того, что раньше являлось центральным универмагом – последний опорный пункт немцев после окружения. Американцев поселили в отремонтированной наспех гостинице «Интурист».

«Сталинград был большим городом с жилыми домами и квартирами, сейчас же ничего от этого не осталось, за исключением новых домов на окраинах, а ведь население города должно где-то жить. И люди живут в подвалах домов, в которых раньше были их квартиры. Мы могли увидеть из окон нашей комнаты, как из-за большой груды обломков появлялась девушка, поправляя прическу. Опрятно и чисто одетая, она пробиралась через сорняки, направляясь на работу, – напишет Джон Стейнбек. – Мы не могли себе представить, как им это удавалось. Как они, живя под землей, умели сохранять чистоту, гордость и женственность. Женщины выходили из своих укрытий и шли на рынок. На голове – белая косынка, в руке – корзинка для продуктов. Все это было странной и героической пародией на современную жизнь».

Из сталинградских руин больше не вели по врагу огонь, в сталинградских руинах теперь жили. И это поразило американцев.

«Прямо перед гостиницей, на месте, куда непосредственно выходили наши окна, была небольшая помойка, куда выбрасывали корки от дынь, кости, картофельные

очистки и другой подобный мусор. Чуть дальше за этой помойкой был небольшой холмик, похожий на вход в норку суслика. Каждое раннее утро из этой норы выползала девочка. У нее были длинные босые ноги, тонкие и жилистые руки, а волосы были спутанными и грязными. Она казалась черной от скопившейся за несколько лет грязи. Но когда она поднимала лицо, это было самое красивое лицо, которое мы когда-либо видели».

Еще в составленных в Америке планах поездки Стейнбек и Капа решили непременно побывать на знаменитом Сталинградском тракторном заводе, где собирались танки под немецким обстрелом. Друзей-репортеров на завод пустили, но фотографировать категорически запретили.

«Мы подъехали к воротам, оттуда вышли двое охранников, посмотрели на фотооборудование, которое осталось у Капы в автобусе, вернулись, позвонили куда-то по телефону, и через секунду вышли еще охранники. Они посмотрели на наши камеры и стали звонить опять. Решение их было бесповоротным. Нам не разрешили даже вынести камеры из автобуса».

Оставалось только возвращаться на уставшем самолете даже без намека на теплоизоляцию – в жутком холоде! – в Москву... Чтобы оттуда отправиться... в рай!

«Мы не чувствовали себя чужими в Тифлисе»

«Где бы мы ни были в России, в Москве, на Украине, в Сталинграде, магическое слово “Грузия” возникало постоянно, – отметит Стейнбек в своем “Русском дневнике”. – Люди, которые ни разу там не были и которые, возможно, не смогли бы туда поехать, говорили о Грузии с восхищением и страстным желанием туда попасть. Они

говорили о грузинах, как о суперменах, как о знаменитых выпивохах, известных танцорах, прекрасных музыкантах, рабочих и любовниках. И говорили они об этом месте на Кавказе у Черного моря просто как о втором рае».

Тбилиси (Стейнбек называет его Тифлисом, как город именовали до 1936 года) произвел на американцев прекрасное впечатление. Война до него не дошла.

«Жители Тифлиса лучше одеваются, лучше выглядят и кажутся более одухотворенными, чем люди, которых мы видели в России. Улицы кажутся веселыми и яркими. Люди красиво одеты, а женщины покрывают головы цветными платками. Мы не чувствовали себя чужими в Тифлисе, поскольку Тифлис принимает многих посетителей и привык к иностранцам, поэтому здесь мы выделялись не так, как в Киеве, и чувствовали себя почти как дома».

Американцам подготовили программу на славу: и торжественная служба в церкви, проводимая самим Католикосом-патриархом всея Грузии, и футбол между динамовцами Тбилиси и Киева, и чайная плантация под Батуми, и, конечно же, посещение дома Сталина в Гори.

«Во всей истории нет человека, кого бы так почитали при его жизни. То, что говорит Сталин, является для народа истиной, даже если это противоречит естественным законам. Его родина уже превратилась в место паломничества. Люди, посещавшие музей, пока мы там были, переговаривались шепотом и ходили на цыпочках».

Обилие впечатлений, встреч, разговоров... И бесконечные переезды.

«Мы хронически недосыпали, но не только это вымотало нас. Мы постоянно были на ногах, у нас не было возможности остановиться и хорошенько все обдумать. Фотоаппараты Капы щелкали, как

новогодние хлопушки, и у него было уже много проявленной пленки. Мы все время осматривали что-то и постоянно собирались что-то осматривать», – напишет Стейнбек.

И больше всего Стейнбека напрягали беседы грузинских собеседников, особенно писателей, на высокие темы: о литературе, истории, искусстве... Этому американцы в СССР никак не ожидали.

«И снова, как и прежде, начались вопросы об американской литературе. И, как обычно, мы чувствовали себя ужасно неподготовленными. Если бы перед отъездом из Америки мы знали заранее, что нам будут задавать такие вопросы, то мы бы немножко подучились. Потом один из мужчин спросил нас, кого из грузин знают в Америке. Единственные, кого мы могли вспомнить, кроме хореографа Джорджа Балачина, были три брата, женившиеся на американках, состояние которых исчисляется миллионами.

Они очень строги и возвышенны, эти грузинские писатели, и очень трудно сказать им, что хоть Сталин и может считать писателя инженером человеческих душ, в Америке писатель не считается инженером чего бы то ни было, его вообще еле терпят, и даже после того, как он умирает, работы его тихонечко откладывают, чтобы они полежали еще лет двадцать пять».

Заключительным событием стал торжественный прием в честь Стейнбека и Капы. Их подняли на фуникулере в ресторан, где был с видом на Куру накрыт стол на семьдесят человек как минимум. Собрался весь интеллектуальный цвет республики: писатели, режиссеры, актеры, музыканты...

«Ужин начался, как и все подобные приемы, с официальных речей, но грузинская натура, грузинский дух не могли такого стерпеть, и все это моментально

разрушилось, – напишет Стейнбек. – Просто народ этот не формальный, и у них не получается долго держаться напыщенно. Началось пение, пели соло и хором. Стали танцевать. Разливали вино. Капа не совсем грациозно станцевал своего любимого “казачка”, но замечательно уже то, что он вообще смог это сделать. Может, сон дал нам второе дыхание, может, немного помогло вино, и прием продлился далеко за полночь. Мы замечательно провели время, и прием, на который мы шли со страхом и неохотой, оказался превосходным».

Что и не удивительно! В первые послевоенные годы иностранцев в СССР почти всегда отправляли по тому же маршруту, и вояж заканчивался в Тбилиси или Баку. Кавказ, пожалуй, за исключением северной его части, практически не пострадал от сражений с фашистами. Горячие горцы были гостеприимными, вино текло рекой, звучали песни... Вишенка на торте – это всегда украшение, не правда ли?

«Мы рады тому, что побывали там...»

Столица СССР, куда вернулись американцы, готовилась к своему 800-летию.

«Москва пребывала в состоянии лихорадочной деятельности. Многочисленные бригады развешивали на зданиях гигантские плакаты и портреты национальных героев – целыми гектарами. По мостам протянули гирлянды электрических лампочек. Кремлевские стены, башни и даже зубцы стен тоже были украшены лампочками. Каждое общественное здание подсвечивалось прожекторами. На площадях были сооружены танцевальные площадки, а кое-где стояли маленькие киоски, похожие на сказочные русские домики, в которых собирались

продавать сладости, мороженое и сувениры».

Друзья-репортеры побывали в Московском университете: «Студенты были похожи на наших. Они собирались в залах, смеялись, носились из класса в класс. Они ходили парами, юноша и девушка, как ходят и наши».

Американцев сводили и в Большой театр: «Это был самый замечательный балет, который мы только видели. Спектакль начинался в 7.30 и продолжался до начала двенадцатого. В нем принимало участие огромное количество действующих лиц. Коммерческий театр не может себе позволить содержать такой балет».

Посетили Стейнбек и Капа и Кремль: «У нас настолько испортилось настроение за два часа в этом царском жилье, что весь день мы не могли прийти в себя. А если всю жизнь тут провести! Во всяком случае, мы рады тому, что побывали там...»

В сентябре 1947 года Джон Стейнбек и Роберт Капа, полные сувениров и впечатлений, улетели из Москвы. Из их блокнотов и фотопленок вскоре родится «Русский дневник». Книга на все времена.

«Мы увидели, как и предполагали, что русские люди – тоже люди, и, как и все остальные, они очень хорошие. Те, с кем мы встречались, ненавидят войну, они стремятся к тому, чего хотят все: жить хорошо, в безопасности и мире. Мы знаем, что этот дневник не удовлетворит никого. Левые скажут, что он антирусский, правые – что он прорусский. Конечно, эти записки несколько поверхностны, а как же иначе? Мы не делаем никаких выводов, кроме того, что русские люди такие же, как и все другие люди на земле. Безусловно, найдутся среди них плохие, но хороших намного больше».

ПЕРВЫЙ ЛИДЕР СССР, «ОТКРЫВШИЙ АМЕРИКУ»

Фрагменты из книги Роя Медведева «Н. С. Хрущев: Политическая биография»

Дуайт Эйзенхауэр, Никита Хрущев и их жены на официальном ужине в США. 1959

Первая поездка Н. С. Хрущева в США (с 15 по 27 сентября 1959 года. – Прим. ред.) – не просто знаменательное, но историческое событие, ибо это первый визит главы Советского государства и КПСС

в Соединенные Штаты, визит во многих отношениях необычный. Соединенные Штаты видели на своей земле многих глав государств, но двухнедельный визит Хрущева в США до сих пор помнит

старшее поколение американских граждан и советских людей. На протяжении многих дней внимание сотен миллионов людей во всем мире было приковано к личности и поведению советского лидера. После

поездки Хрущева в Америку вряд ли возросло число приверженцев коммунизма, но личная популярность Хрущева среди американцев и во всем мире заметно возросла, как и внимание американцев к Советскому Союзу. <... >

Поездка началась утром 15 сентября. Утром того же дня, по американскому времени, самолет Ту-114 приземлился на военно-воздушной базе Эндрюс недалеко от Вашингтона. В советскую делегацию входили А. А. Громыко, министр высшего образования В. П. Елютин, председатель Днепропетровского Совнархоза Н. А. Тихонов, председатель Комиссии по мирному использованию атомной энергии В. С. Емельянов, писатель М. А. Шолохов и некоторые другие официальные лица. Здесь же была жена Хрущева Нина Петровна и некоторые члены его семьи. Ту-114 – новый самолет, и Хрущев предложил конструктору А. Н. Туполеву лететь в США. Туполев отказался из-за плохого здоровья, но предложил взять своего сына А. А. Туполева. «Самолет новый, и мой сын будет залогом того, что все в порядке и вы перелетите океан». Хрущева сопровождала большая группа журналистов.

На аэродроме ВВС Н. С. Хрущева встречали президент США Д. Эйзенхауэр и госсекретарь США К. Гертер. Затем в открытой машине Эйзенхауэр и Хрущев направились в Вашингтон; по сторонам дороги, ведущей в столицу, их приветствовало множество американцев. После отдыха Хрущев появился в Белом доме, где в его честь давался обед. После обеда состоялась не слишком продолжительная беседа. Хрущев устал, день 15 сентября из-за разницы в часовых поясах продолжался 32 часа.

16 сентября состоялась новая встреча Хрущева и Эйзенхауэра, но обед давал теперь Хрущев

в отведенной для него резиденции. Обсуждались главным образом вопросы разоружения, германский вопрос о Берлине, проблемы советско-американской торговли. Точки зрения двух лидеров не совпадали, но они выразили уверенность в необходимости политики разрядки напряженности. Хрущев осмотрел Вашингтон, беседовал в Конгрессе с группой сенаторов, среди которых находился и Джон Кеннеди. Главным событием дня стало выступление Хрущева в Вашингтонском клубе печати. После речи Никита Сергеевич ответил на вопросы, показав себя неплохим полемистом. Эта встреча с журналистами транслировалась по всей Америке.

Следующие два дня, проведенные уже в Нью-Йорке, оказались очень напряженными. На приеме у мэра города Р. Вагнера присутствовало около двух тысяч человек, к которым Хрущев обратился с большой речью. Затем состоялся более узкий прием у видного дипломата и общественного деятеля А. Гарримана. Вечером Хрущев должен был присутствовать на обеде в свою честь в Экономическом клубе Нью-Йорка. Как писали газеты, «это было самое большое собрание крупных бизнесменов, которое когда-либо происходило под одной крышей». И здесь Хрущев произнес большую речь и ответил на многочисленные вопросы.

На следующий день Никита Сергеевич осмотрел город, посетил вдову президента Ф. Рузвельта, осмотрел Дом-музей Рузвельта и возложил венок на его могилу. Затем он проследовал в главное здание ООН, где проходила осенняя сессия Генеральной Ассамблеи. Хрущев произнес большую речь, главными темами которой являлись разоружение, германский вопрос, вопрос о приеме КНР в ООН.

19 и 20 сентября Хрущев провёл в Калифорнии, посетил

Лос-Анджелес, Сан-Франциско. В Голливуде в его честь состоялся большой прием. Советский премьер побывал в магазине самообслуживания и в столовой самообслуживания; эти формы торговли и общественного питания стали вскоре широко применяться и в СССР. В г. Сан-Хосе он осмотрел завод счетных машин. У него состоялась острая дискуссия с лидерами американских профсоюзов, после которой Никита Сергеевич прошелся по улицам Сан-Франциско и посетил штаб-квартиру портовых грузчиков. Различными встречами и прогулкой по заливу был заполнен и день 21 сентября.

22 и 23 сентября Хрущев посетил штат Айова, в столице которого он осмотрел завод сельскохозяйственного машиностроения, мясокомбинат, торговую палату. Утром 23 сентября Никита Сергеевич посетил большую ферму своего знакомого Р. Гарста, где группа советских комбайнеров проходила обучение технике возделывания кукурузы без применения ручного труда. Вечером Хрущев вылетел в г. Питсбург и побывал на большом машиностроительном заводе.

24 сентября Хрущев вернулся в Вашингтон. Советское посольство устроило большой прием для дипломатов и высших чинов официального Вашингтона. Присутствовали и другие лица, например молодой пианист Ван Клиберн, занявший в 1958 году первое место на Международном конкурсе им. Чайковского в Москве и быстро ставший исключительно популярным.

День 25 сентября Хрущев провёл в загородной резиденции американских президентов – Кэмп-Дэвиде. Беседы и переговоры с Эйзенхауэром продолжались и на следующий день, а также утром 27 сентября. Часть встреч проходила «с глазу на глаз», правда, не без помощи переводчиков.

Хрущев на обложке журнала Time. 6 января 1958

Хрущев побывал на личной ферме президента и познакомился с его семьей. 27 сентября Никита Сергеевич выступил с речью, которая транслировалась по основным каналам американского телевидения. Вечером Хрущев вылетел в Москву.

Отдыхал он только в самолете. Почти сразу после прибытия в Москву во Дворце спорта состоялся митинг, на котором Хрущев подводил итоги своего визита в США. Через день он снова поднялся на борт самолета, чтобы

была состояться в середине мая 1960 года. Еще через месяц намечалась поездка президента США Д. Эйзенхауэра в Советский Союз. Но все эти планы рухнули вместе с американским самолетом-разведчиком, который утром

лететь на Восток – для участия в торжествах по случаю 10-летия КНР.

Результатом поездки Хрущева в США явилась общая разрядка в отношениях между СССР и западными странами. Об этом свидетельствовал даже такой небольшой по значению факт, как поздравление Хрущевым У. Черчилля по случаю 85-летия бывшего английского премьера. Черчилль был приятно удивлен полученной телеграммой. В своем ответе он писал, что тронут поздравлениями Хрущева и надеется, что «мы найдем путь, который приведет к урегулированию для всех». <... >

Улучшение отношений между СССР и странами Запада привело к идее провести новую встречу глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции, чтобы продолжить обсуждение проблем, начатое на аналогичной встрече в Женеве в 1955 году.

Вскоре все предварительные вопросы были согласованы, и встреча глав государств должна

1 мая пересек с юга границу СССР и который удалось сбить ракетой в районе Свердловска. <... >

2 сентября 1960 года стал известен состав делегации СССР на XV сессию Генеральной Ассамблеи. На этот раз главой советской делегации оказался Хрущев, а Громыко стал одним из членов делегации. Это сообщение явилось политической сенсацией для всего мира.

Президент США не мог бы приехать в СССР без приглашения и излагать здесь свои взгляды. Между тем глава Советского государства мог приехать в США без приглашения и излагать свои взгляды по любым проблемам. Эта возможность определялась тем, что Соединенные Штаты предоставили свою территорию для штаб-квартиры ООН. <... >

В США вступала в решающую фазу кампания по выборам президента, в которой вели борьбу кандидат от Республиканской партии Ричард Никсон и кандидат от Демократической партии Джон Кеннеди. Визит Хрущева не только отвлекал внимание от избирательной кампании, но мог отразиться на шансах Республиканской партии, стоявшей у власти. К тому же главы государств многих стран мира также вскоре заявили, что они возглавят свои делегации на сессии ООН.

Хрущев решил отправиться в Нью-Йорк морем. Самолет доставил советскую делегацию только до Калининграда. Здесь делегация СССР во главе с Н. Подгорным и К. Мазуровым, Венгрии во главе с Я. Кадаром, Болгарии во главе с Т. Живковым, Румынии во главе с Г. Деж поднялась на борт турбоэлектротохода «Балтика». 9 сентября, т.е. задолго до открытия сессии Генеральной Ассамблеи, «Балтика» отошла от пирса Калининграда и в сопровождении кораблей Балтийского военно-морского флота взяла курс на Запад. После пролива

Ла-Манш, перед выходом в Атлантический океан, корабли военного эскорта повернули обратно. К 14 сентября «Балтика» прошла половину пути до Нью-Йорка.

В эти дни многие страны пересматривали состав своих делегаций. На сессию ООН собирались прибыть В. Гомулка из Польши, И. Б. Тито из Югославии, король Иордании Хусейн, премьер Индии Д. Неру, Фидель Кастро из Кубы, Кваме Нкрума из Ганы, премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан, а также главы многих других государств Азии, Африки, Европы, премьеры Австралии и Новой Зеландии. В истории ООН не было еще подобного собрания политических лидеров. Американские власти объявили, что по соображениям безопасности ограничат передвижение Хрущева островом Манхэттен, где расположены здания ООН. Подобные же ограничения вводились и для Фиделя Кастро.

19 сентября «Балтика» вошла в порт Нью-Йорка, и Хрущев вместе с другими государственными деятелями вступил на американскую землю. Советской делегации отвели особняк на Парк-Авеню, вокруг которого стояли усиленные наряды полиции и постоянно дежурили сотни корреспондентов. 20 сентября Хрущев отправился в район Гарлем, где в небольшой гостинице располагалась кубинская делегация. Это была первая встреча Хрущева и Фиделя Кастро.

По традиции заседания Генеральной Ассамблеи начинаются с приема новых членов ООН. В 1960 году в ООН вступило рекордное количество новых членов – более 20 стран, что лишнее раз подчеркивало быстрый распад колониальной системы. Затем началась общая политическая дискуссия.

23 сентября 1960 года Хрущев прочел на пленарном заседании

Ассамблеи доклад, опубликованный затем под заголовком: «Свободу и независимость всем колониальным народам. Решить проблему всеобщего разоружения». Доклад вызвал много откликов в мировой печати. Всеобщее внимание привлекли также выступления Кваме Нкрумы, Фиделя Кастро, Г. Насера, И. Б. Тито. Значительно меньший резонанс имели выступления Д. Эйзенхауэра и Г. Макмиллана. В ходе сессии происходили многочисленные приемы и встречи. Хрущев встречался с Сукарно, Ф. Кастро, Д. Неру и многими другими. Всеобщее внимание привлекла встреча Хрущева с И. Б. Тито, первая встреча после трех лет отчуждения и взаимных обвинений. В советской резиденции состоялась большой прием в честь делегаций социалистических стран, а затем прием в честь государств, только что принятых в ООН. Хрущев встречался с лидерами некоторых западных стран. <... >

Несколько раз Хрущев устраивал на заседаниях Ассамблеи обструкции, начиная вместе с делегатами от социалистических стран стучать кулаками по пюпитру. В историю ООН вошел случай, когда Хрущев, недовольный выступлением дипломата одной из западных стран, снял ботинок и начал громко стучать им по столу, прервав заседание ООН. Председатель Генеральной Ассамблеи растерянно глядел по сторонам, не зная как поступить. Лишь Гарольд Макмиллан, не потеряв свойственного англичанам спокойствия и юмора, громко сказал: «Мне должны это перевести».

Хотя и в прежние годы прения в ООН не отличались особой вежливостью, поступок Хрущева вызвал осуждение в кругах ООН, и советская делегация была оштрафована за нарушение порядка на сумму в 10 тысяч долларов.

РУКОПОЖАТИЕ В КОСМОСЕ

Полвека назад, 15 июля 1975 года, состоялся первый в истории совместный полет космических кораблей двух стран – советского корабля «Союз-19» и американского «Аполлона»

СВЕТЛАНА ПОЛЕТАЕВА

Слева направо: Дональд Слейтон, Томас Стаффорд, Вэнс Бранд, Алексей Леонов и Валерий Кубасов

В исторической литературе международную космическую миссию «Союз – Аполлон» называют просто ЭПАС (экспериментальный полет «Аполлон – Союз»). Осуществилась эта легендарная экспедиция 15 июля 1975 года. Через два дня полета, 17 июля 1975 года, была совершена стыковка двух космических кораблей – советского «Союза-19» и американского «Аполлона». Это знаменательное событие вошло в историю как «рукопожатие в космосе».

Экспериментальный полет «Аполлон – Союз» стал результатом соглашения между СССР и США, заключенного 24 мая 1972 года. С этого момента началось сотрудничество стран в исследовании космического пространства. Для реализации программы ЭПАС требовалось решить массу проблем, одна из которых заключалась в том, что корабли разных стран были совершенно несовместимы.

Подготовка к полету шла почти пять лет. Особое внимание уделялось техническим вопросам, которые решались совместно советскими и американскими конструкторами. А претенденты на полет изучали практически с нуля незнакомый им язык.

15 июля 1975 года в 15 часов 20 минут по московскому времени с космодрома Байконур в Советском Союзе стартовал космический корабль «Союз-19», на борту которого находились командир Алексей Архипович Леонов и бортинженер Валерий Николаевич Кубасов.

Через семь с половиной часов, в 22 часа 50 минут, когда в Москве была уже ночь, а в Америке день был еще в самом разгаре, с мыса Канаверал стартовал американский космический корабль «Аполлон». Американскую сторону представляли три члена экипажа: командир Томас Стаффорд, пилот командного модуля Вэнс Бранд

и пилот стыковочного модуля Дональд Слейтон.

Спустя два дня после того как корабли покинули Землю, американский корабль «Аполлон» приблизился к советскому кораблю «Союз». 17 июля 1975 года, в 19 часов 09 минут по московскому времени, впервые в истории космонавтики была осуществлена стыковка космических кораблей, созданных в разных странах.

Первым в гости в пристыкованный космический корабль «Союз» отправился командир американцев Томас Стаффорд – тогда и случилось историческое рукопожатие с Алексеем Леоновым.

«Открываю люк и вижу перед собой улыбающееся лицо Тома Стаффорда. Три года мы к этому шли. Я взял его за руку и втащил к себе в корабль», – рассказывал потом легендарный космонавт Алексей Леонов. Затем Стаффорд и Слейтон осуществили переход в советский корабль. В СССР за всем происходящим в прямом эфире наблюдали миллионы людей.

Официальная часть была распланирована плотно. В день стыковки и первого перехода экипажа «Аполлона» на «Союз»: обмен флагами, подписание совместного документа о полете, передача американскому экипажу флага ООН, символа мира на Земле, товарищеский ужин.

Главными целями миссии были: испытание системы сближения на орбите и стыковочного агрегата, отработка перехода из одного корабля в другой, а также совместные научные исследования, эксперименты и спасательные операции в космосе.

18–19 июля американо-советский экипаж проводил совместную работу на «Аполлоне» и «Союзе». За время полета, который продлился 46 часов 36 минут, космонавты изучили микробный обмен между членами команд, влияние невесомости и излучения на основные

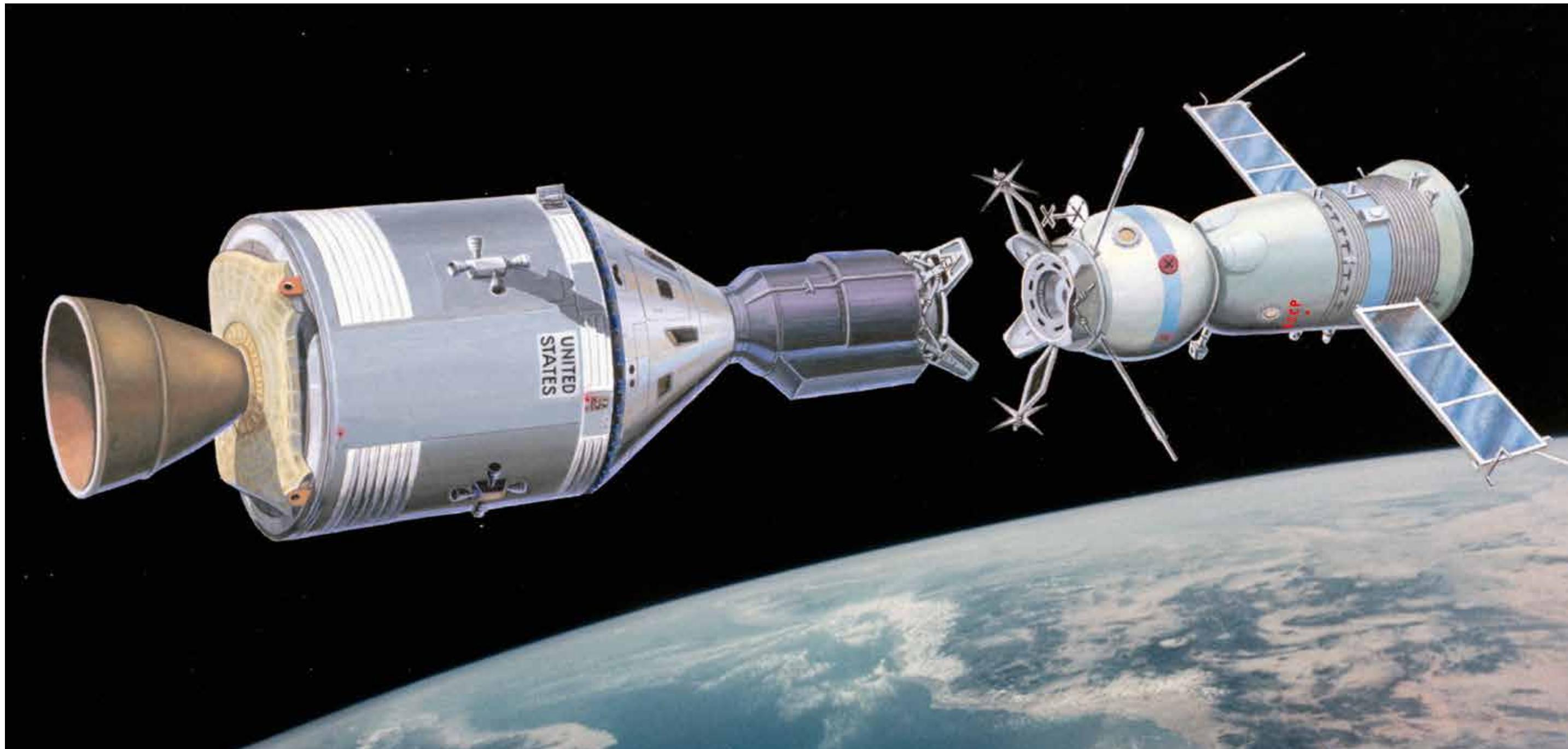
биоритмы и смоделировали искусственное солнечное затмение.

19 июля корабли расстыковались и при расхождении до 200 метров провели эксперимент «Солнечное затмение» («Аполлон» загородил собой Солнце, а с «Союза» велась фотосъемка). Затем была осуществлена повторная стыковка. Через три часа корабли окончательно расстыковались.

21 июля 1975 года спускаемый аппарат советского корабля приземлился в 54 километрах северо-восточнее города Аркалык, а 25 июля американский корабль приводнился в Тихом океане, примерно в 600 километрах от Гавайских островов.

Стыковка двух очень разных кораблей стала примером общей работы двух принципиально разных стран – СССР и США – и несла гораздо больший смысл, чем просто новое достижение в космической отрасли.

Позже астронавт Томас Стаффорд вспоминал: «Во время подготовки к полету мы не просто хорошо узнали друг друга. Мы по-человечески сблизились. Не доказательство ли это того, что наши два народа могут жить в мире, строить отношения на взаимопонимании, сотрудничестве. В этом смысле важность эксперимента с полетом «Аполлона» и «Союза» выходит за рамки космической одиссеи: рождается модель сотрудничества между нашими странами. <... > Вчера, когда я в первый раз открыл люк и сказал «хелло» Валерию и Алексею, я подумал, что, открывая люки в космосе, мы открываем новую эру в истории человечества. Я уверен, что у этой эры хорошее будущее. <... > Я, конечно же, мечтал о том времени, когда космонавты и астронавты будут работать вместе. К счастью, мы теперь убедились, что наши усилия не были напрасными. Совместная работа по созданию Международной космической

Корабли «Аполлон» (слева) и «Союз-19» (справа). Реконструкция

станции – блестящее тому подтверждение. Теперь я могу смелее строить прогнозы: убежден, что весь XXI век мы будем вместе, и это очень верно, потому что только вместе нужно осваивать космос.

Я счастлив, что за эти годы у меня появилось очень много друзей

в России, но первыми среди них всегда были и будут Алексей и Валерий – ведь нас соединил полет, а что может быть надежнее и прекраснее, чем дружба, рожденная в космосе?!»

«Русское гостеприимство известно, – делился своими

воспоминаниями астронавт Вэнс ДеВо Бранд. – Но я не ожидал, что мои товарищи воспользуются им в полной мере. Итак, Том и Дик пошли в «Союз», а я остался в «Аполлоне». Но Стаффорд и Слейтон почему-то задержались в советском корабле дольше, чем было

запланировано. Я слышал смех, разговоры. Русские фразы чередовались с английскими. Я уже начал беспокоиться: а вдруг мои товарищи там заночуют? Давно уже прошло время, отведенное программой для сна, а Стаффорд и Слейтон все не возвращались из «Союза». Тогда

я сказал, что ложусь спать и не буду их ждать. Пожалуй, это-то и заставило Тома и Дика вернуться.

Но когда я сам перешел в «Союз», мне тоже захотелось побыть там подольше – очень гостеприимно встречали нас Алексей и Валерий».

«Наш полет имеет большое значение не только для разрядки международной напряженности, но и для безопасности космических полетов, для науки, – подчеркнул Валерий Кубасов. – Мы провели в этом полете несколько очень интересных экспериментов,

Нашивка на костюмах экипажей кораблей «Аполлон» и «Союз-19»

но я хотел бы выделить “универсальную печь”. Образцы, которые мы привезли из космоса, изучаются

в институтах. Окончательные выводы можно сделать чуть позже, но уже сейчас ясно, что после

нашего полета родилась космическая металлургия. На орбите можно создавать новые, необычные материалы, в которых нуждаются различные отрасли промышленности, в первую очередь электронная. Причем их производство в космосе гораздо эффективнее, чем в земных условиях. Теперь я могу смело предсказывать бурный взлет внеземной металлургической технологии».

И уже в 2000 году Алексей Леонов скажет: «По-разному складывались отношения между нашими странами за минувшие четверть века. Были и охлаждения в отношениях, но ни разу – подчеркиваю, ни разу – ни один из участников программы “Союз – Аполлон” не сказал ни единого недоброго слова о другой стороне. Более того, мы постоянно поддерживали самые теплые отношения, встречались и в Америке, и у нас, старались, чтобы традиции, рожденные в годы осуществления проекта “Союз – Аполлон”, сохранялись и развивались».

Том Стаффорд – один из тех людей, который поддерживал наше участие в программе Международной космической станции. Было время, когда в Конгрессе

«Отличия практически не видно...»

Программа «Союз – Аполлон» стала историческим событием в отношениях СССР и США. Участники полета вспоминают, что в тот момент граница между двумя странами, находившимися в состоянии холодной войны, словно исчезла. «Успешное осуществление совместного космического полета кораблей “Союз” и “Аполлон” в 1975 году показало, что русские и американцы могут так же успешно сотрудничать и на Земле», – заявил астронавт Томас Стаффорд. Его коллега Вэнс Бранд сказал, что с этим полетом отношения между

двумя странами вышли на совершенно новый уровень: «Тогда советские и американские люди очень отличались друг от друга, а сейчас этого отличия практически не видно». Ему вторил посол США в России Джон Байерли: «Я думаю, американцы впервые поняли, что в лице тогдашнего Советского Союза, русских людей необязательно враждебность, но возможно партнерство».

Дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт Алексей Леонов вспоминал одну знаковую особенность совместного полета.

Первоначально планировалось, что после стыковки космонавты и астронавты откроют люки кораблей и совершат первое рукопожатие над Москвой, но по каким-то причинам это произошло над рекой Эльбой, на которой во время Второй мировой войны 25 апреля 1945 года состоялась встреча войск 1-го Украинского фронта и 1-й армии США. Этот факт придал космическому полету новое символическое значение.

Леонов с присущим ему чувством юмора говорил, что во время первого международного космического

США очень жестко критиковали Россию за то, что мы не выполняли установленные сроки по созданию модулей для МКС, но генерал Стаффорд всегда был объективен и доброжелателен: он поддерживал нас, прекрасно понимая, в сколь трудном экономическом положении мы находимся... Так что вклад участников программы “Союз – Аполлон”

полета его участники использовали для общения три официальных языка: английский, русский и ... оклахомский, поскольку Том Стаффорд из Оклахомы. Сам Стаффорд признавался, что экспедиция «Союз – Аполлон» стала самой сложной в его карьере астронавта именно из-за необходимости учить русский язык, а это с его оклахомским акцентом оказалось очень непросто.

Советским космонавтам, как и их американским коллегам, пришлось учить иностранный язык практически с нуля. Леонов говорил, что предполетный экзамен был «страшно жестоким»: его сдавали сводной комиссии из преподавателей

Международную космическую станцию очень большой!»

Алексей Леонов, известный не только как первый космонавт, совершивший выход в открытый космос, но и как прекрасный художник, продемонстрировал портреты членов американского экипажа, написанные прямо на орбите.

Космонавт похвалил американский «Аполлон», в том числе

Института иностранных языков имени Мориса Тореза, Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы и Военного института иностранных языков.

«Они нас пинали как хотели», – вспоминал космонавт. Правда, по его словам, и экзаменуемые «оторвались, поскольку преподаватели не знали специальных космических терминов».

Хорошее знание языков стало одной из причин того, что действия объединенного экипажа были признаны безупречными.

Но все же не обошлось без курьеза: Леонов сделал языковую ошибку, которая прославила его на всю

за большое количество иллюминаторов для наблюдения Земли, и выразил надежду в будущих полетах увидеть нашу планету с более далекого расстояния.

Леонов написал несколько картин, посвященных этому необыкновенному полету, а в 1977 году вышла его книга «Солнечный ветер», в которой он описал и сам полет, и подготовку к нему.

Америку. На заключительном банкете в США перед стартом он по ошибке пожелал американцам вместо «жизни, полной успеха», «жизнь, полную секса».

Позднее командир «Союза» расскажет на пресс-конференции в Москве: «На банкете президент академии NASA Флэтчер попросил меня выступить. Я много чего говорил, а в заключение хотел сказать: «Я хочу пожелать вам жизнь, полную успеха». И в слове “успеха” потерял буквы. И вместо того, чтобы сказать: “I want to wish you successful life”, я сказал: “I want to wish you sexful life”. Потом мне объяснили, почему весь зал засмеялся...»

ФЛАГ МОГУЩЕСТВА И АМБИЦИЙ

В 1799 году, по указу императора Павла I была создана Российско-американская компания

ДЕНИС ФЕДОРОВ

Российско-американская компания (РАК) – одна из самых малоизученных страниц в истории Российской империи. Эта уникальная организация, созданная на рубеже XVIII и XIX веков, сочетала в себе как коммерческие, так и политические функции, а ее флаг стал символом государственной мощи и амбиций России на международной арене.

История флага РАК – это не просто история одного из множества флагов в мире, это история российского влияния в Северной Америке, отражающая стремление

Российской империи к освоению новых земель и укреплению своих позиций на мировой арене.

В конце XVIII века Российская империя находилась на пике своего могущества. Это время ознаменовалось активным расширением территории страны и поиском новых экономических возможностей. Освоение северных земель, богатых природными ресурсами, стало одним из приоритетных направлений внешней политики России.

Российско-американская компания, основанная по инициативе русского дипломата, путешественника

и предпринимателя Николая Резанова и утвержденная указом императора Павла I от 8 (19) июля 1799 года, получила монопольные права на ведение промысла и торговли в Северной Америке, а также на освоение и закрепление за Россией всех вновь открытых земель. В сферу влияния РАК входили территории, расположенные к северу и югу от 55-й параллели, включая Алеутские и Курильские острова.

С самого начала создания компании стало очевидно, что ее роль будет выходить далеко за рамки обычной коммерческой

организации. РАК стала важным инструментом российского проникновения в Северную Америку и на Тихоокеанские острова. При этом компания получала сильную поддержку со стороны государства: сам император Павел I и члены его семьи вошли в число ее акционеров. Это подчеркивало важность РАК для Российской империи и ее особый статус в политической и экономической жизни страны.

В 1806 году, спустя семь лет после создания РАК, император Александр I утвердил указ, предоставляющий компании право на собственный флаг. Этот флаг должен был отличать ее от других коммерческих организаций и подчеркнуть связь компании с российской монархией.

Флаг РАК состоял из трех горизонтальных полос – белой, синей и красной. В центре флага размещался двуглавый орел – символ Российской империи, который держал в своих лапах ленту с надписью: «Российской Американской Компани». На красном щите на груди орла был изображен Святой Георгий Победоносец. Такой дизайн флага был выбран неслучайно: он отражал как национальные цвета России, так и государственный герб, подчеркивая тем самым особый статус компании.

Флаг Российско-американской компании развевался над ее крепостями и кораблями, став визитной карточкой компании в международных водах и символизируя мощь и амбиции Российской империи.

Портрет Николая Петровича Резанова работы неизвестного художника. 1803

В период с 1804 по 1840 год Российско-американская компания снарядила 25 крупных экспедиций, 13 из которых были кругосветными, в том числе знаменитая экспедиция под командованием Ивана Федоровича Крузенштерна и Юрия Федоровича Лисянского, которая имела не только научные и исследовательские цели, но и политическое значение. Она продемонстрировала миру мощь России и ее способность

проводить крупномасштабные экспедиции, связывая отдаленные регионы с центром Империи.

Корабли под флагом РАК исследовали северные берега Тихого океана, побережья Приамурского края и Сахалина, а также устанавливали торговые связи с государствами региона. Благодаря поддержке со стороны императорской власти компания могла активно участвовать в международной торговле,

Здание бывшего управления Российско-американской компании. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, дом 72

проводить исследовательские экспедиции и закреплять за Россией новые территории.

Несмотря на значительные достижения Российско-американской компании и ее роль в укреплении российского влияния в Северной Америке, ее история завершилась драматическим образом. В 1867 году Россия приняла решение продать свои североамериканские владения Соединенным Штатам, в том числе Аляску и Алеутские острова. Это решение было продиктовано рядом факторов, включая экономические трудности, стратегические

соображения и опасения перед возможным вторжением Великобритании. Символическим завершением эры Русской Америки стал спуск флага Российско-американской компании в столице Русской Америки – Новоархангельске (ныне Ситка). Эта церемония, на которой присутствовали как русские, так и новые американские хозяева, стала кульминацией процесса передачи территорий. Под звуки пушечного салюта флаг РАК был спущен с флагштока, а на его место поднят звездно-полосатый флаг Соединенных Штатов.

Хотя Российско-американская компания прекратила свое существование, ее наследие продолжает жить. Флаг компании и сама история Русской Америки остаются важными страницами истории как России, так и Соединенных Штатов. Интерес к изучению истории Русской Америки сохраняется, особенно в контексте взаимоотношений двух великих держав. После того как Аляска стала 49-м штатом США в 1959 году, исследования русского периода истории этого региона активизировались. В США была проведена масштабная работа

Православная Свято-Троицкая часовня Святого Николая в государственном историческом парке Форт-Росс в Калифорнии (США) на территории бывшей русской крепости Росс (1812–1841), основанной для промысла и торговли пушниной

по сохранению исторической памяти о русских колониях на Аляске и о роли Российско-американской компании. В рамках этих исследований был восстановлен и сохранен флаг РАК, который стал одним из символов русской истории на американской земле.

В Ситке, на месте передачи Аляски, был установлен высокий флагшток с американским флагом, рядом с которым размещены мемориальная доска и старые русские пушки.

История РАК и ее флага имеет важное значение не только для историков, но и для широкой

общественности. Она позволяет лучше понять, как развивались взаимоотношения между Россией и Америкой, как Россия стремилась утвердиться в новом для нее мире и какие последствия это имело для обеих стран.

Сегодня, когда мир сталкивается с новыми вызовами и глобальными изменениями, история РАК служит ярким примером того, что амбициозные проекты могут менять ход истории и что даже самые отдаленные и на первый взгляд незначительные события могут иметь огромное значение

для формирования мировой истории и культуры. Потому что история никогда не заканчивается: она продолжается, и каждый ее эпизод оставляет в мире свой след. Эта страница истории важна не только для России, но и для всего мира, так как она показывает, что великие державы могут взаимодействовать, учиться друг у друга и вместе создавать новое будущее.

Флаг Российско-американской компании – это символ целой эпохи в истории России и Северной Америки.

АМЕРИКАНСКИЙ КОММОДОР И РУССКИЙ КОНТР-АДМИРАЛ

Сегодня у могилы Джона Пола Джонса принимают присягу будущие морские офицеры США

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

Джон Пол Джонс, герой Войны за независимость США, некоторое время состоявший на российской службе

«Жизнь – это искусство встреч», – как-то сказал один умный человек. В справедливости этих слов я убеждался неоднократно. В последний раз – не так давно. Я приехал в Москву из Питера и в ресторанчике на Моховой рассказывал друзьям, как увидел в Северной столице на углу Гороховой и Большой Морской мемориальную доску с надписью на русском и английском: «Джон Пол Джонс, контр-адмирал российского флота, национальный герой и основатель флота США жил в этом доме в 1788–1789 годах».

Я ничего ранее не знал о легендарном флотоводце сразу двух держав и оказался по-настоящему заинтригованным этим историческим персонажем. Неожиданно от компании, сидевшей за соседним столиком, отделился человек и подошел к нам.

«Простите, но мне показалось, что вы произнесли имя Джона Пола Джонса, – обратился к нам незнакомец с английским акцентом. – Дело в том, что я написал книгу об этом великом воине...»

Профессор-историк университета из штата Юта, имя которого я – увы! – не запомнил, еще больше разжег во мне интерес к самому американскому из русских адмиралов.

«Первый враг короля»

– Сколько тебе полных лет, парень? – спросил помощник капитана.

– Восемнадцать, сэр! – уверенно соврал Джон.

– Вижу, что врешь, – осклабился моряк, оглядывавший рослую, прекрасно сложенную фигуру юноши. – Клянись золотым зубом, ты никогда не выходил в море...

– Так точно, сэр. – На этот раз сказал правду Джон. И, чтобы умиловить морского волка, добавил: – Готов на любую работу!..

Так тринадцатилетним подростком сын садовника, служившего в поместье графа Селкирка в Шотландии, нанялся юнгой на английский корабль.

Джон Пол (так звали его с рождения) несколько лет ходил по Атлантике на бригантине «Два друга», перевозившей рабов. Работа денежная, но грязная: юный шотландец, дослужившийся до поста третьего помощника капитана, испытывал жалость к чернокожим, работоторговля была ему противна.

XVIII век – идеальное время для необычных судеб. В 1768 году Джон, будучи на Ямайке, уволился с невольничьего судна и, разочаровавшийся в морской карьере, отправился на первой попутной посудине домой. Однако в море от какой-то злетной заразы померли сначала капитан, а вслед за ним – его первый и второй помощники... Корабль мог остаться вообще без штурвала, если бы на капитанский мостик не встал Джон. Ему, которому едва исполнилось двадцать, предстояло успешно привести судно в Англию, и он справился с задачей, за что вскоре и был назначен капитаном.

Древние говорили, что судьба человека – его характер. Джон Пол обладал нравом крутым. В 1773 году на судне, где правил молодой шотландец, начался бунт.

Джон не побоялся повесить на рее зачинщиков, однако расправа была впоследствии расценена трибуналом чрезмерной. Шотландец, обвиненный в превышении полномочий, был вынужден бежать. В Америку! Там, в штате Вирджиния, после смерти старшего брата Джон унаследовал его плантацию и взял себе новую фамилию, став Джоном Полом Джонсом.

Хорошее соседство, как утверждают, ценнее родственных связей. Поместье новоявленного плантатора, не переставшего мечтать о море, располагалось недалеко от усадьбы Томаса Джефферсона. Джон Пол Джонс быстро завязал дружбу с будущим автором Декларации независимости. Неудивительно, что с началом войны за независимость шотландец, как и большинство его соплеменников, относившийся к англичанам, мягко говоря, без приязни, присоединился к мятежникам. Встал в ряды инсургентов в качестве капера. Так назывались частные лица, которые с разрешения государства громили военные суда неприятеля и захватывали его торговые корабли.

Соединенные Штаты выдали Джону Полу Джонсу «привативный патент». Корсар обязан был делиться с государством захваченной у англичан добычей: отдавать ему десятую часть трофеев. Шотландец захватил и уничтожил более 40 английских судов. Несколько раз высаживался на побережье Британии и грабил портовые города.

Легендарной стала его победа 23 сентября 1779 года. Джон Пол Джонс командовал 42-пушечным кораблем «Простак Ричард» (*Bonhomme Richard*), названным французским псевдонимом Бенджамина Франклина, посланника американцев в Париже. Увидев богатый английский конвой, Джон Пол Джонс не побоялся в одиночку вступить в бой с охраняющими его 50-пушечным фрегатом «Серapis»

и 20-пушечным шлюпом. В ходе трехчасового боя «Простак» потерял почти все орудия и половину команды. Преимущество англичан выглядело подавляющим, и капитан «Серписа» предложил Джону Полу Джонсу сдаться. И тогда тот произнес фразу, вошедшую в анналы морских баталий: «А я еще и не начинал сражения».

«Ричард» с пробитым бортом обреченно черпал воду, а Джон Пол Джонс пошел со своими матросами на бордаж. Сумасшедший, беспощадный! Англичане, уже начавшие праздновать победу, не ожидали атаки смертников. Захватив «Серпис», каперы тут же расстреляли из его пушек соседний шлюп. Капитан английского фрегата, отдавая свой кортик шотландцу – раненому, в крови, – видел, как все ниже проседает на воде «Простак» и одновременно поднимается американский флаг на «Серписе».

На захваченном корабле Джон с триумфом привел конвой во французский порт. Этой победой мореход заслужил отчеканенной в честь нее медали в Америке, а в Англии – объявления себя «первым врагом короля».

Ласки и интриги Севера

Залечивая раны в Париже, шотландец еще больше сблизился с братом-масоном Бенджамином Франклином. Тот на работах в ложе «Девять сестер» познакомил Джона Пола Джонса с посланником России в Копенгагене Алексеем фон Крюденером, который по заданию императрицы Екатерины II набирал в Европе опытных бойцов для русской армии и флота.

Фон Крюденер вывел шотландца на посла России в Париже Ивана Симолина, который сделал официальное предложение Джонсу поступить на российскую службу.

Боевые действия между фрегатами *Bonhomme Richard* (капитан Джон Пол Джонс) и *HMS Serapis* во время сражения у мыса Флампоро в 1779 году. Картина Ричарда Патона. 1780

Тот сомневался недолго, тем более что к тому времени правительство Соединенных Штатов запретило каперство. Кипучий темперамент морехода жаждал приключений,

и в 1788 году Джон Пол Джонс отправился в Санкт-Петербург. 23 апреля 1788 года шотландец был принят Екатериной II. Аудитория была запланирована на полчаса,

а продлилась втрое дольше. Джон Пол Джонс в беседе с императрицей был резок, выразил желание сохранить американское гражданство и непременно офицерский

статус, но тем не менее произвел на властительницу Севера хорошее впечатление.

В итоге беседы с Екатериной II американский коммодор вышел

от нее контр-адмиралом Российского флота. Ставший в России на русский лад Павлом Джонесом, шотландец отправился воевать с османами в Днепровском лимане, где получил под командование эскадру из 13 линейных кораблей и фрегатов, включая флагманский корабль «Святой Владимир».

На пути к турецкой крепости Очаков Джонс познакомился с Григорием Потемкиным и Михаилом Кутузовым. Вместе с ними был принят в казаки Запорожской Сечи, коим присягнул, выпив чарку на лезвии шашки.

Шотландец и для казаков быстро стал своим. По окончании застолья он подплыл ночью на казацкой лодке-чайке к флагманскому кораблю турок, начертал мелом на его борту: «Сжечь» и подписался...

Наутро же, 17 июня 1788 года, завязалась жестокая баталия. На один русский корабль приходилось пять турецких. Вместе с гребной флотилией под командованием еще одного экспата – французского принца Карла Генриха Нассау-Зигена – Джонс разбил османский флот. Его командующий капудан-паша Эски Хасан, прозванный «Отважным крокодилком», едва спасся бегством...

Но у Джонса не сложились отношения с другим опытным флотоводцем, участвовавшим в бою, – Алексиано Панагиоти, этническим греком, чаяниями Потемкина назначенным к нему советником. Это впоследствии не могло не отразиться и на контактах шотландца с самим Потемкиным.

В боях 17–18 июня турки потеряли около 1800 моряков. Вслед за этой викторией последовали и другие на Днепро-Бугском лимане. Именно атака флотилии Джонса позволила овладеть Очаковым.

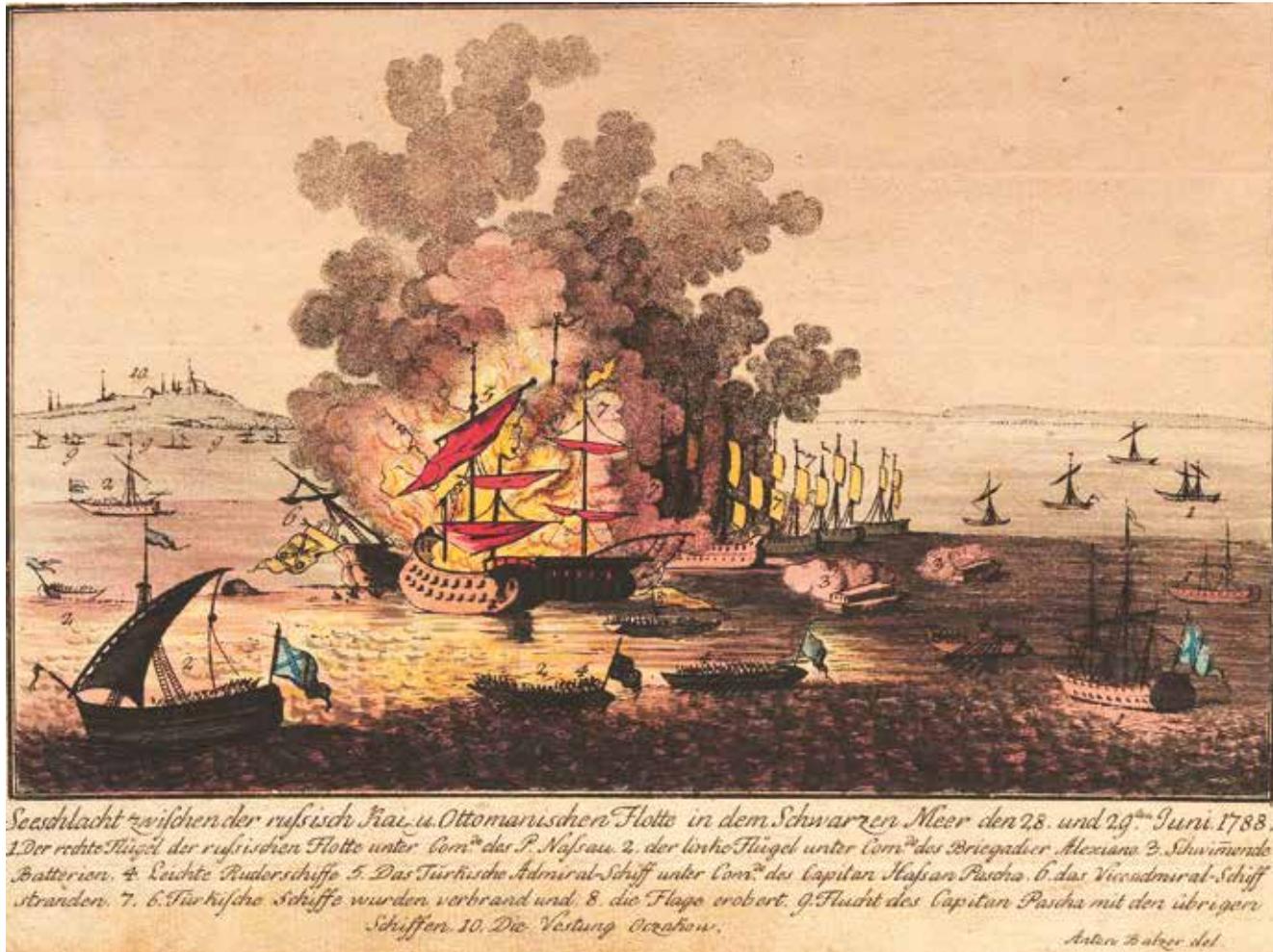
Александр Суворов сердечно поблагодарил шотландца. Заслужил он похвал и от маркиза Осипа де Рибаса, командующего российским

флотом. Как тот писал про Джонса генералу-фельдмаршалу Григорию Потемкину, руководившему всей кампанией: «Этот человек удивительно кроткий и деятельный, и, сказать правду, я не нахожу здесь никого, который может с ним сравниться».

Впрочем, с эпитетом «кроткий» трудно согласиться, Джонс отличался редкой вспыльчивостью. Это качество быстро сделало недругами адмирала многих его коллег. И прежде всего принца Нассау-Зигена. Этот авантюрист, успевший послужить всем монархам Европы, видел в Джонсе своего карьерного соперника. Адмирал Нассау-Зиген, истинный солдат удачи, наговорил Потемкину столько гадостей про шотландца, что Светлейший отозвал того в Санкт-Петербург под предлогом перевода в Балтийский флот.

Тем не менее в 1789 году Джонс был вновь принят Екатериной. Он предложил императрице проект по установлению союза между Россией и Соединенными Штатами. Моряк видел в этих двух странах гарантов мира в Европе: выдвинул идею создания русско-американской эскадры, которая базировалась бы в Средиземном море...

Но Екатерине II было не до этого, она вела свою игру. До нее доходили сведения о революционном кипении во Франции, царица знала и о связях шотландца с парижскими бунтарями. Да и англичане, с которыми у России временно наладились отношения, продолжали считать Джонса «предателем и пиратом» и не стеснялись наушничать на него императрице. Чтобы добить адмирала, его обвинили в сексуальных домогательствах и в апреле 1789 года арестовали по обвинению в изнасиловании. Благо, на помощь пришел посол Франции в Санкт-Петербурге Луи Филипп де Сегюр. Этот последний

Морское сражение под Очаковым 17–18 июня 1788 года

друг Джонса в Северной столице провел собственное расследование и сумел доказать Григорию Потемкину, что обвинения были абсолютно ложными и что их сфабриковал коварный принц Нассау-Зиген.

Джон Пол Джонс, слишком горячий и простодушный, плохо вписывался в сложные дворцовые реалии. Разочарованный салонными российскими нравами и обиженный петербургскими великосветскими интриганами, он формально испросил двухгодичный отпуск и в мае 1790 года отбыл... Куда? Конечно же, во Францию! Она продолжала сражаться с Англией, именно этого и искал для себя моряк, сохранивший свои офицерские привилегии и чин

контр-адмирала Российской империи. Но не случилось...

18 июня 1792 года Джон Пол Джонс, успевший издать в Эдинбурге свои мемуары (считается, что они вдохновили Александра Дюма-отца и Фенимора Купера на создание их приключенческих романов), скончался в Париже в возрасте 45 лет. Врачи сочли причиной смерти болезнь почек, но друзья флотоводца были уверены, что его отравили зловерные англичане. Шотландец успел составить завещание. Своеобразное: Джонс просил поместить его тело в герметический гроб и залить его спиртом.

После смерти Джон Пол Джонс дольше столетия пребывал во Франции в забвении. Того, кого

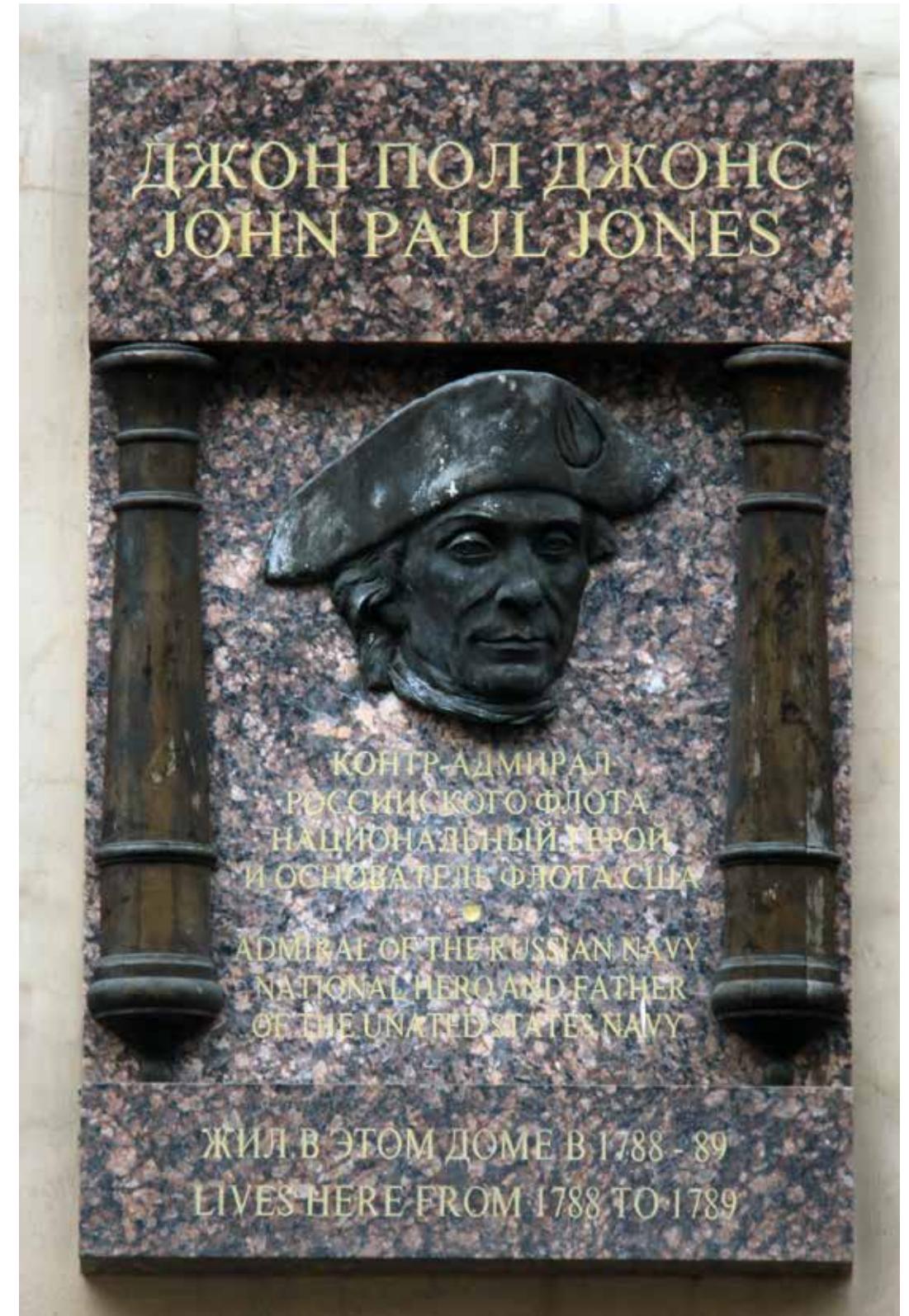
в американских энциклопедиях ныне именуют «отцом-основателем американского флота», перезахоронили лишь в 1905 году. Церемония перезахоронения прошла при участии президента Соединенных Штатов Теодора Рузвельта. Свое последнее пристанище флотоводец нашел в крипте под часовой Военно-морской академии в Аннаполисе, штат Мэриленд.

Тяжелый, 21-тонный саркофаг, выполненный из черно-белого мрамора, покоится на бронзовых дельфинах и украшен барельефами морских растений. Тут же представлены и различные исторические артефакты, связанные с мятежной жизнью и славной карьерой Джона Пола Джонса.

В 1912 году в Вашингтоне открыли и мемориал пенителя моря (кстати, так называется один из известнейших романов Фенимора Купера) – на пересечении Индепенденс-авеню и 17-й улицы (скульптор Чарльз Х. Найхаус, архитектор Томас Хастингс).

Для потомков по обе стороны Атлантики Джон Пол Джонс превратился в легенду, едва ли не в хрестоматийный миф. Еще бы! Сегодня у его могилы в Аннаполисе принимают присягу будущие морские офицеры США...

Вряд ли на торжественной церемонии им сообщают, что, когда американцы вскрыли парижский саркофаг, Джон Пол Джонс лежал в нем как живой. Он был в парадной форме контр-адмирала русского флота, с орденом Святой Анны на груди и с петровским граненым стаканом (его еще называли «морским»), зажатым в кулаке. Что поделаешь, русская водка была излюбленным напитком моряка.

6 июля 2003 года в Санкт-Петербурге, на углу дома Гороховая, 12 / Большая Морская, 23, была установлена мемориальная доска в память о Джоне Поле Джонсе

ПОХОЖДЕНИЯ «РУССКОГО АМЕРИКАНЦА»

«Федор Каржавин, американский житель, парижский воспитанник, петербургский уроженец; в родине не свой, в сем мире чужой...»

ПЕТР СОЛОВЫХ

Прижизненный портрет Федора Каржавина. XVIII век

История сохранила имена нескольких людей русского происхождения, внесших свой вклад в борьбу за независимость Соединенных Штатов Америки. Одним из них был Федор Васильевич Каржавин (1745–1812), путешественник, коммерсант, моряк, писатель, естествоиспытатель...

Он принадлежал к богатой петербургской купеческой семье и получил блестящее по тем временам европейское образование, знал в совершенстве французский язык – учился в Парижском университете. Видимо, французским влиянием на формирование его личности и можно объяснить его тягу к приключениям в Америке и на островах Карибского моря, в Вест-Индии.

Приключения Каржавина начались в Париже, куда он приехал из-за проблем с петербургскими властями и где он жил под именем Теодора л'Ами (с французского фамилия переводится как «друг»).

Во Франции Каржавин, энергичный, обаятельный, прекрасно образованный, завел дружбу с маркизом Жильбером Лафайетом, будущим генералом американской армии, а также с посланником Конгресса США Сайласом Динном.

Званные вечера-суаре, рестораны с веселыми приятелями, хорошенькая жена-француженка... Казалось бы, вполне заурядная жизнь молодого повесы из числа состоятельных русских эмигрантов в Европе. Однако Каржавин разводится с женой, модисткой

Франции. Именно через этот остров шли колонистам продовольствие, оружие, порох. Каржавин был человеком практическим и решил заработать на таких поставках. Вот как писал он сам о своем желании отправиться в Америку: «Желая удвоить свой капитал, по тогдашним критическим обстоятельствам, новоаглицкой торговлей, вступил я в товарищество с одним креолом (Мгг Lassere), отправлявшим большое судно в Америку, положил в него свою сумму и сам на оном судне поехал в 13 число апреля 1777 года».

Позднее он напишет отцу в Россию, что вез в Новый Свет соль, вино, патоку... И ни слова об оружии для повстанцев! При этом упоминает, что корабль был хорошо вооружен, а его самого судовладельцы назначили... «военачальным человеком»! Это же подтверждает *The Virginia Gazette*: «16 мая 1777 года к американским берегам прибыл корабль с острова Мартиника с грузом пороха, оружия, соли».

Судя по всему, Каржавин был человеком авантюрного склада: в пути к берегам континента ему пришлось участвовать в морском сражении с английским капером – пиратом, который с разрешения королевской власти Великобритании использовал вооруженное судно для захвата торговых кораблей неприятеля. Такое столкновение могло бы закончиться для купца, ставшего по необходимости воином, весьма плачевно. Однако, воспользовавшись выпавшим на море густым туманом,

Каржавин ушел от английского судна и благополучно пристал к берегам Виргинии.

Несколько лет Федор Васильевич проводит в Америке. В вашингтонском Национальном архиве США хранится письмо Каржавина, датированное 15 июня 1777 года, в нем он предлагает свои услуги президенту Континентального конгресса Джону Хэнкоку в качестве переводчика с французского языка и латыни.

Часто путешествуя по стране, Каржавин вел путевые заметки, которые с интересом читаются и сегодня. Инициатор и организатор первых личных контактов россиян и американцев, автор нескольких книг на французском, он стоял у истоков российско-американских литературных связей. И хотя английский язык знал неважно, разницу между языком, на котором говорили англичане, и языком американских колонистов отметил и одним из первых предложил называть его англо-американским.

Известно, что в 1779 году, когда Каржавин жил в доме капитана Лапорта в Вильямсберге, главном городе Виргинии, он принимал активное участие в формировании на Мартинике и в Сан-Доминго французской воинской части из островитян. Не забывал при этом и о торговой деятельности.

Американское побережье контролировалось английскими каперами, но Каржавин решился еще раз испытать судьбу и отправился с грузом колониальных товаров на французскую Мартинику. На этот раз трюк не удался. Едва корабль отчаянного купца отплыл из порта Виргинии, как стал добычей английского капера. Каржавин лишился, по сути дела, всего своего состояния. Позднее он напишет: «Я потерял три года, два корабля и все, что имел в Новой Англии, более двадцати раз в течение этого времени я рисковал жизнью».

Впрочем, ему все же удалось попасть на Мартинику. Правда, у входа в гавань французскому кораблю пришлось пробиваться с боем через блокаду английских фрегатов.

Каржавин вновь попробовал стать американцем, вернувшись в Виргинию. Там у него образовался широкий круг знакомств, среди друзей был и Карло Беллини, профессор современных языков колледжа Уильяма и Мэри. Этот итало-американец был близок к Томасу Джефферсону. Вероятно, именно Беллини предложил Джефферсону использовать Каржавина на дипломатическом поприще. Сведений об этом новом повороте в судьбе Федора Васильевича мало. Известно только, что появился план отправления Каржавина конгрессом Соединенных Штатов со специальной дипломатической миссией в Санкт-Петербург.

Вот что писал Каржавин об этом проекте родителям в Россию: «Лет тому шесть или семь будет, как я жил на коште виргинского правительства месяцев шесть в Вильямсберге с намерением быть посланным к российской государыне от американского конгресса, с публичным характером, в то время как они отправляли доктора Франклина к королю французскому полномочным министром. Но обстоятельства военные, некоторые повороты в американских делах, памятование, что я был у Вас в немилости и страх российского министра Панина, ежели бы я, русский человек, послан был к своей государыне в публичном звании от иностранной короны и прочее, причинили мне предпочесть возвратиться на Мартинику на 74-пушечном французском корабле «Фандант»».

В общем, американского дипломата из Федора Васильевича не получилось. Он не горевал. Обосновался в Виргинии, которую уже неплохо знал. По его собственным словам, «напоследок пробравшись до Виргинии, докторствовал там, купечествовал и был переводчиком

языка англо-американского при канцелярии консульства французского».

Занимался и фармацевтикой – не по призванию, а по необходимости. Он писал: «Помни, что ты больше ничего, как несчастный аптекар, и вари свои лекарства для храбрых людей, которые отомстят твоим врагам, англичанам, за твоё разорение».

Как известно, русский и в Америке русский. Каржавина остро тянуло домой. В конце концов, ему все-таки удалось прорваться сквозь Атлантику во Францию, куда он попал в разгар революционных событий 1789 года. Их быстрота и жестокость испугали Каржавина, и с паспортом, полученным от российского резидента в Париже, Федор Васильевич поспешил после долгих лет разлуки вернуться в Санкт-Петербург.

В 1797 году с подачи знаменитого архитектора Василия Баженова, своего давнего знакомого, Каржавин получил место переводчика в Коллегии иностранных дел. Прослужил на этом скромном посту (надворным советником стал лишь незадолго до смерти) до 28 марта 1812 года.

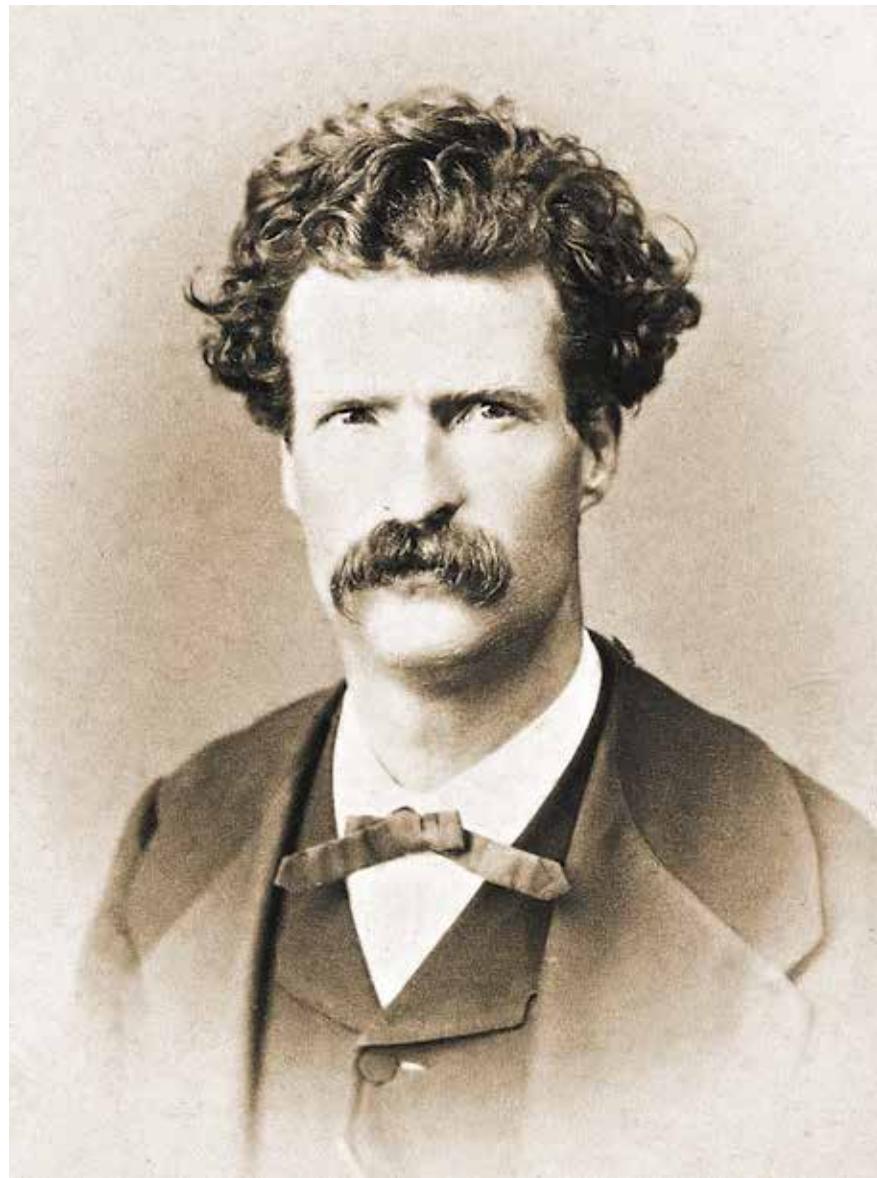
Скончался он скоропостижно. По одной из версий покончил с собой. Незадолго до смерти он пишет: «Я объехал три четверти света, видел пятую часть света, вам еще не известную... видел разные народы, знаю их обычаи, измерил глубины и пучины, иногда с риском для моей жизни, но все это было напрасно...»

Его по праву можно назвать одним из наиболее ярких людей своего времени. Авантюрист? Не без того. Но вот какую до боли грустную характеристику он, печатавшийся под псевдонимом «Русский американец», дал сам себе незадолго до кончины: «Федор Каржавин, американский житель, парижский воспитанник, петербургский уроженец; в родине не свой, в сем мире чужой...»

МАРК ТВЕН: «АМЕРИКА МНОГИМ ОБЯЗАНА РОССИИ»

К 190-летию со дня рождения знаменитого американского писателя, журналиста и общественного деятеля

АЛЕКСАНДР БАЛТИН

Марк Твен в 1867 году

Марк Твен популярен в России... Это было всегда, словно существовал некий феномен русского Марка Твена.

Когда-то Сэмюэл Ленгхорн Клеменс работал на Миссисипи помощником лоцмана. От выкриков «марк твен!» (англ. mark twain – «метка двойка»), предупреждавших о минимальной глубине реки для прохода судна, и родился знаменитый псевдоним.

Была в его биографии и поездка в Россию...

Летом 1867 года американская делегация посетила Крым – жемчужину нашей планеты, столь манящую многих; в составе делегации – Сэмюэл Клеменс...

Твен побывал в Севастополе, Ялте, Ливадии, Ореанде и легендарной, особым колоритом пропитанной Одессе; а подготовка к данному круизу длилась несколько месяцев, начавшись зимой того же года.

Конечной целью путешествия на пароходе «Квакер-Сити» с посещением ряда стран была Палестина.

Твен на тот момент – не слишком известный американский журналист (скорее, Клеменс, нежели Твен), обладающий, впрочем, великолепной природной смекалкой и неистощимо ироничным отношением к жизни, что всегда выручало.

Он сам предложил издателю газеты «Альта Калифорния» в Сан-Франциско отправить его в круиз,

обязавшись написать обо всем происходящем немало очерков, искрящихся весельем, играющих остриями сатиры. Если потребуется – пятьдесят за пять месяцев пути. Чем и подкупил редакцию, оплатившую ему поездку.

Тяжело дышит океан... Пароход водоизмещением 1800 тонн отправляется из Нью-Йоркского порта в полугодовое плаванье. Ожидается посещение многих мест Европы и Востока, суля незабываемые впечатления.

Раскроется Константинополь, словно исполосованный историей. Здесь группа американцев разделится: многие, заинтересовавшись, останутся в бывшей столице Византии, некогда павшей под натиском турок-османов. Твен среди тех, кто плывет дальше – в Россию.

Первый пункт прибытия – Севастополь, город, еще не оправившийся от событий Крымской войны, бушевавшей здесь на протяжении трех лет.

Пришвартовавшийся американский пароход взбудоражил город, ведь в те времена мало кто из русских бывал в Америке – на американцев глянуть интересно.

Офицер, специально посланный губернатором, приветствует гостей, приглашает их в город. Чувствуйте себя как дома!

Город, во многих местах войной обращенный в кружево руин, производит на будущего классика сильное впечатление; он блуждает один, словно стремясь расшифровать Севастополь, постигнуть код и нрав городской.

Побывав на укреплениях Севастополя, на месте Николаевской батареи, где американские врачи-добровольцы оказывали помощь раненым русским во время обороны города, он берет на память несколько ядер и хранит их у себя дома до конца своих дней.

Снесенные торцы зданий, дома расколотые пополам, ядра, застрявшие в стенах...

Севастополь в 1855 году, после осады британской армией во время Крымской войны

«Помпея сохранилась лучше Севастополя, – констатирует Твен, сочиняя очередной очерк. – В какую сторону ни глянь, всюду развалины, одни только развалины! Разрушенные дома, обвалившиеся стены, груды обломков – полное разорение. Будто чудовищное землетрясение всей своей мощью обрушилось на этот клочок суши».

Сильное впечатление производят люди: неустанный муравьиный труд восстановления: жизнь не может быть уничтожена, и бурлит она, и кипит, напряженно пульсируя необходимостью продолжать земное бытование.

В очерке, созданном Твеном, описываются и бывшие боевые действия – живо и сильно, как свойственно писателю; из журналиста постепенно прорастает прозаик, собирая массу подробностей, какие красноречиво предлагает полуразрушенный город.

По плану пароход дальше должен идти в Одессу. Как раскроется она взору американца? Величавая и простая, с массой милых уголков и щедрой роскошью моря, с грандиозной лестницей, будто на небо

восходящей, и вечно задумчивым памятником Дюку Ришелье...

Твен часто подробен в очерковых описаниях: «От Севастополя до Одессы часов двадцать пути; Одесса – самый северный порт на Черном море. Мы вошли сюда главным образом за углем. В Одессе сто тридцать три тысячи жителей, и она растет быстрее любого небольшого города вне Америки. Одесса – открытый порт и крупнейший в Европе хлебный рынок. Одесский рейд полон кораблей. Сейчас ведутся работы по превращению открытого рейда в обширную искусственную гавань. Она будет со всех сторон окружена массивными каменными причалами, один из них будет выдаваться в море по прямой линии более чем на три тысячи футов».

Твен бродит по Одессе, впитывая ее ароматы и живую прелесть, упиваясь как будто знакомыми картинками, отмечая сходство между одесскими видами и родными американскими данностями: «Куда ни погляди, вправо, влево, – везде перед нами Америка! Ничто не напоминает нам, что мы в России...»

Александр II. Фото С. Л. Левицкого

Но еще несколько шагов, и все вдруг меняется: «... перед нами выросла церковь, пролетка с кучером на козлах, – и баста! – иллюзии как не бывало». Он наблюдает жизнь – человечески-кропотливо-муравьиную, – давая в очерках неожиданные сравнения, чья поэтичность порой отдает иронией: сравнивает купол церкви, увенчанный стройным строгим шпилем, с огромной перевернутой репой... Одежда кучеров тоже поражает – «что-то вроде длинной нижней юбки без обручей». Здесь уж точно нет ничего американского.

Никто не ожидал появления американского консула на борту «Квакер Сити», но он появился, чтобы сообщить о том, что отдыхающий в Ливадии император Александр II желал бы видеть американских путешественников у себя в гостях.

Волнуются американцы. Еще бы! Приглашение получено от самого монарха! Что ж, придется скорректировать маршрут, вернуться в Ялту, ведь не каждый день выпадает такая удача – встреча с могущественным царем.

Ялту Твен в очередном очерке сравнивает со Сьеррой-Невадой. Пейзаж рисуется им колоритно: «Высокие суровые горы стеной замыкают бухту, их склоны щетинятся соснами, прорезаны глубокими ущельями, то здесь, то там вздымается к небу седой утес, длинные прямые расселины круто спускаются от вершин к морю, отмечая путь древних лавин и обвалов, – все как в Сьерра-Неваде, верный ее портрет. Деревушка Ялта гнездится внизу амфитеатра, который, отступая от моря, понемногу переходит в крутую горную грядку, и кажется, что деревушка эта тихо соскользнула сюда откуда-то сверху. В низине раскинулись парки и сады знати, в густой зелени то там, то тут вдруг сверкнет, словно яркий цветок, какой-нибудь дворец».

Ливадия. Большой императорский дворец до перестройки в 1910 году

Ожидая имперской аудиенции, путешественники решают составить торжественное приветствие. Для его написания создан комитет из шести человек. Но в итоге текст был написан одним Клеменсом.

Документ сохранился до наших дней. Стоит привести его полностью:

«Ваше Императорское Величество!

Мы, горсточка частных граждан Америки, путешествующих единственно ради собственного удовольствия, скромно, как и приличествует людям, не занимающим никакого официального положения. И поэтому ничто не оправдывает нашего появления перед лицом Вашего Величества, кроме желания лично выразить признательность властителю государства, которое по свидетельству доброжелателей и недругов всегда было верным другом нашего родного Отечества.

Мы не осмелились бы сделать подобного шага, если бы не были уверены, что выраженные нами слова и вызывающие их чувства – только слабый отголосок от зеленых холмов Новой Англии до далеких берегов Тихого океана. Нас немного числом, но наш голос – голос всей нации. <...>

Америка многим обязана России. Она должник России во многих отношениях и в особенности за неизменную дружбу в годы ее великих испытаний.

С упованием молим Бога, чтобы эта дружба продолжалась и в будущем. Мы знаем, что Америка была и всегда будет благодарна России и ее государю за это. Только безумный может предположить, что Америка когда-либо нарушит верность этой дружбе предумышленно несправедливым словом или поступком.

*Ялта, Россия,
26 августа 1867 года».*

Консул США зачитывает послание Александру II. Венценосец выходит с семьей из Ливадийского дворца встречать американских путешественников.

На тот момент отношения России и США отличались доброжелательностью, ибо Россия, отменив у себя крепостное право в 1861 году, содействовала во многом искоренению рабства в США.

Итак, Александр II выходит встречать американцев, и Марка Твена более всего поражает простота одевания, равно как и спокойно-скромное обхождение российского монарха. Поприветствовав гостей, император лично водит их по аллеям парка, показывая достопримечательности, что, конечно, ошеломляет американцев.

Таким было путешествие в Российскую империю будущего ярчайшего представителя американской литературы. И, думается, оно навсегда осталось в его памяти.

АЛЕКСАНДР ЛИВЕРГАНТ: «С АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ МЫ ДРУЖИМ»

Интервью с главным редактором журнала «Иностранная литература»

Беседу вел
КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

Литературно-художественный журнал «Иностранная литература» выходит в Москве уже 70 лет. Специализируется на переводной литературе, в том числе и американской. Более того: писатели Соединенных Штатов – одни из самых частых авторов на страницах «Иностранки» (так читатели привыкли называть журнал). Наш гость – многолетний редактор журнала «Иностранная литература», писатель и переводчик Александр Ливергант.

– Александр Яковлевич, имена и произведения многих писателей США в прошлом стали известны российской читательской публике благодаря «Иностранной литературе». Продолжается ли этот американский литературный «звездопад» и сейчас?

– Конечно, продолжается. «Иностранка» традиционно печатает очень много американских писателей. И современных, и тех, кого сейчас называют «винтажем». И просто прозу, и большую прозу, и очень много новеллистики. Вот сейчас ближайший номер у нас называется «Две Америки». Будут в нем произведения авторов из США и Латинской Америки. Отсюда и такое название номера... За последние лет двадцать у нас было очень много специальных американских

выпусков. Больше, чем каких бы то ни было других. И вообще, американские авторы встречаются у нас едва ли не в каждом номере. Мы не «боремся» с английским языком – мы просто стараемся, чтобы в каждом номере были переводы с разных языков, а не с одного. А с американской литературой мы дружим – и давно. И очень высоко ее ценим.

– За что? Почему?

– Так, в этом номере – «Две Америки» – будут стихи Джорджа Сантаяны. Казалось бы, Сантаяна, замечательный философ, автор шеститомного труда «Жизнь разума», к литературному творчеству, тем более поэтическому, никакого отношения не имеет. Ан нет! Испанец по происхождению, но все равно пишет по-английски... И вот мы печатаем его стихи. Это вам так, для примера... Американская литература неисчерпаема. Наше кредо: открывать для российского читателя новых авторов. И у нас это хорошо получается. Включая и авторов для Америки классических, и у нас пока что малоизвестных.

– Например? Назовите, пожалуйста, некоторых...

– За семидесятилетнюю историю журнала «Иностранная

литература» кого мы только не открыли! Эрнеста Хемингуэя – безусловно. Еще: «Над пропастью во ржи» Джерома Дэвида Сэлинджера. И Джона Стейнбека, и Роберта Пенна Уоррена, и Теннесси Уильямса... Если собрать номера, посвященные американским авторам, можно составить целую библиотеку. Богатейшую! В восьмидесятые годы у нас, кстати говоря, была такая библиотечка, которая так и называлась: «Библиотека журнала «Иностранная литература»», – глядите на маленькие книжечки в этом шкафу. Очень удобные книжечки, недорогие, их можно было класть в карман пиджака. И многие из них состояли из произведений американских писателей.

– Каким тиражом они выходили?

– Точно не знаю... Большим, десятки тысяч экземпляров. Все тут же расхватывалось на книжных прилавках, в киосках Союзпечати, уходило в библиотеки...

– Не кажется ли вам, что некоторые американские авторы, которых ваш журнал «раскрутил», были более популярны в нашей стране, нежели в самой Америке?

– Не без того. И знаете, что подстегивает живой интерес нашего

читателя к американской литературе? Блестящий отряд переводчиков с английского. Действительно, такие переводчики, как Рита Райт-Ковалева, Евгения Калашникова, Виктор Гольшев... Это все писатели (знаменательная оговорка!), то есть переводчики, которые главным образом ориентировались на американскую литературу. Благодаря им российская публика, тогда еще советская, открыла для себя Фрэнсиса Скотта Фицджеральда и Джона Апдайка, Уильяма Фолкнера и Амброза Бирса, Синклера Льюиса и Джона Дос Пассоса, Ирвинга Стоуна и Джона Стейнбека... Наши литературные переводчики, без преувеличения, делали чудеса.

– Именно, чуда! Вспоминается история, если не ошибаюсь, с Гором Видалом. Заметная фигура в мировой литературе второй половины прошлого века. Он побывал в Москве. Москвичи принялись расспрашивать его об его соотечественнике Курте Воннегута, бывшем тогда необычайно популярным в Советском Союзе. Все восхищались фантастическими

Александр Ливергант

романами Воннегута. А Видал заметил...

– Он сказал: «Романы Курта страшно проигрывают в оригинале...» Да это и понятно, ведь Воннегута переводила Рита Райт-Ковалева.

– Есть ли, на ваш взгляд, параллели у американской и русской

литератур? Скажем, Марк Твен – Антон Чехов...

– Это, простите меня, плохой пример. Однако какие-то сопоставления можно себе представить. При этом литературы наших стран идут разными курсами. Дело в том, что американская литература создавалась поначалу как литература колониальная. И еще: русская

классическая литература молода, американская же еще моложе. В XIX веке такие авторы, как Герман Мелвилл или упомянутый вами Марк Твен, со Львом Толстым или с Федором Достоевским ничего общего вообще не имели. Хотя кое-какие сближения в литературном пространстве, скажем так, есть. Например, многое соединяет Николая Гоголя и Эдгара Алана По. Сближают их фантастичность, эзотеричность, что ли, их фантазийность...

– *А как вам такая, скажем, параллель, как Теодор Драйзер – Максим Горький?*

– Может быть... Но Горький гораздо одареннее американца. Горький – очень разный писатель. А Драйзер? На мой взгляд, это автор только одного великого романа: «Американская трагедия». Хотя Драйзер относится к той категории литераторов, про которых говорят «крепкий писатель». Писатель серьезный, увлекался Советской Россией, приезжал туда, начиная с 1927 года, путешествовал, ему забивали голову всякой советской пропагандой, и он, этому внимая, вступил в коммунистическую партию США...

– *Такая же, как у американской беллетристики, популярность была и у американской драматургии. Не правда ли?*

– Очень многие пьесы американских авторов ставились и ставятся по сей день на советских и российских сценах. Это и Теннесси Уильямс, и Юджин О’Нил, и Артур Миллер, который после Второй мировой войны долго оставался у нас одним из самых сценичных драматургов. Если говорить о драматургии, то сближение наших литератур было очень велико... В общем, подытоживая: литература на американо-английском

языке – скажем так – пользовалась всегда в нашей стране большой популярностью, и специальные номера «Иностранной литературы», посвященные писателям США, не составляли исключения.

– *Вы сказали «винтаж». Разве подходит этот термин к литературе?*

– Я имел в виду литературу старого времени. Читатель очень любит этот «винтаж». Поймите, в силу того что советская цензура контролировала литературу на протяжении многих десятилетий, мы потеряли огромное количество интересных зарубежных авторов, включая американских. Не только таких, ставших во всем мире по-настоящему одиозными, как Генри Миллер, но и многих других. И мне кажется, тот «винтаж», который мы печатаем сегодня, гораздо интереснее многих произведений, создаваемых в наши дни.

– *А какой «винтаж» у вас в «Двух Америках»?*

– Всего и не припомнишь! Это не только романы и повести, но и документалистика: письма, дневники, критика... Ведь американская литература для нас одна из ведущих. Может быть, не самая мощная в мире – есть еще и французская, немецкая, итальянская, наконец, английская литературы... Но американская – одна из наиболее любимых самой широкой российской публикой.

– *У Юрия Ковалева, знатока американского романтизма, есть система имен, дающих, по его убеждению, представление об американской литературе: Фенимор Купер – Эдгар Аллан По – Натаниэль Готорн – Герман Мелвилл... А вы бы какую цепочку выстроили?*

– Да, Ковалев – блестящий специалист, особенно по творчеству Германа Мелвилла. Названная вами цепочка вполне достойная, но я бы добавил туда еще трансценденталистов Ральфа Уолдо Эмерсона и Генри Дэвида Торо. Они сыграли очень большую роль в формировании природного американского духа. Это авторы, из которых потом вышли многие поколения американских писателей. Например, битники, Джек Керуак или, я уже его упомянул, Генри Миллер. До известной степени и Джон Стейнбек. Все эти авторы не существовали бы, если бы не было Эмерсона и Торо. Это крупнейшие, абсолютно глобальные фигуры. Другое дело, что читатель с улицы не станет читать такую сложную эссеистику, как у них...

Если же, предположим, продолжить линию, предложенную Ковалевым, то в цепочку встанут и Марк Твен, и тот же Теодор Драйзер. Ведь именем Драйзера клялись и модернисты. В эту цепочку славы непременно должны войти и три Нобелевских лауреата: Эрнест Хемингуэй, Уильям Фолкнер, Джон Стейнбек. Роберт Пенн Уоррен тоже. И писатели-афроамериканцы, в том числе Джеймс Болдуин. Как видите, американская литература у нас на виду и на слуху.

– *А что если российский читатель захочет познакомиться с американской литературой в оригинале?..*

– У нас для этого существует рубрика, которая называется «Трибуна переводчика». В ней мы нередко даем двуязычные материалы. В частности, мы приветствуем публикацию американских оригинальных произведений, рядом с которыми параллельно дается их перевод.

– *Как книги и переводы попадают к вам?*

– Вопрос на засыпку, как говорится. Мы в редакции, конечно, ищем и решаем, что публиковать. Но основными поставщиками текстов все-таки являются наши переводчики. Журнал и сейчас окружен прекрасными переводчиками, в том числе и молодыми. Они нам предлагают свои работы, а мы уже ориентируемся, что, кого и когда публиковать. Они, переводчики, – главный источник нашего литературного богатства.

– *Мы с вами ни слова не сказали об американской фантастике. А ведь я открыл ее для себя через ваш журнал: Роберт Хайнлайн, Рэй Брэдбери, Айзек Азимов...*

– Американская фантастика тоже массово проникала к нам в последние десятилетия. Вспомним о феномене в Советском Союзе Курта Воннегута, автора «Бойни номер пять» и «Крестового похода детей». Он тоже из числа авторов, открытых для русской читательской публики «Иностранкой». Воннегут триумфально приезжал в Москву, его славили, перевозили. У нас, вообще, любят фантастику, в том числе и американскую: Рэй Брэдбери, Айзек Азимов, Клиффорд Саймак...

– *А печатаете ли вы детективную американскую литературу, столь популярную в нашей стране?*

– Конечно. И сейчас в портфеле у нас большой американский детектив (выдавать редакционную тайну не буду), который намереваемся напечатать в будущем году, даже с переходом на 2027-й. Я сам когда-то переводил так называемый «крутой» американский детектив – Дэшила Хэммета, Рэймонда Чандлера (достает с полки две книги и кладет на стол передо мной). Американский детектив построен не только на ужасах, убийствах, напряженных расследованиях, но и на блестящем чувстве юмора авторов. Так,

Чандлер и его учитель Хэммет – острые иронисты.

– *А Джеймса Хедли Чейза вы тоже издавали?*

– Нет, он для нас, знаете ли, мелковат.

– *И сегодня вы продолжаете переводить американцев?*

– Да, совсем недавно я закончил работу над романом прекрасной американской писательницы 20–30-х годов Эдит Уортон, кстати, лауреата Пулитцеровской премии, первой женщины, удостоенной этой высокой профессиональной награды. Она прожила многие годы во Франции. Прекрасный писатель, тонкий психолог. Язвительный, иронический автор. Переводить ее было огромным удовольствием. Роман Эдит Уортон «В полусне» сначала появится в нашем журнале, в двух номерах, а потом – книгой...

Я много переводил американцев, в частности Бенджамина Франклина. Переводил немало и американских юмористов. У них блестящее чувство юмора. В основном это авторы знаменитого журнала «Нью-Йоркер», возникшего для интеллектуальной публики в 1925 году. Там были такие потрясающие перья, как Джеймс Турбер, например, или Фрэнк Салливан, Сэнди Перельман. Я их очень много переводил.

– *Сегодня неувядаемый Вуди Аллен продолжает эту традицию.*

– Его я тоже переводил. У американцев особое чувство юмора, совершенно отличное от английского. Британец пошутит так, что и не сразу заметишь, для него более важен подтекст, нюансы. Американец же смеется во все горло. Американский юмор близок к нашему. Раскатистый юмор! Вы задали мне вопрос об общности наших литератур. Так

вот, у них много общего в юморе – с Аркадием Аверченко, Тэффи, Михаилом Булгаковым, Аркадием Буховым...

– *А помимо вашего журнала много ли американской литературы в России издается?*

– Довольно много – и, заметьте, современной литературы, хотя сейчас и стало сложно приобретать права. В последнее время издавать американцев очень непросто. Это отдельная, совсем не веселая тема. Даже если американский автор и его издательство дают согласие на русский перевод, очень сложно потом с ними расплачиваться... Печальная тема, которой, как мне кажется, нам лучше сейчас не касаться.

– *Да, в девяностые годы издавать переводную литературу было гораздо проще.*

– Иностранная литература девяностых годов в России имела свои большие плюсы – легче было издавать переводы, – но и большие минусы. Посудите сами: издатель тогда, будучи коммерсантом, жадно накинулся на переводную массовую литературу. Тиражи огромные! Это были, главным образом, произведения из Соединенных Штатов Америки. И на этой чаще всего массовой, порой бульварной литературе выросло целое поколение новых переводчиков с английского. Многие из них в результате переводят сегодня гораздо хуже, чем их коллеги прежнего литературного призыва. Лучше бы уж эти молодые люди тогда трудились не спеша, проходя переводческие университеты, над произведениями классических, серьезных авторов... Впрочем, американская литература всех времен так разнообразна и богата, что ее шедевров хватит на многие поколения российских переводчиков.

АРХИТЕКТОР ПРАВОСЛАВНОЙ АМЕРИКИ

Создание соборной Поместной Церкви на территории Соединенных Штатов Америки стало одним из важнейших итогов всей деятельности святителя Тихона в Новом Свете

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВ

Патриарх Московский и всея России Тихон. Фото 1918 года

Патриарх Тихон (Беллавин) – одна из наиболее значимых личностей в церковной истории послереволюционной России. Ни один иерарх Русской Церкви не привлекал к себе столь пристального, сострадательного и почтительного внимания русского народа, как он.

Святитель Тихон возглавил Русскую Церковь в тяжелейший для нее послереволюционный период и стал в 1917 году первым патриархом после почти 200-летнего перерыва (Петр I упразднил патриаршество на Руси, и с 1721 по 1917 год Церковью управлял Святейший Синод). С приходом большевиков к власти годы патриаршества святителя прошли в постоянных преследованиях, допросах и арестах, вплоть до его смерти в 1925 году. В 1989 году патриарх Тихон был канонизирован в лике исповедников и новомучеников российских.

Жизнь его – словно канва для приключенческого романа: работа в российской глубинке, служение на фронтах Первой мировой войны, противостояние с большевистскими гонителями Церкви... И конечно же, Америка: огромная по площади епархия, в которую входили Соединенные Штаты Америки, Канада и Аляска. В США молодой епископ приехал, когда ему исполнилось 33 года.

Путь святителя

Американский период служения святителя Тихона стал определяющим не только в судьбе самого иерарха, но и в истории православия по обе стороны Атлантики. Этот этап, охватывающий 1898–1907 годы, оказался временем глубоких преобразований, коренным образом изменивших облик православной жизни в Новом Свете. Именно здесь Тихон сталкивается с вызовами, ранее неведомыми для Русской Церкви: радикальная этническая и культурная неоднородность паствы, необходимость формирования новой церковной структуры и выстраивания диалога с обществом, для которого православие оставалось *terra incognita*.

Назначение святителя Тихона в Североамериканскую епархию совпало с периодом бурного роста эмиграции, прежде всего славянской, но также греческой, сирийской, палестинской и других православных общин. Уже спустя два года после его прибытия была пересмотрена сама структура епархии: отныне ее границы охватывали весь континент, охраняя духовную связь столь разных по происхождению верующих.

Понимая невозможность простого переноса привычных форм и моделей церковной жизни на американскую почву, архипастырь инициирует проект преобразования епархии в экзархат, чтобы в рамках единой структуры предоставить пространство для национального многообразия и гармонии.

Одобрение Святейшим Синодом предложенного им проекта положило начало формированию на североамериканской земле многонациональной Православной Церкви, которая стала уникальным явлением в истории христианства Нового Света и проявлением апостольского видения, врученного владыке Промыслом Божиим.

Деятельность святителя Тихона в Соединенных Штатах Америки отмечена беспрецедентными темпами развития церковной жизни. За первые три года его управления количественные показатели приходов, храмов, школ и братств возросли в несколько раз.

Ключевым направлением служения владыки стало строительство храмов и открытие новых приходов на всей территории континента. Вместе с этим святитель основал монастырь, сыгравший впоследствии роль духовного центра православной традиции. Не менее значимым оказалось и учреждение духовной семинарии, что обеспечило подготовку местных пастырей, способных говорить с паствой на одном языке – не только в бытовом, но и в духовном смысле. Благодаря этому преодолевался культурный барьер между священником и прихожанином, столь характерный для диаспоры.

Американская глава в жизни святителя Тихона явилась не эпизодом, но переломным этапом, когда апостольский труд и личная харизма архипастыря позволили не только укоренить православие в чуждой среде, но и превратить его в живую силу, способную преобразовать общество и служить залогом единства в условиях многообразия.

Пространство НОВОЙ МИССИИ

В начале XX столетия американская православная миссия оказалась в уникальном и весьма сложном пространстве, где были сосредоточены культурные, этнические и религиозные потоки, формировавшие новое лицо Церкви на континенте.

Преобразование границ епархии, предпринятое спустя два года после назначения архиепископа Тихона, стало поворотным событием:

теперь под его духовным руководством оказалась вся Северная Америка. Перед новым архипастырем встала задача объединения разнообразной по составу паствы и выработки стратегии, способной обеспечить не только сохранение православной веры, но и поддержку этноконфессионального многообразия.

В этом многоцветии национальностей, традиций и обычаев святителю Тихону приходилось искать те основы, на которых можно построить единую церковную жизнь, не разрушая, но преумножая сокровища каждой общины. Миссионерская деятельность требовала от предстоятеля не только редких духовных качеств, но и особой прозорливости и терпения.

Осуществляя послушание, возложенное на него Святейшим Синодом, владыка ходатайствовал о преобразовании миссионерской епархии, ранее полностью зависимой от России, в самостоятельный экзархат. В своем проекте он особо подчеркивал: в состав новой церковной организации входят не только представители разных народов, но и различные православные традиции, каждая из которых имеет собственный канонический строй и уклад богослужения. «Поэтому необходимо сохранить традиции, имеющие высокую духовную ценность для каждого народа», – говорил святитель Тихон.

В центре пастырского делания владыки Тихона оставалось понимание Божественной любви как главного принципа управления церковью. Стремясь к единству, он неизменно сохранял уважение к религиозному опыту и укладу жизни других православных народов, но при этом твердо стоял на страже чистоты веры, не допуская смешения различных традиций. Перемещение архиерейской кафедры из Сан-Франциско в Нью-Йорк было стратегическим

Православный Свято-Николаевский собор в Нью-Йорке

решением, обусловленным не только административными, но и духовно-культурными соображениями. Нью-Йорк, на тот момент крупнейший и многонациональный город Соединенных Штатов Америки, являлся средоточием миссионерской активности разных христианских конфессий и предоставлял особые возможности для проповеди православия среди новых американцев. Обращаясь к своей пастве по поводу этого события, святитель Тихон подчеркивал: «Град ваш второй в мире и первый в стране сей. Каких народов здесь нет? И сколько храмов разных вер! Почему же не быть здесь и представителю истинной Православной католической Церкви? <...> Следует и храму вашему, самому обширному и благолепному в нашей епархии, быть именно кафедральным собором».

Внутреннее предчувствие катастрофических событий, способных разметать паству по миру, побуждало архипастыря создавать на американской земле крепкие духовные оплоты, где бы русский человек мог сохранять свою веру и национальную память. В архипастырском слове на освящении Свято-Тихоновского монастыря в Пенсильвании он назвал новую обитель «прекрасным рассадником» лучших нравственных и патриотических чувств, местом, где возможно «сохранение и возрастание этой духовной закваски».

Эта забота о будущем российских эмигрантов, которых еще только предстояло рассеять бурям века, проявилась и в его размышлениях о волне славянской эмиграции: «Будущее сокрыто от ограниченного взора человеческого, и мы теперь еще не знаем, что внесет в жизнь страны сей все усиливающаяся волна славянской эмиграции и мало-помалу возрастающая здесь Православная Церковь. Но хотелось бы верить, что не останутся

они бесследными здесь, не исчезнут в мире чуждом».

Одним из приоритетов, определенных святителем Тихоном, стало воспитание местного духовенства, корнями связанного с американской землей. Он был убежден, что только такие пастыри смогут остаться верными своей пастве и успешно трудиться ради ее духовного возрастания, в отличие от присланных из-за океана, часто стремящихся к возвращению на Родину. Открытие духовной семинарии на континенте позволило не только подготовить поколение священнослужителей, но и преодолеть культурный и языковой разрыв между священником и прихожанином, что имело исключительное значение для устойчивости миссии.

Собрания духовенства, проведенные в 1905–1906 годах, стали важной ступенью к формированию Поместной Церкви в Америке. Кульминацией этого процесса явился созыв первого Всеамериканского собора в Мейфилде, на котором основной темой стало дальнейшее развитие миссии и утверждение ее самостоятельности. В результате было закреплено новое наименование – Русская Православная Греко-Кафолическая Церковь в Северной Америке, находившаяся под духовной опекой Российской Церкви.

Развитие духовного образования

Открытие духовной семинарии в Миннеаполисе в 1905 году стало важнейшим событием в истории православной жизни на американском континенте и знаменовало собой начало реформы всей системы церковного образования. Эта реформа была призвана не только обеспечить новые приходы пастырями, но и создать условия для органичного развития православной

традиции в новых условиях Соединенных Штатов и Канады. Особое значение приобретал здесь личный контроль епархиального начальства, которое не только курировало учебно-воспитательный процесс, но и подвергало каждого кандидата строгому испытанию перед рукоположением. Такой подход обеспечивал высокий уровень подготовки будущих служителей Церкви.

Важной составляющей процесса духовного образования явилось и участие монастыря в подготовке церковных кадров. Монастырь рассматривался как «хорошая школа для подготовки псаломщиков», в которых возникала острая потребность по мере открытия новых приходов. В монастырской среде формировалась не только богослужebная грамотность, но и духовная устойчивость, необходимая для служения в условиях рассеянной и многоязычной паствы.

Организация духовной школы в Америке требовала не только адаптации учебных программ, но и создания среды, способной воспитывать будущих лидеров Церкви в атмосфере соборности, верности православной традиции и уважения к многообразию культур. Именно этот подход стал одним из краеугольных камней американской главы служения святителя Тихона, позволившим обеспечить церковную жизнь свежими силами, культурно и духовно подготовленными к служению на благо Христовой Церкви в новых исторических обстоятельствах.

Саут-Кейнан: первый русский монастырь

Основание в 1905 году первого русского православного монастыря в Саут-Кейнане (*South Canaan*), штат Пенсильвания, открыло новую страницу в истории православной миссии на американском

континенте. Это событие не только укрепило позиции православия, но и дало начало совершенно иному формату церковной жизни для русской эмиграции. Обитель сразу приобрела особое значение: она стала пространством, где сочетались духовное воспитание, просветительская деятельность и забота о самых уязвимых.

Монастырь в Саут-Кейнане с самого начала своего существования был призван стать опорой для формирования церковных кадров, необходимых для растущего числа приходов. Святитель Тихон, обращаясь к собравшимся в день открытия, подчеркивал: «Монастырь может быть также и хорошею школою для подготовки псаломщиков. В них, с постоянным открытием приходов в Штатах, ощущается большая нужда <...> Монастырь может нести и вообще просветительную службу для Православной миссии. Наконец, задачи и значение монастыря в Америке не исчерпываются только просветительным его служением, он может нести и благотворительную службу: при нем может находиться приют для сирот, об открытии которого думает Православное общество взаимопомощи здешних братств. Приюту легче существовать при готовом монастырском хозяйстве и под сенью святой обители лучше возрастать и преуспевать в религиозно-нравственной жизни».

Новый монастырь быстро стал очагом культурного и образовательного влияния, органично сочетавшим традиционные формы духовной жизни с реальными нуждами многоликой паствы. Насельники монастыря воспринимали свое служение как прямое исполнение евангельского поручения: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелевал вам» (Мф. 28, 19-20). Здесь под сенью обители формировалась среда,

Памятник Патриарху Тихону на площади Храма Христа Спасителя

церковный идеал общинности, но и модель культурного центра, где православная традиция жила и развивалась, отвечая на вызовы новой эпохи.

Церковное строительство и приходская жизнь

Расширение присутствия Православной Церкви на североамериканском континенте в годы служения владыки Тихона ознаменовалось масштабным строительством храмов и активным развитием приходской жизни. С 1898 по 1907 год были заложены десятки новых церквей, многие из которых освящались при непосредственном участии архипастыря. Особое внимание уделялось рукоположению клириков для служения в только что открытых приходах, чтобы каждый храм, вновь возникший на просторах Америки и Канады, был обеспечен своим пастырем и мог сразу приступить к полноценной духовной жизни.

Работа владыки Тихона охватывала не только церковно-административную, но и социальную сферу. За годы его архипасторства были созданы многочисленные общества, действовавшие при епархии и приходах, в том числе попечительские и коммерческие объединения, чья задача заключалась в поддержке храмового строительства и укреплении общин. Такой подход позволил не только организовать материальное обеспечение приходов, но и способствовать формированию самостоятельной и устойчивой церковной среды в условиях эмиграции.

Миссионерское делание владыки Тихона дало выдающиеся плоды. В течение нескольких лет наблюдался небывалый рост числа прихожан: с 305 в 1902 году их количество увеличилось до 9000 к 1905 году. Существенно возросло

и число людей, принявших православие. Только в 1905 году из различных конфессий и религиозных традиций в лоно Церкви присоединились 1056 человек, в том числе выходцы из униатства, протестантизма, латинства, иудаизма, а также представители языческих традиций. Эта динамика отражала как естественный демографический прирост, так и приток новых эмигрантов, прежде всего из Буковины, а также сербов, что приводило к образованию новых приходов по всей территории США и Канады.

Не менее впечатляющими были темпы строительства храмов. В период между 1902 и 1905 годами количество церквей возросло с 17 до 72, а число часовен и молельных домов достигло 83. Важной частью жизни епархии стало открытие новых приходов: если в предыдущем году их было 53, то к 1905 году – уже 60. Образование первой православной семинарии и монастыря также отмечает этот период как переломный в развитии церковной структуры на американском континенте.

В сфере религиозного образования были достигнуты значительные успехи. Количество приходских школ за три года увеличилось почти вдвое, достигнув 80, а число учащихся выросло с 760 до 2100. Это свидетельствовало о высокой востребованности православного воспитания и стремлении новых поколений сохранить связь с верой отцов даже вдали от исторической родины.

Обеспечение новых храмов клириками происходило столь же интенсивно: если в 1902 году 17 священнослужителей окормляли столько же храмов, то к 1905 году уже 72 церкви были обеспечены постоянными пастырями, а в штатах некоторых приходов появились диаконы, псаломщики и учителя приходских школ.

Финансовое и организационное обеспечение приходов легло на плечи православных братств. К 1905 году в епархии насчитывалось 80 братств, объединявших около 2600 человек. Эти братства играли ключевую роль в жизни общин: они занимались не только материальной поддержкой храмов, но и организовывали взаимопомощь, заботились о новых эмигрантах, поддерживали образовательные и благотворительные начинания. Управление их деятельностью осуществлялось под личным наблюдением архиерея, который был избираемым Почетным Председателем.

Обобщая итоги этого периода, можно отметить, что за три года в большинстве основных направлений деятельности епархии произошел трех- и четырехкратный рост. Такую динамику развития трудно назвать иначе как беспрецедентной. Новые храмы, часовни, школы и братства стали видимым свидетельством обновления церковной жизни в эмиграции, а приходы превращались в центры, где поддерживались вера, язык, культура и взаимопомощь. Активная миссионерская и просветительская деятельность владыки Тихона заложила основу для дальнейшего развития православной Америки, сделав церковные здания и общины не только домом молитвы, но и средоточием социальной и духовной поддержки.

Переводы, книги и печать

Перевод богослужебных книг на английский язык, осуществленный святителем Тихоном, стал важнейшим этапом в утверждении православной веры среди жителей Северной Америки. Эта работа получила высокую оценку не только церковной иерархии, но и высшей государственной власти России. В официальном послании

обер-прокурора Святейшего Синода, адресованном владыке Тихону 9 февраля 1907 года, указывалось: «Государь Император, Всемилостивейший, приняв представленный Преосвященным перевод православно-богослужебных книг на английский язык, изданный Православной миссией в Америке, Высочайше повелеть соизволил: выразить Преосвященному благодарность за поднесение означенной книги». После одобрения императора издание «Богослужения Русской Православной Церкви» быстро распространилось среди православных общин Нового Света.

Издательская деятельность сыграла ключевую роль в становлении и развитии православной идентичности в Америке. Одним из значимых инструментов распространения православного учения и поддержки церковной жизни стал ежемесячный журнал «Американский православный вестник», который начал выходить на русском и английском языках в 1896 году. На протяжении первых двух десятилетий существования издание находилось под пристальным вниманием российского императора и Святейшего Синода, что свидетельствует о его значимости для всей Церкви. Миссионерский характер журнала определялся задачей «возвещать в инославной среде догматическую и историческую правду православия как путем раскрытия положительного учения Церкви, так и путем разъяснения и опровержения заблуждений противников». Благодаря многочисленным богословским публикациям и обширным материалам по истории Православной Церкви на американском континенте журнал стал важнейшей площадкой для формирования общего мировоззрения пастыря и укрепления ее духовной связи с православным миром.

Особое место в издании занимали статьи, посвященные вопросам

религиозного образования, что отражало тесную связь между просветительской и миссионерской деятельностью Церкви в Америке. Размышления и наблюдения святителя Тихона по этим вопросам сохранили особую ценность для последующих поколений духовенства и мирян. Распространение богослужебной литературы на английском языке и развитие периодической печати создали условия для появления англоязычной православной традиции, отвечающей запросам новых американских поколений. Эта деятельность не только содействовала вхождению православия в многокультурное пространство континента, но и способствовала сохранению православной идентичности среди потомков первых эмигрантов.

Результаты трудов святителя Тихона в области перевода, издания книг и распространения периодики оказали ощутимое влияние на жизнь русской православной диаспоры в Америке. Опыт, приобретенный им в годы миссионерского служения, укрепил его международный авторитет и способствовал признанию заслуг уже после возвращения на родину.

Соборное строительство

Создание соборной Поместной Церкви на территории Соединенных Штатов Америки стало одним из важнейших итогов всей деятельности святителя Тихона в Новом Свете. Именно усилия владыки заложили прочный фундамент для церковной самостоятельности и соборности, что нашло свое выражение в последовательной подготовке и проведении крупных церковных форумов в середине 1900-х годов. Кульминацией этих преобразований стал созыв в феврале 1907 года первого Всеамериканского собора

в Мейфилде. Не случайно это событие отмечено в церковной истории как рубежный момент, определивший новый этап существования православной общины в Америке.

Первый Всеамериканский собор был призван не только обсудить внутренние вопросы жизни епархии, но и выработать единую модель церковного управления, отвечающую новым историческим и социальным условиям. Подготовка к столь значительному собранию включала ряд предварительных конференций духовенства, проведенных в 1905–1906 годах. Владыка Тихон приложил все свои усилия к организации предстоящего собора, однако незадолго до его начала архипастырь был переведен на Ярославскую кафедру. Исполнение обязанностей главы епархии временно перешло к владыке Иннокентию (Пустынскому), епископу Аляски. Несмотря на отсутствие Тихона на соборе, его духовный авторитет был настолько высок, что новый управляющий епархией особо подчеркнул: «Собору быть, во всем испрашивать инструкций от Владыки Тихона».

Особую значимость собора подчеркивает участие в его работе выдающихся пастырей и будущих святых Американской Церкви – священников Александра Хотовицкого, Иоанна Кочурова и праведного Алексия Товта. Их присутствие и деятельность отразили новый дух коллективной ответственности, а также стремление к единству и многоконфессиональной среды. В условиях постоянных миграций и культурного многообразия выработывалась модель церковного устройства, опирающаяся на соборность, диалог между представителями различных национальных групп и принцип синергии духовного и мирского начала.

В организационной структуре собора четко прослеживались новые

подходы к управлению церковной жизнью. Обсуждались вопросы адаптации канонических норм к реалиям Америки, механизмы включения новых этнических общин, взаимодействие приходов и епархиального центра. Благодаря этому событию православие в США впервые приобрело очертания самостоятельной церковной общности, открытой к сотрудничеству и саморазвитию, но сохраняющей духовную связь с Матерью-Церковью.

Все эти перемены стали итогом кропотливой работы по интеграции различных народов и традиций в единое духовное пространство. Итогом соборного строительства явилось не только формальное закрепление статуса Православной Церкви в Северной Америке, но и создание живого соборного организма, способного отвечать на вызовы времени, объединять верующих разных культур и национальностей, направлять их к совместному христианскому деланию.

Именно в этот исторический момент православная Америка обрела ту модель церковной жизни, где высшим выражением христианского единства стала соборность, а делами управляла не только административная воля, но и общая ответственность за духовное будущее православия на новом континенте.

От миссии к Патриаршеству

В фигуре святителя Тихона раскрывается соединение личной самоотдачи, стратегической прозорливости и подлинной апостольской ревности, что определило не только его вклад в судьбу Русской Церкви, но и в формирование православной традиции в Новом Свете. Его служение пришлось на чрезвычайно бурный и тяжелый

период церковной истории. Пастырское бдение владыки в переломный момент, когда на долю Церкви выпало испытание потерей былого общественного положения, выдвинуло его в ряд выдающихся духовных вождей эпохи. Приняв на себя крест первосвятительского служения в условиях революционных потрясений и нарастающего государственного давления, святитель Тихон явил собой пример неколебимой верности христианскому долгу.

Наследие святителя Тихона, создавшего на американском континенте самостоятельную и жизнеспособную церковную общину, никогда не исчезало из памяти духовенства и верующих в США. Его имя чтилось как у истоков американского православия, так и в дни новых исторических испытаний.

Только в 1990-е годы, с началом обновления церковной жизни и интереса к судьбам Русской Церкви в XX столетии, в России вновь пробудился глубокий интерес к фигуре и трудам святителя Тихона. Новое осмысление отношений между Церковью и государством привело к признанию особой исторической миссии патриарха, избранного на престол в годы трагических перемен.

Святителю Тихону выпало защищать незыблемые устои веры в эпоху, когда рушились основы российской государственности и привычный уклад жизни. Именно на него легла тяжесть ответственности за возрожденный институт патриаршества, возвращенный Русской Церкви трудами судьбоносного Собора 1917–1918 годов. Следуя Провидению, Патриарх Тихон в суровые годы революции и гражданских потрясений стал кормчим церковного корабля, проведя его сквозь мятежи и волнения.

Существенную поддержку его деятельности в трудные годы

оказал тот неоценимый опыт, который был накоплен за время американо-русского служения. За девять лет миссионерской деятельности на отдаленном континенте святитель Тихон не только создал целую сеть храмов, монастырей, учебных заведений, но и снискал уважение и авторитет на международной арене. Именно этот опыт стал во многом определяющим и для самой диаспоры: плоды трудов святителя были ощутимы в судьбах тысяч русских изгнанников, нашедших приют в американских приходах после революционных бурь. Жизнеспособность, переданная им церковному организму в Новом Свете, дала русской эмиграции возможность не потерять связи с родной духовной традицией.

Заслуги святителя были отмечены Церковью еще до его возвращения в Россию: в 1905 году он был возведен в сан архиепископа. К этому времени Алеутская и Североамериканская епархия отличалась быстрыми темпами роста и уже имела двух викариев при управляющем архиерее. Само расширение структуры и обретение реальной самостоятельности этой церковной области стало результатом его неустанных трудов, а перенос кафедры в Нью-Йорк и созыв Всеамериканского собора закрепили прочное положение православия в многонациональной Америке.

Говоря о личных качествах владыки, нельзя не отметить, что в нем органически сочетались ревностная любовь ко Христу, харизма проповедника, дальновидность пастыря и твердость церковного администратора. Произраставший из глубоко укорененной традиции, воспитанный в духовном климате отечественной школы, он сумел стать для своей паствы не только образцом, но и духовным кормчим. Евангельский призыв «Я есмь

лоза, а вы ветви...» (Ин. 15, 5) был не просто отвлеченной цитатой, но жизненным принципом его апостольского служения.

В числе новомучеников и исповедников Русской Церкви, пострадавших в годы гонений, фигура святителя Тихона выделяется масштабом духовного подвига и глубиной пастырского чувства. Его деятельность в Новом Свете служит уникальным примером того, как церковная инициатива, основанная на любви и мудром устройении, способна преобразить общественную и религиозную жизнь большого региона. Подлинное апостольское дерзновение, соединенное с кротостью и уважением к культурному многообразию, позволило ему заложить прочный фундамент для дальнейшего развития православной традиции в Северной Америке.

Передавая эстафету своим преемникам и сподвижникам, святитель Тихон оставил не только сеть приходов и духовных школ, но и модель церковного бытия, основанную на принципах соборности, уважения к национальным особенностям и верности православной истине.

Перемещая духовный центр православной жизни на новые рубежи, святитель Тихон открыл путь к интеграции церковного наследия в контекст американской культуры, сохранив при этом неизменность основных догматов и обрядов. Именно его наследие послужило отправной точкой для формирования национальных православных общин, что особенно ярко выразилось в истории строительства Николаевского собора в Нью-Йорке, этого выдающегося символа православия в Новом Свете, который стал для многих поколений американских верующих не только местом богослужения, но и центром духовного единения и культурной памяти.

РОЖДЕНИЕ НОВОГО ГОДА В ДЕНЬ СВЯТОГО СИЛЬВЕСТРА

В канун Нового Года мы будем вспоминать святого Сильвестра с теми, кто на другом континенте

АВГУСТИН СОКОЛОВСКИ,
доктор богословия, священник

Константин ведет под уздцы коня, на котором восседает папа Сильвестр. Фреска в капелле Сан-Сильвестро. Монастырь Санти-Кваттро-Коронати в Риме

Русская Православная Церковь, Святая Гора Афон, Иерусалимский Патриархат, Сербская, Грузинская и Польская Православные Церкви придерживаются старого стиля, юлианского календаря, а потому празднуют Рождество Христово 7 января.

Армянская Апостольская Церковь и другие древние восточные церкви в соответствии с древнейшей традицией празднуют Рождество и Крещение Христа под общим названием Богоявления 6 января. Православные в Америке, которых несколько миллионов,

в большинстве своем следуют новому календарю, а потому отмечают Рождество 25 декабря. Как мостик между двумя празднованиями Рождества возвышается Новый год, навечерие которого многие христиане по традиции называют Святым Сильвестром.

Самый семейный, долгожданный и торжественный праздник в России и родственных ей странах – это, конечно же, Новый год. Историки говорят нам, что до революции 1917 года Новый год не праздновался так торжественно, как в советское время. Связано это с тем, что прежняя Россия была очень религиозной страной и главным для всех праздником было Рождество. В эпоху, когда религия преследовалась, Новый год вобрал в себя все таинственные и религиозные смыслы, которые люди больше не могли выразить. Так он сделался своего рода секулярным, светским Рождеством. Иисус Христос не упоминается в нем по имени, но совершенно реально присутствует, как ожидание всего удивительного, таинственного, сверхъестественного, нового.

«Бог – это будущее человека», – говорил величайший христианский богослов XX века, священник и профессор Эдвард Схиллебекс (1914–2009).

Светским и повседневным вещам свойственна невидимая теологическая тектоника. Так, в православном христианском понимании новогодняя елка – это не просто «случайное» украшение, выбранное для праздника. Вечнозеленое дерево, на самом деле, символизирует Иисуса Христа – живого и животворящего Сына Божия, пришедшего в мир, чтобы люди более никогда не оставались без Бога. Итак, Новый год – это «секретное», таинственное, народное Рождество.

В США, Германии, Австрии и других странах канун Нового года часто называется Сильвестром. Как и в случае с новогодней елкой в наши дни мало кто задумывается, почему именно так принято называть канун Нового Года и само новогоднее празднование. Благодарить – это коммуникация, а Церковь – Сообщество Толкователей. В эти последние недели уходящего

года очень важно узнать, кем же был этот Сильвестр и каково его значение в православной церковной памяти.

Сильвестр, в честь которого часто называется новогоднее празднование, – это древний христианский святой. В его лице Церковь чтит великого христианского епископа, храмостроителя, благотворителя, борца с язычеством и чудотворца. Святой Сильвестр был римским епископом в первой половине IV века. Счет римских пап ведется от самого апостола Петра, поэтому тот факт, что Сильвестр был 33-м по счету папой римским само по себе вызывает благоговение. Ведь 33 – это число земных лет Христа Спасителя и Церковь всегда придавала ему особенное семантическое значение. Так, между Пятидесятницей и началом подготовительных недель великопостного периода должно пройти 33 воскресенья.

В новейшее время словосочетание «римский папа» вызывает настороженность православных. На самом деле, это архаический древний христианский титул, означающий «отец», «наставник» или учитель в применении к епископу.

В переписке собеседники называют «папой» святого Августина (354–430). Он был величайшим латинским богословом своего времени, но значение епископской кафедры его было второстепенным. В свою очередь, Августин употреблял слово «папа» в своей переписке с епископом Карфагенским, который был главой местной Церкви Римской Африки. В наши дни в Церкви «папой» именуется греческий и коптский патриархи александрийские. Наименование римского понтифика «папой» означает, что он является историческим епископом города Рима.

Сильвестр родился во второй половине III века и отошел ко Господу

в 335 году. Он был современником великих древнегреческих святых – Николая Чудотворца (270–343) и Спиридона Тримифунтского (270–348).

Память святителя Николая празднуется 19 декабря, но для многих верующих, особенно в США и на Западе в целом, она связана с рождественскими и новогодними дарами, а празднование в честь святителя Спиридона, 25 декабря по старому стилю, совпадает с «григорианским» (светским) Рождеством. Это разные названия, которым может обладать один и тот же рождественский праздник в зависимости от контекста, в который мы его помещаем.

Подобно Николаю Чудотворцу и Спиридону Тримифунтскому, Сильвестр как бы прожил две жизни: первую – в эпоху преследований христианства, которое завершилось Великим Гонением императора Диоклетиана (303–313), а вторую – в то время, когда христианство было дозволено императором Константином после Миланского эдикта 313 года.

При этом, в отличие от Николая и, в общем-то, того же Спиридона, его биография довольно подробно и хорошо документирована. Важные сведения о нем сохранились в так называемой «Книге Понтификов» – хронологическом каталоге римских епископов, составленном в Римской Церкви в VI–VII веках и заботливо сохранившем сведения о жизни этой древней христианской общины и ее пастырей.

Сильвестр происходил из Рима. До нас дошли имена его родителей – Фауста и Руфин. В отличие от многих своих современников, в том числе Отцов Церкви, он был воспитан в христианской семье, был христианином с детства. Известны имена его главных наставников в вере. Это священник Квирина, также римлянин, который учил Сильвестра основам священного учения

Икона святителя Николая (между 1650 и 1692 годами)

и нравственности, и Тимофей – странствующий епископ. Родом из Антиохии, он пришел в Рим для проповеди. Родители Сильвестра оказали ему гостеприимство, и он прожил у них год и несколько месяцев, в течение которых постоянно проповедовал и обратил ко Христу многих римлян. Он был арестован языческой полицией, подвергнут жесточайшим пыткам и обезглавлен, так как отказался принести жертву идолам.

Сильвестр, проявив невероятное мужество, не только не отрекся от своей дружбы с исповедником веры, но взял его тело и достойно предал его погребению, за что сам подвергся аресту и пыткам. От него требовали отречения от веры. Быть может, Сильвестр закончил бы свою жизнь мученически, но неожиданная смерть римского префекта спасла святого от убийства.

Скончался префект в результате несчастного случая, поперхнувшись рыбной костью. Последующее христианское предание истолковало происшедшее с гонителем христиан как наказание за преследования, предсказанное ему накануне Сильвестром. «В эту же ночь душу твою возьмут у тебя», – сказал он ему словами Иисуса в Евангелии (Лука 12:20).

Как бы то ни было, важно понимать, что слова святого не были проклятием или активным пожеланием зла ближнему, но пророчеством преследуемого праведника, как это многократно бывало в жизнеописаниях древних библейских пророков.

В 284 году Сильвестр был рукоположен во священника, после чего удалился на Монте-Соракта, возвышенность в 45 километрах от Рима, где самостоятельно соорудил небольшую церковь. Причиной ухода послужило вспыхнувшее новое гонение на христиан, а также участвовавшие в городе случаи заболевания проказой. Многие

десятилетия спустя народное благочестие будет говорить о том, что, уже будучи римским епископом, Сильвестр исцелил от проказы императора Константина. Возможно, эта история стала отражением и своего рода ответом на прежний страх Сильвестра перед этой болезнью. В наши дни на горе, где он скрывался, имеется древняя церковь во имя святого Сильвестра, сооруженная на месте прежнего древнего святилища Аполлона.

В 313 году император Константин подписал Миланский эдикт, провозгласивший веротерпимость к христианам. Наступала новая эра.

10 января 314 года умер римский епископ Мильтиад и на его место был избран Сильвестр. Интересны реформы, проведенные им в церковной жизни после избрания. Например, духовенству было запрещено заниматься торговлей, а дни недели были переименованы. Названия дней недели в порядке их следования от первого или второго до пятого или шестого кажутся нам привычными в русском языке. Однако, учитывая, что во французском и английском языках они до сих пор называются в честь языческих божеств, нововведение Сильвестра, закрепившееся в латыни, а потом перешедшее, например, в португальский и польский, было поистине революционным. Последний день стал субботой, то есть днем покоя согласно библейской традиции, а первый день недели – наше воскресенье – получил название «День Господень». Он также отменил пост по субботам, за исключением Великой Субботы, на том основании, что христианская антииудейская полемика, которая, по-видимому, легла в основу этого поста, к моменту прекращения гонений в IV веке утратила свою актуальность.

Впоследствии пост по субботам был восстановлен в Западной Церкви и, спустя столетия, стал одной

из формальных причин разделения между Православной и Католической Церквями в середине XI века. В этом смысле решение Сильвестра об отмене субботнего поста следует признать пророческим. Не зная об этом, оно заранее устраняло возможную причину раздора между Западом и Востоком.

Будучи современником и духовным братом великих святых Николая и Спиридона, Сильвестр был во многом подобен им. Как и они, он не принимал активного участия в политической жизни той бурной эпохи. Однако с точки зрения богословия святости это великолепно. Николай был епископом города Миры Ликийские в Южной Анатолии. В то время это был незначительный город. Спиридон, скорее всего, был хореепископом (в переводе с греческого «деревенский епископ») небольшого селения Тримифунт на Кипре. В негласной иерархии епархии Николая и тем более Спиридона были весьма второстепенными. Именно личная святость обоих праведников увековечила их и принесла им немеркнущую славу. Сильвестр был папой римским. Возглавляя Римскую церковь, самую авторитетную церковь в древнем мире, в древней имперской столице, он сумел оставаться в стороне, находясь в эпицентре пастырской и общественной ответственности.

В житии святого говорится, что, подобно другому своему современнику Георгию Победоносцу, Сильвестр победил страшного и ужасного дракона. Георгий убил дракона, потому что был воином и имел на это право. Сильвестр же был священником и не мог применять насилие даже против змей, поэтому он заключил дракона в пещеру. Согласно местной римской легенде, пещера должна была быть открыта столетия спустя. На рубеже первого и второго тысячелетий, когда во главе Римской церкви

Икона святителя Спиридона Тримифунтского (между 1500 и 1600 годами)

стоял «новый папа», по странному стечению обстоятельств, названный Сильвестром II (999–1003), многие ожидали появления дракона из бездны. Римские христиане

боялись немедленного Апокалипсиса, и это ожидание было связано с именем Сильвестра и дракона, которого он когда-то в древности победил. Так велико было влияние

святого на коллективную человеческую память!

Сильвестр был образованным человеком. В его биографии подробно описывается, как он организовал

грандиозный диспут с иудейскими мыслителями, возглавляемыми неким ученым и колдуном по имени Замврий. Они ревностно пытались убедить его словами. По преданию, сама императрица Елена была свидетельницей этого диспута. Сильвестр не уступил ни по одному из библейских или догматических пунктов и, блестяще цитируя Писание, одержал верх.

Затем в качестве последнего аргумента на место диспута привели разъяренного быка, которого Замврий тотчас убил, призвав имя Бога. В ответ Сильвестр воскресил бедное животное и повелел ему быть кротким. Это был знак великого милосердия и, конечно же, надежды.

Этот диспут Сильвестра о вере в присутствии коронованных особ стал архетипом. Подобные открытые диспуты о догматах впоследствии вел в Римской Африке святой Августин (354–430). Житие равноапостольного Кирилла (827–869) подробно описывает его публичные споры о вере с иудеями и мусульманами. В эпоху ранней исламской толерантности подобные споры происходили при дворе халифов. Великий христианский богослов нашего времени, специалист по исламу, отец Эмилио Платти (1943–2021) подробно писал об этом в своих книгах.

Согласно преданию, святой Сильвестр не только исцелил Константина от проказы, но и крестил его. За эти благодеяния Константин даровал Сильвестру власть над римской провинцией, впоследствии ставшей Папским государством. Наследником этой традиции сегодня является государство Ватикан.

Следует отметить, что сегодня многие, говоря о Римско-католической церкви, используют слово «Ватикан» независимо от времени и эпохи. Это нелепый анахронизм. Ватикан как центр управления Римско-католической

церковью возник с подписанием договора между итальянским правительством и римской церковной иерархией в 1920-х годах. Это положило конец более чем пятидесятилетнему изгнанию папы, своего рода добровольному изгнанию или даже тюремному заключению. Италия просто решила давнюю сложную проблему. Таким образом, Ватикан – явление весьма новое, в то время как Римская церковь – очень и очень древнее. По словам нашего современника философа Джорджо Агамбена, это самая архаическая и легитимная политическая организация современности.

Когда 2 апреля 2005 года в Риме скончался папа Иоанн Павел II, и всего несколько дней спустя, на его отпевании, народ спонтанно начал провозглашать его «немедленную канонизацию» (по-итальянски: *santo subito*). Комментаторы этих событий единодушно утверждали, что ничего подобного ранее в истории не случилось. Это происходило в соборе Святого Петра, который, как и другие значительные церкви и базилики Рима (среди них и Санта-Мария-Маджоре), был построен самим Сильвестром как свидетельство его дружбы с императором Константином. Он покровительствовал такой христианизации прежде языческого Рима через строительство.

Оказалось, что комментаторы ошибались. Первые свидетельства почитания Сильвестра как святого относятся к периоду вскоре после его смерти. Он был похоронен в катакомбах Присциллы, где позже была воздвигнута базилика его имени, которая на время даже заменила прежнее историческое название катакомб и долгое время назывались «Катакомбы святого Сильвестра». Он стал первым святым римским епископом, не мучеником, канонизированным Церковью. В кондаке святому Сильвестру, в православной богослужебной Минее, книге,

где содержатся тексты в честь святых и праздников, говорится: «Троица радуется о тебе, святой епископ Сильвестр! Ты божественный гром, духовная труба, сеятель веры и разрушитель ересей. Ты всегда предстоишь рядом с ангелами. Непрестанно молись Христу за всех нас».

Святой Сильвестр скончался 31 декабря 335 года. Именно поэтому его имя во многих странах и на многих языках стало синонимом новогоднего празднования. Русская Православная Церковь следует юлианскому календарю. Разница между юлианским и григорианским календарями медленно, но постоянно меняется и в настоящее время составляет тринадцать дней. Поэтому в нашем церковном календаре память святого Сильвестра приходится на 15 января, то есть на второй день «старого» Нового Года. Перенос праздника с 13 января, т.е. 31 декабря по старому стилю, вероятнее всего, произошел из-за того, что весть о смерти римского епископа достигла Православного Востока с опозданием на два дня. Вспомним, как из-за разницы во времени между США и СССР День Победы стали праздновать соответственно 8 и 9 мая 1945.

Календари, старый и новый, редко соприкасаются. Но на Небесах, где по Апостольскому Символу Веры праведники пребывают в Обществе Святых на Небесах, иное время или, быть может, в соответствии со словами Апокалипсиса (10:6) времени вовсе нет. В этом году празднование в честь святого епископа, пастыря и чудотворца будет чрезвычайно значимым, поскольку со дня его небесного рождения, как ранние христиане называли кончину праведников, исполняется 1710 лет. Потому в канун Нового Года мы будем вспоминать святого Сильвестра с теми, кто на другом континенте. Новогодняя сказка делает возможным то, что не позволяют календари.

ПОДЛИННОЕ ИСКУССТВО НЕ ЗНАЕТ ГРАНИЦ

*Сохранив в эмиграции русскую душу,
Сергей Рахманинов превратил ностальгию по родине в искусство*

КАРИНА ЭНФЕНДЖЯН

Сергей Рахманинов в 1915 году

Впервые Сергей Рахманинов посетил с гастролями Америку в октябре 1909 года. К этому времени он уже был признанным композитором и исполнителем. И не только в России – ему рукоплескала вся Европа. Уже был написан Второй фортепианный концерт, ставший шедевром музыкального искусства, сочинены Вторая сюита для двух фортепиано, Вариации на тему Шопена, прекрасные романсы, оперы «Франческа да Римини» по V песне Ада из «Божественной комедии» Данте и «Скупой рыцарь» по одноименной маленькой трагедии Пушкина и многое другое. Его дирижерская деятельность – сначала в Московской частной опере, основанной известным предпринимателем и меценатом Саввой Мамонтовым, а затем и в Большом театре – получила самую высокую оценку музыкальной общественности. Но все изменилось в одночасье, когда власть в России захватили большевики...

Потомственный дворянин, Рахманинов революцию не принял и в конце 1917 года, воспользовавшись предложением выступить с концертом в Стокгольме, покинул Россию вместе с женой и двумя дочерьми. Он не знал тогда, что больше никогда не вернется назад, верил, как и все эмигранты первой волны, что большевицкий режим недолговечен, что в скором времени Россия избавится от незаконной власти. Возможно, это решение спасло семью от расправы,

постигшей многих подданных бывшей Российской империи, не имевших пролетарского происхождения. «Почти с самого начала революции я понял, что она пошла по неправильному пути», – скажет позже великий музыкант.

Первые месяцы пребывания в Нью-Йорке стали для Рахманинова тяжким испытанием. Средств к существованию было мало из-за отсутствия постоянного дохода, английским он владел плохо, а главное – чувствовал себя оторванным от родной культурной среды, говорил, что «не может писать без русского воздуха».

Выходом стала концертная деятельность. Рахманинов начал гастролировать по стране в качестве пианиста и дирижера. Пресса сразу же окрестила его «неулыбающимся пианистом из Советов».

Успех был ошеломительным, публика восторженно принимала виртуозное исполнение Рахманиновым собственных произведений и особенно Третьего концерта для фортепиано с оркестром, одного из самых технически сложных музыкальных произведений. Русский музыкант с холодным строгим взглядом и уникальным исполнительским мастерством завораживал американцев. Неудивительно, что вскоре он стал одним из самых высокооплачиваемых пианистов США.

В эмиграции круг общения Рахманиновых в основном состоял из русских соотечественников. У композитора сложились близкие отношения с Игорем и Верой Стравинскими, Владимиром Горовицем, Антоном и Николаем Рубинштейнами. Давняя и крепкая дружба, которая началась еще в Московской частной опере Мамонтова, связывала Рахманинова с Федором Шаляпиным.

Укрепив свое материальное положение, Рахманинов стал оказывать материальную поддержку эмигрантам-соотечественникам,

Сергей Рахманинов в 1927 году

видным деятелям культуры русского зарубежья, участвовал в благотворительных фондах.

«Рахманинов был создан из стали и золота; сталь – в его руках, золото – в сердце», – писал американский музыкант Иосиф Гофман в мае 1945 года.

Тяжело переживая беды, обрушившиеся на родину, где в результате революции и последовавшей

за ней Гражданской войны начался голод, Рахманинов стал сотрудничать с благотворительными организациями Красного Креста и созданной в 1919 году по распоряжению президента США Вудро Вильсона Американской администрацией помощи (*American Relief Administration*), перечисляя огромные средства в пользу бедствующих соотечественников. Он особенно

Дом Рахманиновых в Беверли-Хиллз, штат Калифорния, США

старался помочь творческой интеллигенции – артистам, музыкантам, персоналу оперных театров, консерватории и музыкальных училищ.

Общественная деятельность и плотный график гастролов (порой до 70-ти концертных выступлений в сезон!) не оставляли Рахманинову времени и сил для творчества: в течение первых девяти лет эмиграции композитор не написал почти ни одного нового произведения. «Годами внутренней тишины» называют биографы Рахманинова этот период его жизни.

«Лишившись родины, я потерял самого себя... У изгнанника, который лишился музыкальных корней,

традиций и родной почвы, не остается желания творить, не остается инных утешений, кроме нерушимого безмолвия нетревожимых воспоминаний», – признается Рахманинов.

Но можно задаться вопросом, каково было бы творчество Рахманинова, останься он в пост-революционной России? Стало бы оно столь же пронзительно искренним?..

Долгий творческий кризис Рахманинов преодолел в 1926 году, создав Четвертый концерт для фортепиано с оркестром. Затем будут «Вариации на тему Корелли» (1931) и знаменитая «Рапсодия на тему Паганини» (1934),

которая по праву считается одним из самых выдающихся произведений композитора.

Рахманинов с тревогой следил за событиями, происходящими в Советской России. Не принимая советскую власть, он все же принял решение помогать СССР в борьбе с фашистской Германией и призывал других русских эмигрантов следовать его примеру. Выступив 28 июня 1941 года с публичным заявлением, композитор отметил: «Независимо от отношения к большевизму и Сталину, истинные патриоты России должны помогать своей Отчизне одолеть агрессоров».

Совершив после этого пять турне с концертами по США и Канаде, он перечислил десятки тысяч долларов в фонд помощи Советскому Союзу. «От одного из русских – посильная помощь русскому народу в его борьбе с врагом. Хочу верить, верю в полную победу», – писал музыкант.

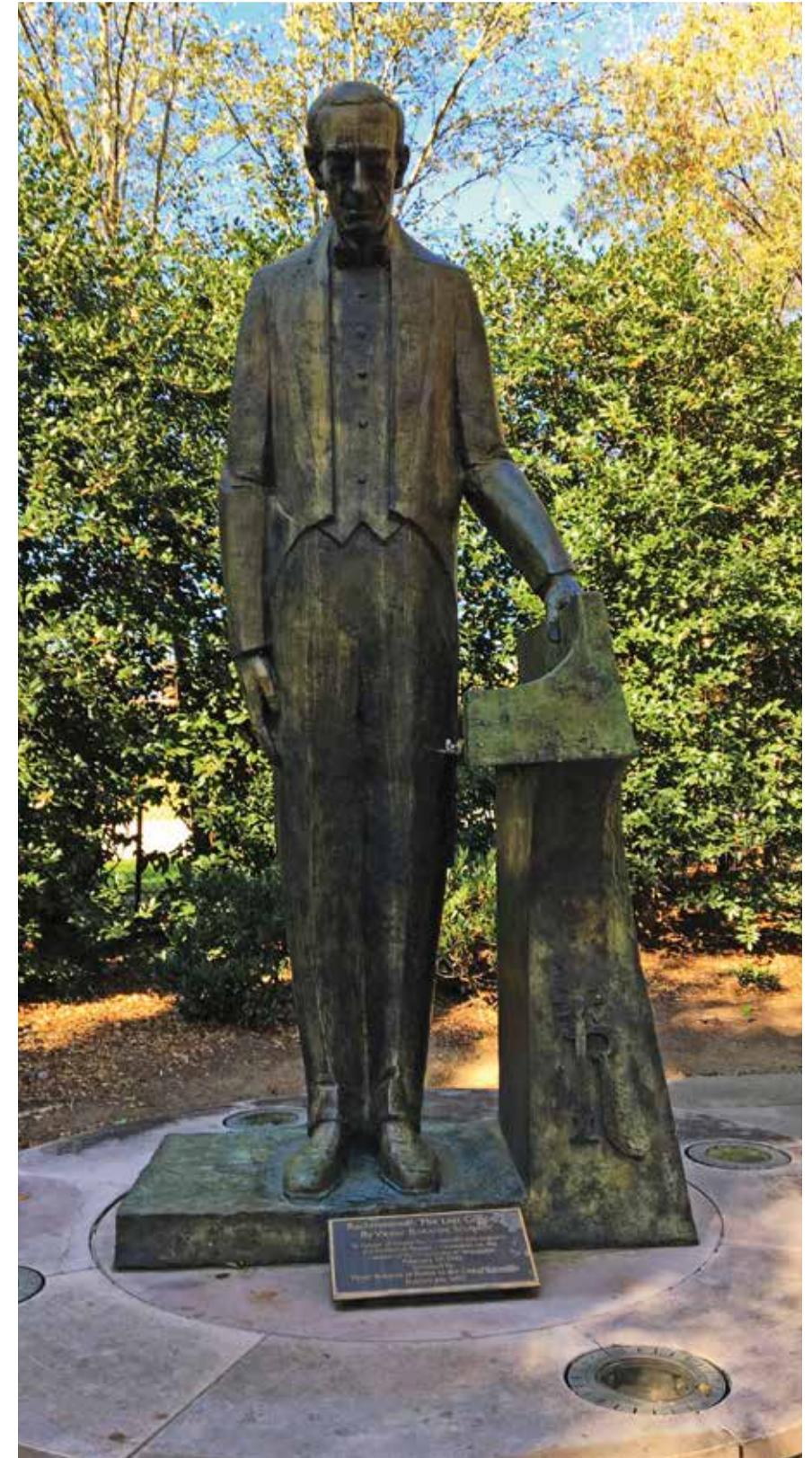
В СССР помощь знаменитого соотечественника была высоко оценена.

Последним произведением Рахманинова стали «Симфонические танцы» (1940), вобравшие в себя церковные песнопения, ритмы американского джаза и раздумья композитора о собственном прошлом. Музыковеды часто называют «Симфонические танцы» «музыкальной автобиографией» Рахманинова. С особой силой звучит в этом произведении тема тоски по утраченной родине.

В 1941 году в интервью музыкальному журналу *The Etude* Рахманинов, размышляя о природе творчества, скажет: «В моих собственных сочинениях я никогда не делаю сознательных усилий во что бы то ни стало быть оригинальным или романтическим, или национальным, или еще каким-то. Записываю на бумагу музыку, которую слышу внутри себя, и записываю ее как можно естественнее. Я русский композитор, и моя родина наложила отпечаток на мой характер и мои взгляды. Моя музыка – это плод моего характера, и потому это русская музыка».

Сохранив в эмиграции русскую душу, Рахманинов превратил ностальгию по родине в искусство. Созданные им в этот период произведения – подтверждение того, что подлинное искусство не знает границ.

Сергей Рахманинов скончался 28 марта 1943 года в своем доме в Беверли-Хиллз (штат Калифорния, США). Он так и не увидел освобождения родины от немецких захватчиков, но в Великой Победе над фашизмом есть и его заслуга.

Памятник Сергею Рахманинову в парке города Ноксвилл, штат Теннесси, США

АМЕРИКАНСКАЯ ТАНЦОВЩИЦА И РУССКИЙ БАЛЕТ

Айседору Дункан знают в России прежде всего как жену Сергея Есенина, а в мире хореографии она известна как основоположница «свободного танца»

СЕРГЕЙ МАКИН

Американка Айседора Дункан (так принято в России произносить фамилию *Duncan*, хотя правильно Данкен, с ударением на первый слог) считала, что ее искусство ближе к жизни и античности, чем «неестественный», по ее мнению, балет. Однако творчество Айседоры теперь принадлежит истории, в то время как классический танец продолжает властвовать над сердцами. В том числе в США: «Нью-Йорк Сити балет», «Американский театр балета» и «Балет Сан-Франциско» – первоклассные труппы.

При этом у истоков американского балета стояли выходцы из Санкт-Петербурга и Москвы: балетмейстеры Михаил Фокин и Джордж Баланчин (настоящее имя – Георгий Баланчивадзе, его переименовал Сергей Дягилев), танцовщик Михаил Мордкин. В 1962 году, во время гастролей «Нью-Йорк Сити балета» в СССР, тогдашний руководитель театра Джордж Баланчин даже позволил себе провозгласить превосходство американской школы классического танца над российской: «Я прошу прощения, Россия – это дом романтического балета. Дом классического балета теперь находится в Америке».

Приехав в 1913 году в Санкт-Петербург, Айседора Дункан встретила самый радушный прием. В книге «Моя жизнь» она пишет:

«На следующий день меня посетила маленькая дама, закутанная в соболя, украшенная брильянтами, свисающими с ушей, и жемчужным ожерельем вокруг шеи. К моему изумлению, она объявила, что она танцовщица Кшесинская и пришла приветствовать меня от имени русского балета, а также пригласить на торжественный спектакль в опере в тот же вечер. Я успела привыкнуть в Байрейте (город в Баварии, известный богатыми театральными традициями и вагнеровскими фестивалями. – С.М.) встречать лишь холод и вражду со стороны балета. Танцовщицы балета доходили до того, что рассыпали гвозди на моем ковре, о которые я ранила себе ноги. В данном случае эта перемена отношения была для меня одновременно и лестной, и удивительной... Я враг балета, который считаю фальшивым и нелепым искусством, стоящим в действительности вне лона всех искусств. Но нельзя было не аплодировать русским балеринам, когда они порхали по сцене, скорее похожие на птиц, чем на человеческие существа...»

Несколько дней спустя меня посетила прекрасная Павлова, и опять мне предоставили ложу, чтобы наблюдать Павлову в восхитительном балете «Жизель». Несмотря на то, что движения этих танцев противоречили моему артистическому

и человеческому чувству, я не могла удержаться от горячих аплодисментов Павловой... После ужина, к удовольствию своих друзей, неутомимая Павлова танцевала опять. И хотя мы разошлись лишь в пять часов утра, она пригласила меня приехать в половине девятого в то же утро, если я пожелаю посмотреть, как она работает. Я приехала, несколько опоздав (признаюсь, я была сильно утомлена), и застала ее в тюлевом платье, делающей у станка сложнейшую гимнастику. Старый господин со скрипкой отмечал время и уговаривал Павлову стараться. Это был знаменитый балетмейстер Петипа. В течение трех часов я сидела в напряжении и замешательстве, наблюдая изумительную ловкость Павловой. Ее прекрасное лицо приняло суровое выражение мученицы. Ни разу она не остановилась ни на минуту».

Виктор Дандре, импресарио и муж Анны Павловой, нашел в рассказах американки немало ошибок: «В своей книге “Моя жизнь” Айседора Дункан рассказывает, как она, посетив Императорскую балетную школу, видела мучения маленьких учениц. “Они стояли на пальцах целыми часами, как жертвы жестокой и ненужной инквизиции. Большая пустая танцевальная комната, лишенная всякой красоты и вдохновения, с большим портретом царя на стене, была похожа на застенок.

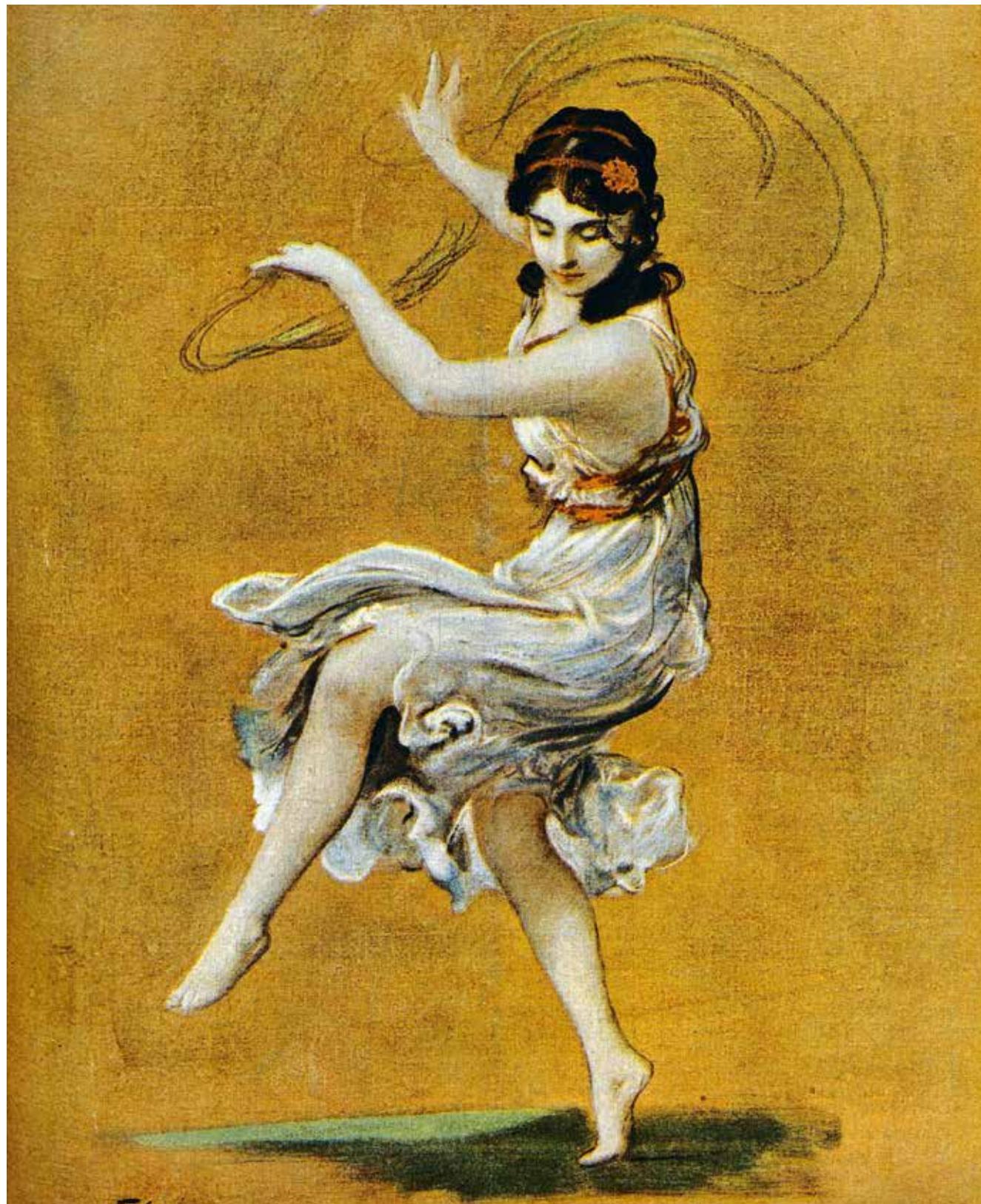
Я после этого более чем когда-либо убедилась, что Императорская балетная школа – враг природы и искусства...»

В этом рассказе все неверно: Петипа Павлову никогда не учил, и Дункан видела у нее маэстро Чекетти... и урок продолжался не три часа, а всего полтора. Только общей антипатией к балету можно объяснить впечатление Дункан, полученное ею в школе Петербургского Императорского училища».

Так что и гвозди на ковре, возможно, – миф, созданный Дункан для того, чтобы опорочить балет. Вы, конечно, заметили, что крепкотелая Дункан уставала неизмеримо больше, чем хрупкая Павлова. В чем секрет балетной неутомимости? Знакомая балерина рассказала мне: «При больших нагрузках вырабатывается большое количество адреналина, он заглушает голод,

Айседора Дункан

Айседора Дункан на обложке художественного журнала *Jugend*, 1904, № 38.
Художник Фридрих Август фон Каульбах

да и желудок при сильном мышечном корсете не растягивается. И конечно, на ночь мы не надеемся пельменей и пирогов. Вот и весь секрет».

Прелестница открыла не все секреты. В балете движения выполняются на подтянутых бедрах, в остальных танцевальных системах – на распушенных. Подтянутость экономичнее. Но главная балетная тайна – в стремлении вверх, к небу. Та же балерина поведала: «Техника исполнения классического балета основывается на собирании всего тела и подтягивании его наверх (только плечи с лопатками опущены вниз). Из-за этого балерины кажутся легкими, невесомыми. А в современном балете тело направлено книзу, что создает иллюзию приземленности. Нет такого волшебства воздушности».

Дух античности

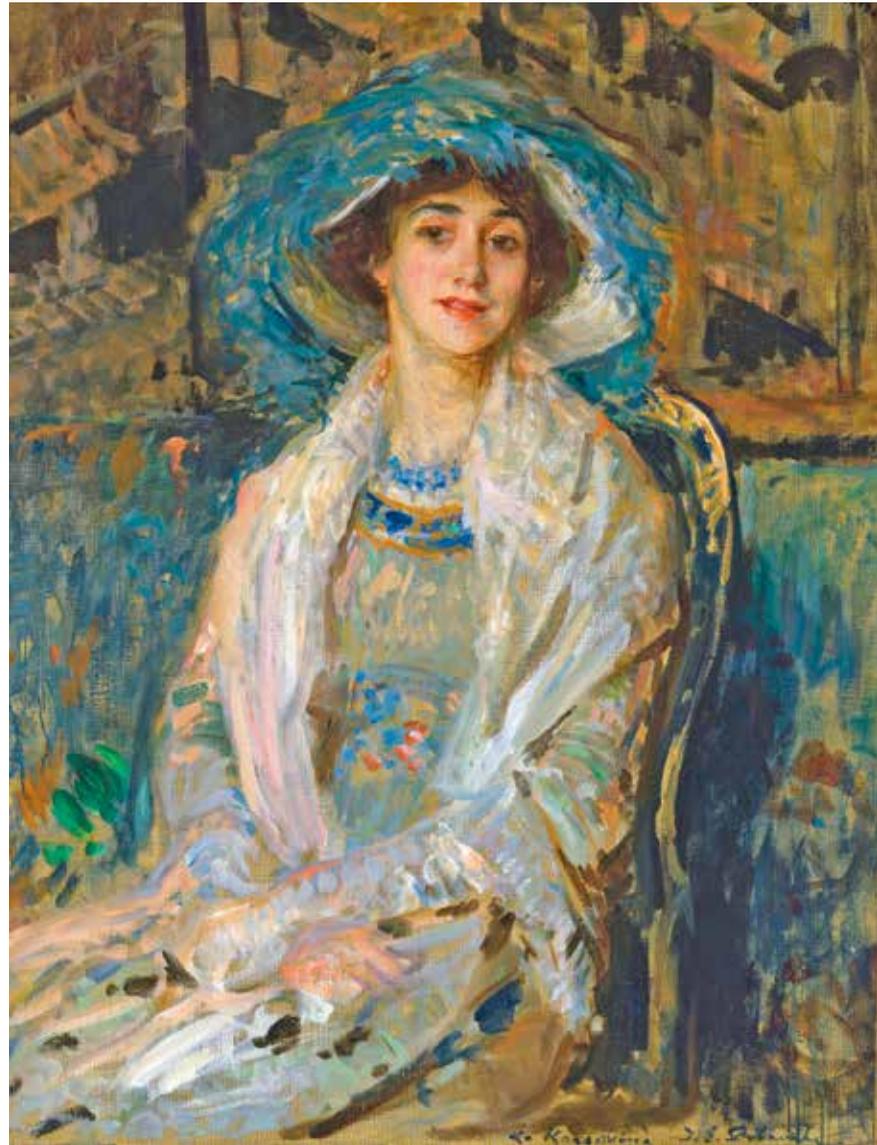
Балерина Тамара Карсавина, которая поначалу была очарована Дункан, со временем поменяла свое мнение: «Айседора сразу покорила весь театральный мир Петербурга... Помню, что, впервые увидев ее танец, я полностью попала под ее обаяние. Мне никогда не приходило в голову, что между ее искусством и нашим существует какой-то антагонизм. Казалось, имеется достаточно места для них обоих, и каждое могло извлечь пользу, общаясь друг с другом. Позже, в Париже, я смотрела на нее под более критическим углом – там она стала развивать свои теперь широко известные теории и объяснять сущность своего искусства. Я больше не видела в ней актрису, обладающую яркой индивидуальностью, но воинствующую доктринершу... Дункан слепо нападает на основу всего сценического искусства – на его условный характер. Слово ребенок, уже выучивший алфавит, но не умеющий

Анна Павлова. 1914

еще читать, в своем ограниченном сектантском видении она утверждает, будто искусство танца должно вернуться в свое естественное состояние, к своим основам. Но ей можно возразить, что природа никогда не создаст ни симфонии Бетховена, ни пейзажа Рейсдаля... Тезисы Дункан были полностью опровергнуты, когда Фокин, вооружившись всей техникой балетного танца, поставил «Эвнику» (балет на основе романа Генрика Сенкевича «Камо грядеши?» из жизни Древнего Рима. – С.М.) как дань уважения ее таланту, однако спектр

используемых им движений намного превосходил возможности Дункан и ее учениц. Мы со своей школой могли танцевать так же, как она, но Айседора со своим чрезвычайно ограниченным «словарем» не могла соперничать с нами... «Дунканизм» был всего лишь разновидностью того искусства, ключом от которого владели мы... Но когда Айседора исполнила «Елисейские поля», ее артистические средства не только оказались адекватными, но поднялись на уровень, равный по своей высшей и абсолютной красоте самой музыке Глюка. Она передвигалась

Тамара Карсавина. Портрет работы Жака Эмиля Бланша. Около 1912

по сцене с такой удивительной простотой и отрешенностью, что могло быть порождено только гениальной интуицией. Казалось, она парила над сценой, видение мира и гармонии, само воплощение духа античности, которая была ее идеалом».

**«Браво, браво,
МИСС ДУНКАН!»**

Айседора приезжала в Россию и после революции, причем ее выступление вызвало бурный восторг

вождя мирового пролетариата. Ленин любил классическую музыку, и не только «Аппассионату» Бетховена. Посетив концерт Айседоры Дункан в Большом театре, он, по воспоминаниям современников, встал и во весь голос воскликнул: «Браво, браво, мисс Дункан!» И дело не только в том, что американская танцовщица исполняла революционные номера собственного сочинения – «Марсельезу» и «Интернационал». В отличие от балета, который был для лидера большевиков слишком уж элитарным

и далеким от жизни, ее искусство казалось ближе к реальности.

В своей книге «Встречи с Есениным: Воспоминания» (1965 г.) Илья Шнейдер рассказывает о том, как в 1921 году Айседора Дункан посетила новую Россию: «Редакция “Известий ВЦИК” поручила мне написать небольшую статью о приезде к нам Айседоры Дункан, и я хотел услышать от нее если не “декларацию”, то какие-то новые и свежие слова, объясняющие социальные причины ее приезда в Советскую Россию. Все дореволюционные писания об Айседоре Дункан как о “легкокрылой танцовщице-босоножке, задумавшей возродить древнегреческий танец”, явно устарели и не годились. Кроме того, хотя со времени войны и революции мы находились в фактической блокаде, понаслышке мы знали, что Дункан давным-давно эволюционировала от “ангела со скрипкой” к “пластической философии жизни” в Шестой патетической симфонии и “Славянском марше” Чайковского... Она танцевала целиком Пятую симфонию Бетховена, Седьмую и “Неоконченную” Шуберта, огромные циклы из произведений Шопена и Листа.

“Я бежала из Европы от искусства, тесно связанного с коммерцией. Кокетливому, грациозному, но аффектированному жесту красивой женщины я предпочитаю движение существа горбатого, но одухотворенного внутренней идеей. Нет такой позы, такого движения или жеста, которые были бы прекрасны сами по себе, – считала Дункан. – Всякое движение будет только тогда прекрасным, когда оно правдиво и искренне выражает чувства и мысли. Фраза *красота линий* сама по себе – абсурд. Линия только тогда красива, когда она направлена к прекрасной цели”.

Она с увлечением говорила о своих планах: создать в Москве школу, где танец был бы средством

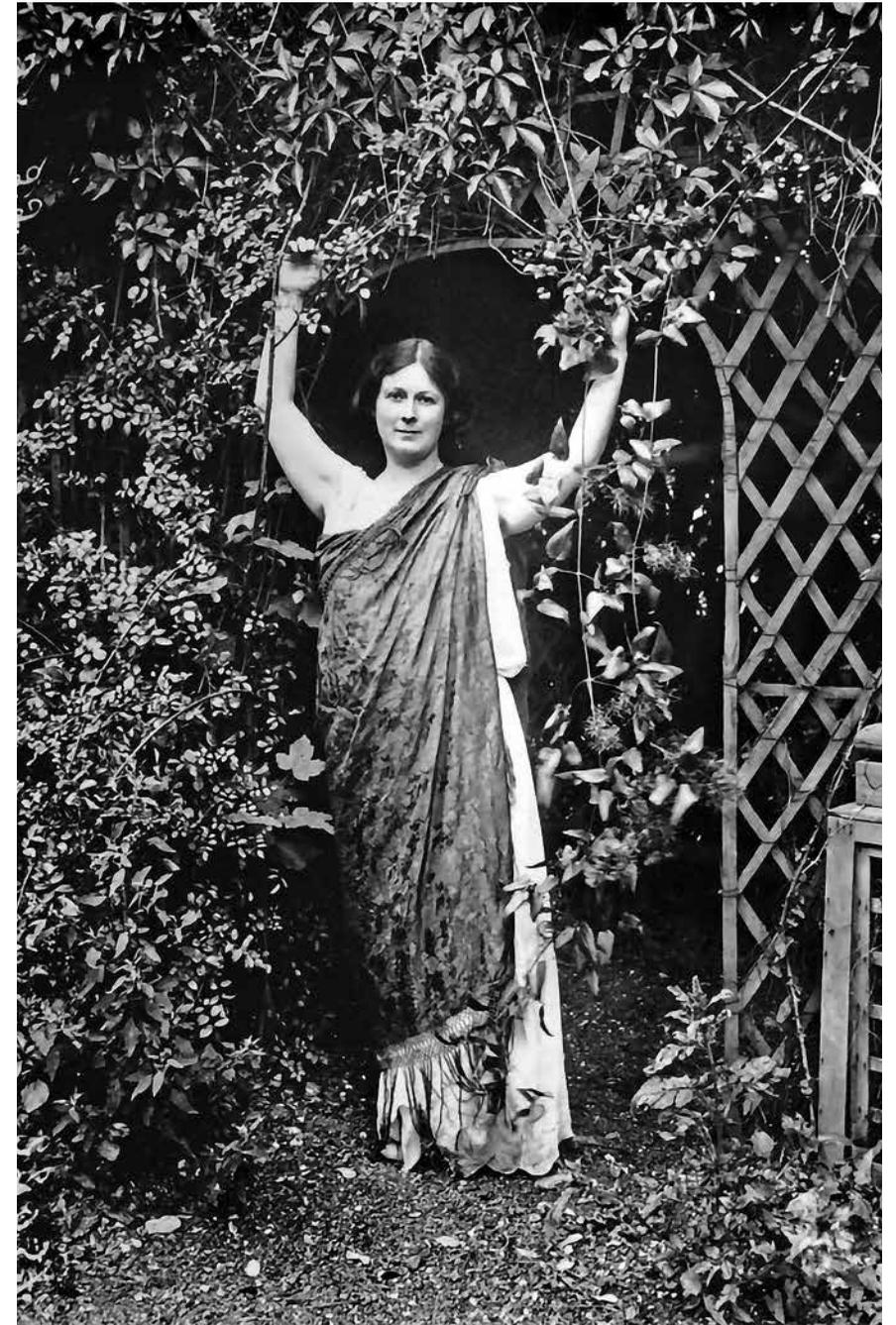
воспитания детей – новых людей нового мира, гармонически развитых физически и духовно.

Сообщение о приезде Айседоры Дункан и эта маленькая ее “декларация” были напечатаны через несколько дней в “Известиях”».

Дункан основала свои школы танца в Германии, Франции, США и России, но не смогла создать собственную хореографическую школу как систему движений. Со временем все ее студии закрылись. Последней оказалась московская «Концертная студия Дункан», упраздненная в 1949 году.

**Хождение Аполлона
в народ**

В живописи Аполлон обычно изображен играющим на кифаре, а не танцующим. Широко известна древнегреческая статуя «Аполлон, стреляющий из лука» (он же «Аполлон Бельведерский»), но нет статуи «Аполлон пляшущий». Зато есть древнегреческий гимн Аполлону, один из фрагментов которого дореволюционный балетный критик Аким Вольнский трактовал как танец. Вольнский, как и Карсавина, тоже сначала увлекся танцем Дункан, однако впоследствии вернулся на чисто балетные позиции. Он доказывал, что классический балет так же близок к античности, как и танцы Айседоры, а пальцевая техника существовала еще у древних греков: «В знаменитом гимне Аполлону Пифийскому, приписываемом Гомеру, мы находим в двух его местах замечательные слова. Окруженный хором критян, играя на кифаре, Аполлон выступает впереди красивым движением на пальцах... Но Аполлону тут же для полноты характеристики противопоставлен хор критян, который следует за ним уже не на пальцах, а тяжело взрывающую землю всюю ступнею. Этого

Айседора Дункан считала себя наследницей античного танца

одного места у Гомера совершенно достаточно, чтобы не сомневаться в том высоком значении, какое придавалось древними греками танцу на пальцах. Он строго отличался от танца на всей ступне, как отличается проза от поэзии, будни от праздников, как отличается лицо от лика».

Если так, источник танца и Анны Павловой, и Айседоры Дункан – в античности. Но первая ближе к Аполлону и музам, вторая – к простым смертным.

Балет продолжает царствовать в России, а в Америке Рождество неотделимо от «Щелкунчика» Чайковского в постановке Баланчина.

«КЛИБЕРН – КАК ГАГАРИН...»

В 1958 году на конкурсе Чайковского 22-летний Ван Клиберн произвел настоящий фурор

АННА МИНАКОВА

Ван Клиберн в 1975 году

Многие любители музыки в России восприняли его уход в феврале 2013 года как личную утрату. Трудно найти в истории пианизма XX века более поэтичного исполнителя. Его имя всегда будет окутано романтической дымкой, его самого всегда будут любить не меньше, чем его записи. «Есенинская» внешность – светловолосый, голубоглазый, в чем-то напоминающий героя русских народных сказок. Открытый, улыбчивый, поднебесно высокий...

Теплым, сердечным прикосновением, глубоко человеческой живой интонацией, искренностью и чистотой исполнительского голоса, а не только безукоризненным мастерством завоевывал он публику.

До самых последних дней он сохранял молодость, удивительную детскость в каждом звуке. Простота, граничащая с наивностью, запахнутость в противовес умствованию. Мы можем восхищаться зрелым самоуглубленным искусством, но вызывать мгновенную симпатию и, главное, чистосердечную радость всегда будет именно молодое искусство.

Харви Ван Клиберн родился 12 июля 1934 года в Шривпорте, американском штате Луизиана. Можно говорить и о русских корнях его пианизма. Первым педагогом будущего маэстро была мать, Рильдия Клиберн, одаренная пианистка, которая училась в Джульярдской школе у А. Фридхайма, уроженца Санкт-Петербурга. Он, в свою очередь, был учеником Ф. Листа и А. Рубинштейна, основателя Санкт-Петербургской консерватории.

Когда сам Клиберн поступил в Джульярдскую школу, его педагогом стала Р. Левина, ученица В. Сафонова. Пианист рассказывал: «Моя учительница миссис Розина Бесси-Левина заставляла меня играть по 9–10 часов в день. Она была из СССР, выпускница

Московской консерватории, и всегда говорила: “Помни русскую поговорку: без труда не вытащишь и рыбку из пруда!” После этих репетиций я падал замертво».

В 1954 году пианист дебютировал в Карнеги-холле с Первым концертом Чайковского, который впоследствии стал его визитной карточкой. Через четыре года Р. Левина уговорила ученика принять участие в Международном конкурсе им. П. И. Чайковского в Москве.

Об истоках своей любви к русской культуре Клиберн вспоминал: «Когда мне было пять лет, мне подарили детскую книжку, в которой были картинки разных интересных мест по всему миру, и я очень хотел все это увидеть. Там была фотография изумительно красивой церкви (речь идет о соборе Василия Блаженного – А. М.), и я сказал: “Мама, папа, отвезите меня туда”. И вот, через несколько лет я там побывал.

Другое воспоминание – о том, как я впервые поднимался по лестнице Большого зала. Я даже точно помню время – это было в одиннадцать часов утра. На этот час мне назначили репетицию на рояле в Большом зале. И пока я поднимался по ступеням замечательная пианистка из Парижа, которая занималась до меня, играла Этюд-картину мибемоль минор Рахманинова. Эта музыка абсолютно покорила меня».

Тогда, в 1958 году, на конкурсе Чайковского 22-летний Ван Клиберн произвел настоящий фурор. «Мы повально были очарованы и околдованы Клиберном. В его музыке была и русская ласка, и русская тоска. Он невероятно раскрепостил мышление советских музыкантов. Помню, он только взял первые аккорды Третьего концерта Рахманинова, как у меня брызнули слезы», – писал музыковед С. Волков.

Клиберн с большим теплом вспоминал атмосферу конкурса: «Я жил в гостинице “Пекин”, и около входа меня всегда ожидали русские

поклонники. Мне дарили банки с вареньем, вязаные шерстяные носки, шапки... Письма для меня шли по смешному адресу: “Консерватория. Ване Клиберну”. Одну из записок я храню до сих пор: “Ванюша, дорогой! Оставайтесь в Москве, в СССР. Неужели бы мы вас здесь меньше ценили, любили бы?” Я никогда не забуду лето 1958 года. Я был тогда самым счастливым».

С первого конкурсного тура Клиберн завоевал любовь советских зрителей и жюри, в которое входили такие знаменитые пианисты, как Святослав Рихтер, назвавший молодого американца гением и неизменно ставивший ему высший балл в каждом туре. И Эмиль Гилельс, после выступления Клиберна прошедший за сцену, чтобы поздравить конкурсанта с успехом.

Клиберн признавался: «Я был гениальным только в течение получаса один раз в жизни – на Конкурсе Чайковского в 1958 году. В тот момент я ощутил: на меня снизошло Господне благословение. Я играл так, как не играл больше никогда в жизни».

Известно, что решение о присуждении американцу первой премии пришлось согласовывать с генсеком Никитой Хрущевым. Хрущев сказал: «Если достоин, давайте». И под аплодисменты ликующей публики Ван Клиберн был объявлен победителем. Медаль и премию Клиберну в Большом зале Московской консерватории вручал Дмитрий Шостакович. Сын композитора, дирижер и пианист Максим Шостакович вспоминал о Клиберне: «Он был абсолютно раскрепощен в своем эмоциональном настрое, именно это и поразило тогда всех. Он не играл, демонстрируя технический блеск, он был свободен, как птица в полете. Он парил в этом концерте».

Для участников конкурса была устроена экскурсия в Клин, в дом-музей Чайковского. Там Клиберн

Галина Павловна Вишневецкая и Ван Клиберн, Москва, 18 июня 1998

выкопал куст сирени и до окончания конкурса ухаживал за ним в номере гостиницы, а потом забрал его в Америку и посадил на могиле Рахманинова, на кладбище Кенсико близ Нью-Йорка. В Штатах Клиберна встречали как героя – в честь его возвращения на Бродвее был устроен парад. Ни до, ни после ни один музыкант не удостоивался такой чести.

Клиберн неоднократно возвращался в СССР с гастролями, трансляции его концертов показывали по советскому телевидению, про него снимали документальное кино.

Пианист Александр Гиндин, лауреат конкурса Чайковского 1994 года, признавался: «На днях пересматривал альбом и наткнулся на черно-белую карточку Ван Клиберна. А снимок этот дала мне моя

учительница в школе: у нее, равно как и у всех тогда, было отношение к Клиберну, как к своему ребенку, родной плоти и крови. И это благодаря игре – непосредственной и искренней, – не знаю, у кого еще такая искренность была в XX веке. Клиберн – как Гагарин. Точнее трудно сказать. Комета».

Неспроста ему особенно хорошо удавались произведения самых русских, самых задушевных композиторов – Чайковского и Рахманинова. В каком-то смысле он даже стал заложником своих творческих удач: пианиста везде просили исполнять концерты, с которыми он выиграл конкурс Чайковского (Первый Чайковского и Третий Рахманинова). Именно клиберновская запись концерта Чайковского, которая была сделана вскоре после конкурса,

более десяти лет возглавляла список бестселлеров классической музыки и стала первой платиновой пластинкой в истории классики.

В 1962 году пианист учредил Международный музыкальный конкурс Клиберна, который проводится и теперь в Форт-Уорте раз в четыре года. Русские музыканты неоднократно становились его победителями (В. Виардо, А. Султанов, О. Керн, А. Кобрин).

В 2013 году состоялся очередной конкурс пианистов

им. Ван Клиберна, который был посвящен памяти его основателя.

С 1998 года одна из звезд в созвездии Лира носит имя Клиберна – с подачи Российской академии наук, в связи с 40-летием Международного конкурса им. П. И. Чайковского.

В течение долгих лет пианист был большим другом М. Ростроповича и Г. Вишневецкой. Он признавался, что Ростропович стал одним из его главных учителей музыки и жизни. Уже после смерти знаменитого виолончелиста Клиберн выступал на фестивале его памяти вместе с Ю. Башметом и Г. Вишневецкой, вручал премии фонда Ростроповича, проводил мастер-классы. Один из последних концертов Ван Клиберн дал в Москве в рамках благотворительной

акции памяти жертв Бесланской трагедии.

В 2003 году пианист получил Президентскую медаль свободы – высшую гражданскую награду США. А в 2004 году Клиберн удостоился российского Ордена дружбы. Об этом событии пианист говорил: «Я был счастлив, даже чуть не заплакал от гордости. Ваша страна очень много значит для меня. Вы все – такие близкие, такие родные. Обрадовался до слез, увидев на концертах тех, кто был на моих выступлениях десять, двадцать лет назад...»

Еще один пример простоты и открытости Клиберна – памятное исполнение «на бис» собственной обработки «Подмосковных вечеров» В. Соловьева-Седого. Его транскрипция полна благородства и искренней благодарности слушателям.

Ван Клиберн стал неотъемлемой частью культурного наследия именно Русского мира, стал нашим мифом, нашим достоянием. Его органичное присутствие в сознании русского человека наглядно иллюстрируется эпизодами из двух известных советских фильмов. В «Наваждении» Л. Гайдая («Операция Ы») Шурик влетает в комнату к сокурснику, тестирующему радиоприемник для сдачи экзамена: «Дуб! Конспект есть? – Нет никаких конспектов! Не мешай! – А что ты слушаешь? – Ван Клиберна!» А в фильме Н. Михалкова «Пять вечеров» Клиберн вообще появляется на экране в одном из драматургически ключевых моментов. Он там на маленьком черно-белом экране телевизора, видимого сквозь линзу, наигрывает мелодию военной советской песни «Вечер на рейде», а потом говорит с умопомрачительным акцентом: «Я вас лублу!»

Признаваться в любви и благодарности он не уставал никогда. Вот некоторые цитаты из его последних

интервью: «На протяжении многих лет я черпал свое вдохновение в России и ее слушателях, и теперь даже не знаю, как мне выразить свою благодарность!», «В моем присутствии никто не смеет ничего дурного сказать о России. Они знают, что я просто отвернусь и перестану разговаривать». О Большом зале Московской консерватории пианист говорил: «Это святая земля. Каждый, абсолютно каждый слушатель этого зала знает музыку. Это свидетельствует о силе русского народа. Удивительна ваша страна, от таксиста до музыканта – все любят музыку!»

А это фрагмент письма, которое пианист отправил 21 июня 1962 года в редакцию газеты «Известия», прощаясь с Советским Союзом после очередных гастролей: «До свидания! Прошу вас поместить в газете мое небольшое письмо. У меня нет возможности ответить каждому из моих многочисленных друзей в Советском Союзе, и в этих торопливых строках, написанных перед самым отлетом из Москвы, я хочу от всего сердца поблагодарить и приветствовать всех, всех, всех, кто был добр ко мне и моей матери. Я много думал о том, как много значат для меня, как для артиста, советские слушатели. Я никогда не забуду встреч с отзывчивой и чуткой публикой на моих концертах. Эти встречи вдохновляли меня, внесли в мою жизнь большую радость и счастье. Прощаясь с советскими людьми, мы хотим пожелать им большого счастья в жизни, труде, творчестве. Пусть будет мир на земле и пусть в этом мире звучит прекрасная музыка – ей открыты все границы и сердца. До свидания, до новых встреч, дорогие советские друзья. Я люблю вас!»

Последний раз Клиберн приезжал в Москву в июне 2011 года в качестве почетного председателя жюри конкурса пианистов на XIV Международном конкурсе

им. П. И. Чайковского. Его по-прежнему окружали многочисленные поклонники, а он все так же улыбался, восхищался Россией и излучал тепло и свет. Тогда же Клиберну был передан архив, содержащий восторженные письма русских слушателей, приходившие в течение многих лет на его имя в оргкомитет конкурса. На пресс-конференции пианист признался: «Я всегда благодарю Бога за то, что у меня есть такие верные друзья. Уже тогда, в 1958 году, когда я впервые приехал в Россию, я почувствовал невероятную атмосферу любви к музыке. И публика оказала мне необычайную поддержку. До конца жизни я люблю Россию».

На церемонии награждения лауреатов конкурса Чайковского 6 июля 2011 года Клиберн в последний раз вышел на сцену. Он произнес взволнованную речь, которую завершил словами: «Никогда не забывайте, что я люблю вас всех всем сердцем и буду любить всегда». Публика аплодировала ему стоя.

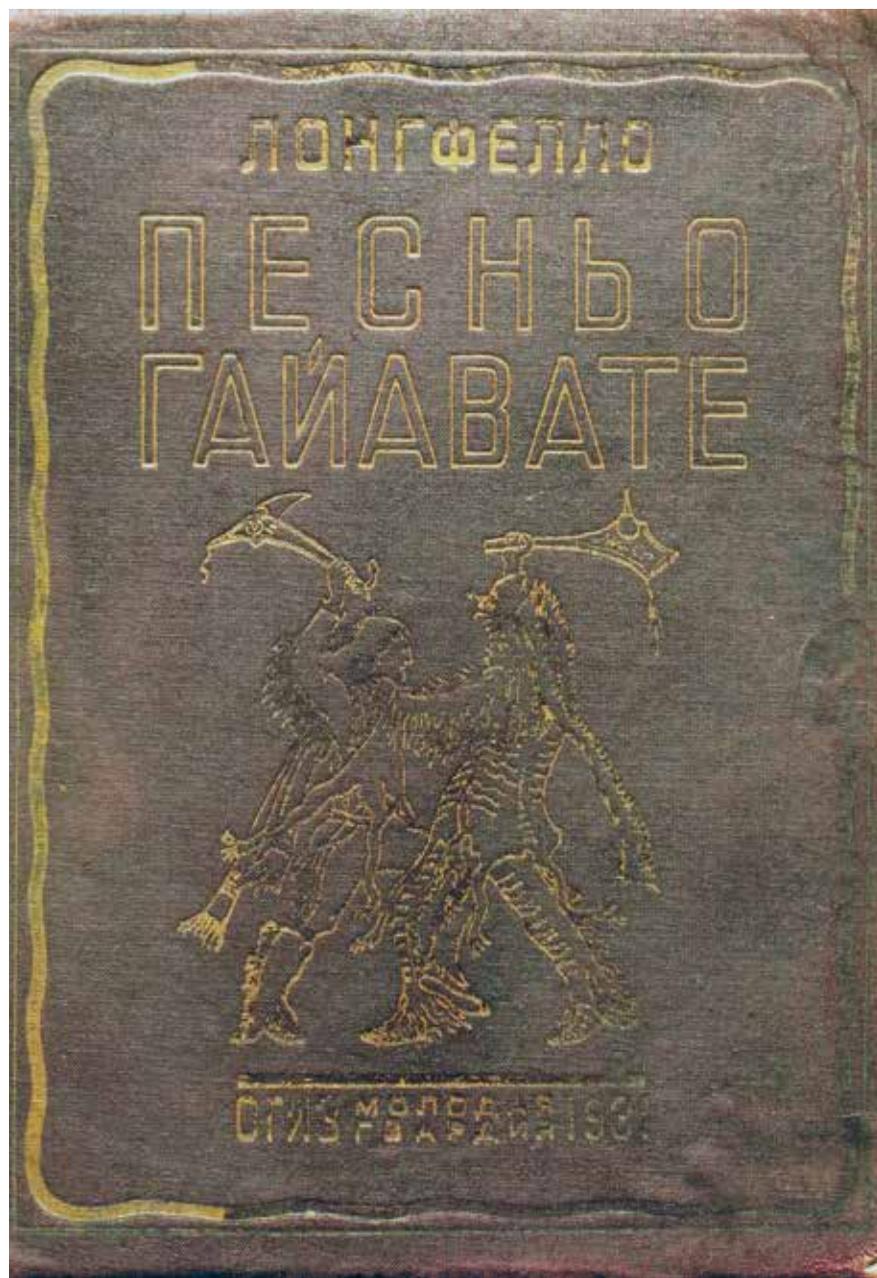
В 2012 году музыкант, уже знавший о своем страшном диагнозе, организовал благотворительный аукцион, на котором были распроданы его многие личные вещи, в том числе и любимый рояль 1912 года, на котором играла еще мать пианиста. Средства, вырученные от продажи рояля, были переданы Московской консерватории и Джульярдской школе. Кстати, мало кто знает, что Клиберну был вручен диплом выпускника Московской консерватории.

... На похоронах пианиста звучала музыка Рахманинова и Чайковского. И те самые «Подмосковные вечера»: хор местной филармонии с американским акцентом старательно выпевал русские простые слова.

Незадолго до смерти пианист писал в стихах: «Еще не ушел... Будет царственный хор петь для нас в царственном зале...»

«ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ» ГЕНРИ УОДСВОРТА ЛОНГФЕЛЛО

Перевод Ивана Бунина и сегодня считается непревзойденным

Обложка первого издания 1948 года

«Песнь о Гайавате» – известная эпическая поэма американского поэта-романтика Генри Уодсворта Лонгфелло (1807–1882), основанная на фольклоре коренных американцев и опубликованная в 1855 году. В центре поэмы – образ народного героя Гайаваты, легендарного вождя-полубога оджибуэев, ставшего объединителем индейских племен. Огромную роль в поэме играет природа – источник жизни и вдохновения, а также мудрый учитель героя. «Песнь о Гайавате» известна своей музыкальной структурой, воссоздающей ритм и мелодику устных преданий, что делает ее важным произведением американской литературы.

Генри Лонгфелло был удостоен славы еще при жизни. Его считали певцом национальной культуры. Он подарил своим соотечественникам «Божественную комедию», переводя бессмертное творение Данте на английский язык. Но самым замечательным трудом Лонгфелло считается именно «Песнь о Гайавате». Впечатление, произведенное ею, было необыкновенно: в полгода она выдержала тридцать изданий, породила множество подражаний и была переведена чуть ли не на все европейские языки.

Прежде всего всех поразила оригинальность сюжета поэмы и новизна блестящей, строго выдержанной формы.

Конечно, ко времени ее создания немало романов было посвящено жизни краснокожих жителей

Америки – романы Ф. Купера, М. Рида и др. Нередко индейцы в них выступали лишь условными персонажами, оживляющими приключенческий сюжет.

Лонгфелло же поставил перед собой другую цель: он хотел воссоздать почти исчезнувший мир американской старины, передать мировосприятие коренных жителей Северной Америки доколумбовой эпохи, воскресить прошлое страны, черпая вдохновение в народных сказках и легендах.

Древнему человеку казалось, что все в мире подчиняется могучей силе, что всеми явлениями управляют божества или духи. Также думали и индейцы.

Их мифологические представления складывались в единстве человека и окружающего мира. Мир природы был неотделим от мира человека. Только благодаря природе существует человек, природа дает ему жизнь и в то же время она может быть враждебной, противостоять ему. Эти представления индейцев о мире нашли отражение в поэме Лонгфелло.

«“Песнь о Гайавате”, – говорил Лонгфелло, – это индейская Эдда, если я могу так назвать ее. Я написал ее на основании легенд, господствующих среди североамериканских индейцев. В них говорится о человеке чудесного происхождения, который был послан к ним расчистить их реки, леса рыболовные места и научить народы мирным искусствам. У разных племен он был известен под разными именами: Michabou, Chiabo, Manabozo, Tareauwagou, Hiawatha, что значит – пророк, учитель. В это старое предание я вплеl и другие интересные индейские легенды... Действие поэмы происходит в стране оджибуэев, на южном берегу Верхнего Озера, между Живописными Скалами и Великими Песками».

Гайавата – историческое лицо, он жил в XV веке, происходил

из индейского племени онондага и боролся за свободу своего народа. И в то же время это собирательный образ. Гайавата в мифологии ирокезов – легендарный вождь и пророк, который выступал против родовых усобиц и дал своему народу письменность. Гайавата заботится о людях: он обучает их ремеслам, письменности, врачеванию, помогает приручать зверей, открывает пользу растений, сражается и побеждает чудовищ – Великого Медведя и Великого Осетра, борется за мир и кладет конец кровавым распрям между племенами.

Лонгфелло писал свою поэму с 25 июня 1854 года по 29 марта 1855 года и опубликовал ее 10 ноября 1855 года. В качестве источника своей поэмы он назвал работы этнографа Генри Роу Скулкрафта (в частности, книги «Алгонкинские исследования» и «История, условия жизни и перспективы индейских племен США»).

В России первый перевод отрывков из «Песни о Гайавате» был сделан А. Л. Михайловским, появившимся в «Отечественных записках» (5, 6, 10, 11 за 1868 г. и 6 за 1869 г.).

Полностью поэма была переведена великим русским поэтом и прозаиком Иваном Буниным, чей перевод и сегодня считается непревзойденным.

С ранних лет пленившись «Гайаватой» Лонгфелло, Бунин работал над переводом поэмы многие годы – с 1896 по 1903 год. В 1895 году Бунин писал О. А. Михайловой: «... я ведь помешан на Гайавате, – я ведь с самого детства сплю и вижу перевести всю эту дивную песню, и издать ее, и любоваться, и сотни раз самому перечитывать ее, если не будет читателей».

Один из первых вариантов его перевода был напечатан в 1896 году в газете «Орловский вестник». Отдельной книгой типография газеты издала «Песнь о Гайавате» в конце этого же года. Окончательный

бунинский перевод поэмы Лонгфелло вышел в 1903 году в роскошном издании с иллюстрациями американского художника Ремингтона в Санкт-Петербурге.

За перевод «Песни о Гайавате» Бунин был удостоен Пушкинской премии.

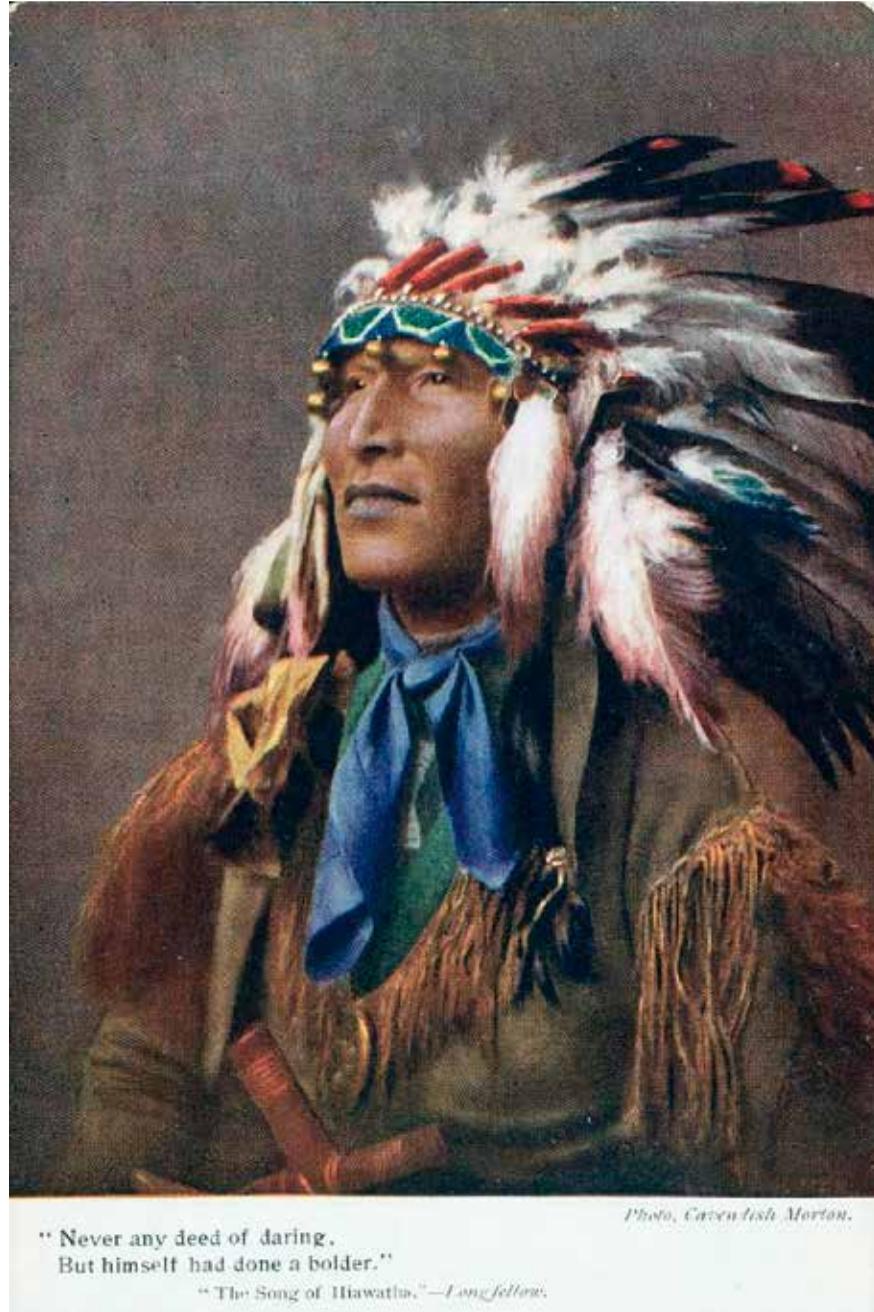
Предлагаем нашим читателям вспомнить или открыть для себя удивительный мир этой поэмы, прочитав несколько ее фрагментов.

*Если спросите – откуда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины,
Голубым дымком вигвамов,
Шумом рек и водопадов,
Шумом, диким и стозвучным,
Как в горах раскаты грома? –
Я скажу вам, я отвечу:*

*«От лесов, равнин пустынных,
От озер Страны Полночной,
Из страны Оджибуэев,
Из страны Дакотов диких,
С гор и тундр, с болотных топей,
Где среди осоки бродит
Цапля сизая, Шух-шух-га.
Повторяю эти сказки,
Эти старые преданья
По напевам сладкозвучным
Музыканта Навадаги».*

*Если спросите, где слышал,
Где нашел их Навадага, –
Я скажу вам, я отвечу:
«В гнездах певчих птиц, по роцам,
На прудах, в норах бобровых,
На лугах, в следах бизонов,
На скалах, в орлиных гнездах.*

*Эти песни раздавались
На болотах и на топях,
В тундрах севера печальных:
Читовэйк, зук, там пел их,
Манг, нырок, гусь дикий, Вава,
Цапля сизая, Шух-шух-га,
И глухарка, Мушкодаза».*

Британский актер Кавендиш Мортон в роли Гайаваты. Около 1904

Если б дальше вы спросили:
«Кто же этот Навадага?
Расскажи про Навадагу», –
Я тотчас бы вам ответил
На вопрос такую речью:

«Средь долины Тавазэнта,
В тишине лугов зеленых,
У излучистых потоков,
Жил когда-то Навадага.

Вкруг индейского селенья
Расстились нивы, доли,
А вдали стояли сосны,
Бор стоял, зеленый – летом,
Белый – в зимние морозы,
Полный вздохов, полный песен.

Те веселые потоки
Были видны на долине
По разливам их – весною,

По ольхам серебристым – летом,
По туману – в день осенний,
По руслу – зимой холодной.
Возле них жил Навадага
Средь долины Тавазэнта,
В тишине лугов зеленых.

Там он пел о Гайавате,
Пел мне Песнь о Гайавате, –
О его рожденье дивном
О его великой жизни:
Как постился и молился,
Как трудился Гайавата,
Чтоб народ его был счастлив,
Чтоб он шел к добру и правде».

Вы, кто любите природу –
Сумрак леса, шепот листьев,
В блеске солнечном долины,
Бурный ливень и метели,
И стремительные реки
В неприступных дебрях бора,
И в горах раскаты грома,
Что как хлопанье орлиных
Тяжких крыльев раздаются, –
Вам принес я эти саги,
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, кто любите легенды
И народные баллады,
Этот голос дней минувших,
Голос прошлого, манящий
К молчаливому раздумью,
Говорящий так по-детски,
Что едва уловит ухо,
Песня это или сказка, –
Вам из диких стран принес я
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, в чьем юном, чистом сердце
Сохранилась вера в бога,
В искру божью в человеке;
Вы, кто помните, что вечно
Человеческое сердце
Знало горести, сомненья
И порывы к светлой правде,
Что в глубоком мраке жизни
Нас ведет и укрепляет
Провидение незримо, –
Вам бесхитростно пою я
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, которые, блуждая
По околицам зеленым,
Где, склонившись на ограду,
Поседевшую от моха,
Барбарис висит, краснея,
Забывается порою
На запущенном погосте
И читаете в раздумье
На могильном камне надпись,
Неумелую, простую,
Но исполненную скорби,
И любви, и чистой веры, –
Прочитайте эти руны,
Эту Песнь о Гайавате!

ДЕТСТВО ГАЙАВАТЫ

В летний вечер, в полнолуние,
В незапамятное время,
В незапамятные годы,
Прямо с месяца упала
К нам прекрасная Нокомис,
Дочь ночных светил, Нокомис.

Как дитя, она играла,
На ветвях на виноградных
Меж подруг своих качалась,
И одна из них, сгорая
Злобой ревности и мести,
Эти ветви подрубила,
И на Мускодэ упала,
На цветущую долину,
Замирая от испуга,
Летним вечером Нокомис.
«Вон звезда упала с неба!» –
Говорил народ в селеньях.

Там, на мягких мхах и травах,
Там, среди стыдливых лилий,
В тихой Мускодэ, в долине,
В звездном блеске, в лунном свете,
Стала матерью Нокомис,
Назвала дочь первородной –
Назвала ее Веноной.
И, как лилия в долине,
Расцвела ее Венона:
Стала гибкой, стала стройной,
Точно лунный свет, прекрасной,
Точно звездный отблеск, нежной.

И Нокомис часто стала
Говорить, твердить Веноне:
«О, страшись, остерегайся

Мэджекивиса, Венона!
Никогда его не слушай,
Не гуляй одна в долине,
Не ложись в траве меж лилий!»

Но не слушалась Венона,
Не внимала мудрой речи,
И пришел к ней Мэджекивис,
Темным вечером подкрался,
С тихим шепотом склоняя
На лузу цветы и травы.
Там прекрасная Венона
Меж цветов одра лежала,
Там нашел ее коварный
Ветер Западный – и начал
Очаровывать Венону
Сладкой речью, нежной лаской –
И родился сын печали,
Нежной страсти и печали,
Дивной тайны – Гайавата.

Так родился Гайавата;
А коварный Мэджекивис,
Бессердечный Мэджекивис
Уж покинул дочь Нокомис,
И недолго после билось
Сердце нежное Веноны:
Умерла она в печали.

Долго с криками рыдала,
Долго плакала Нокомис:
«О, зачем жестокий Погок
Не меня унес с собою?
Лучше б мне лежать в могиле!
Вагономин, вагономин!»

На побережье Питчи-Гюми,
Светлых вод Большого Моря,
С юных дней жила Нокомис,
Дочь ночных светил, Нокомис.
Позади ее вигвама
Темный лес стоял стеною –
Чащи темных, мрачных сосен,
Чащи елей в красных шишках,
А перед ним прозрачной влагой
На песок плескались волны,
Блеском солнца зыбь сверкала
Светлых вод Большого Моря.

Там, в тиши лесов и моря,
Внука нянчила Нокомис,
В люльке липовой качала,
Усланной кугой и мохом,

Крепко связанной ремнями,
И, качая, говорила:
«Спи! А то отдам медведю!»
Там, баюкая, певала:
«Эва-ия, мой соенок!
Что там светится в вигваме?
Чьи глаза блестят в вигваме?
Эва-ия, мой соенок!»

Много-много рассказала
О звездах ему Нокомис;
Показала хвост кометы –
Ишкуду в огнистых косах,
Показала Танец Духов,
Их блистающие рати
В небесах Страны Полночной,
В Месяц Лыж морозной ночью;
Показала серебристый
Путь всех призраков и духов –
Белый путь на темном небе,
Полном призраков и духов. <... >

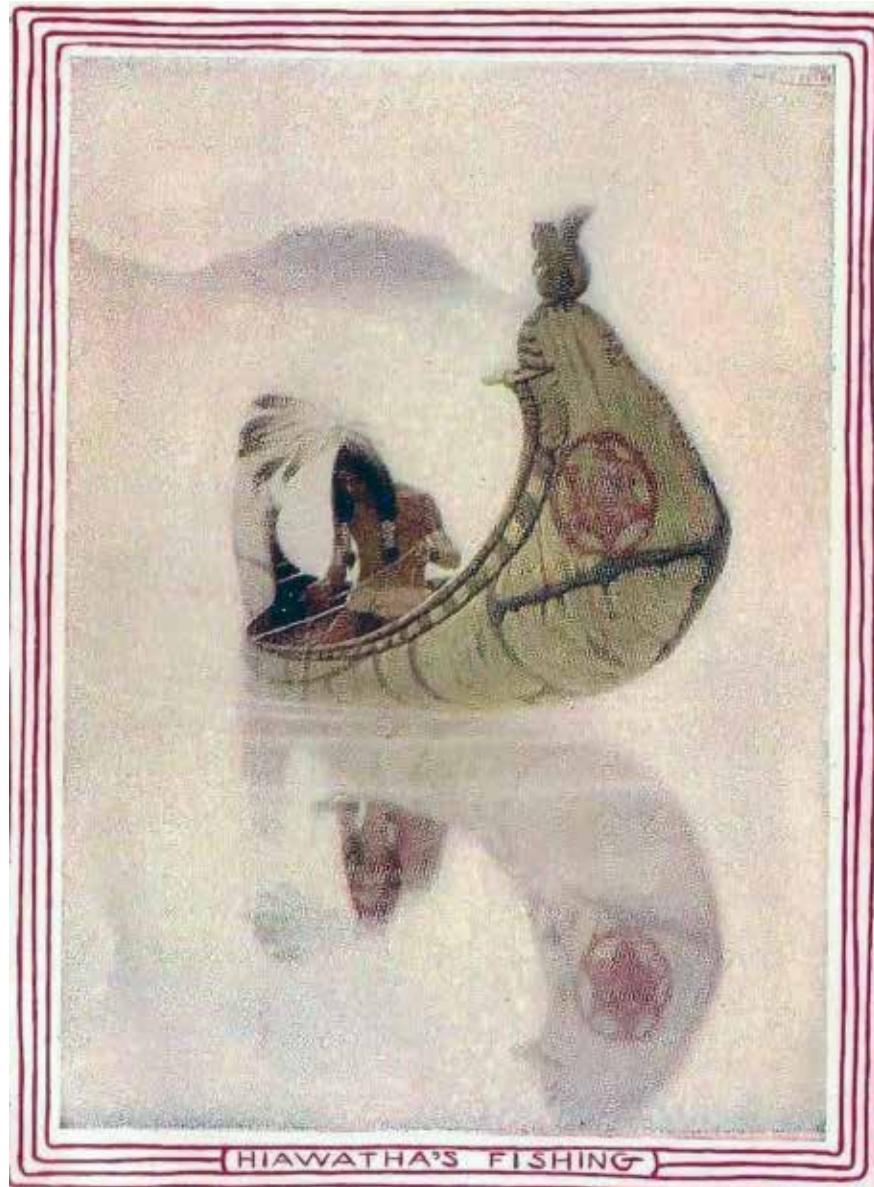
ГАЙАВАТА И МЭДЖЕКВИС

Миновали годы детства,
Возмужал мой Гайавата;
Игры юности беспечной,
Стариков житейский опыт,
Труд, охотничьи ссоры –
Все постиг он, все извед.

Резвы ноги Гайаваты!
Запустив стрелу из лука,
Он бежал за ней так быстро,
Что стрелу опережал он.
Мощны руки Гайаваты!
Десять раз, не отдыхая,
Мог согнуть он лук упругий
Так легко, что догоняли
На лету друг друга стрелы.

Рукавицы Гайаваты,
Рукавицы Минджикэвон,
Из оленьей мягкой шкуры
Обладали дивной силой:
Сокрушать он мог в них скалы,
Раздроблять в песчинки камни.

Мокасины Гайаваты
Из оленьей мягкой шкуры
Волиество в себе таили:

«Рыбалка Гайаваты». Иллюстрация 1908 года

Привязавши их к лодыжкам,
Прикрепив к ногам ремнями,
С каждым шагом Гайавата
Мог по целой миле делать.

Об отце своем нередко
Он спрашивал Нокомис,
И поведала Нокомис
Внуку тайну роковую:
Рассказала, как прекрасна,
Как нежна была Венона,
Как сгубил ее изменой
Вероломный Мэджекивис,
И, как уголь, разгорелось

Гневом сердце Гайаваты.

Он сказал Нокомис старой:
«Я иду к отцу, Нокомис,
Я хочу его проведать
В царстве Западного Ветра,
У преддверия Заката».

Из вигвама выходил он,
Снарядившись в путь далекий,

В рукавицах, Минджикэвон,
И волшебных мокасинов.
Весь наряд его богатый

Из оленьей мягкой шкуры
Зернью вампума украшен
И щетиной дикобраза.
Голова его – в орлиных
Развеваящихся перьях,
За плечом его, в колчане, –
Из дубовых веток стрелы,
Оперенные искусно
И оправленные в яшму.
А в руках его – упругий
Лук из ясеня, согнутый
Тетивой из жил оленя.

Осторожная Нокомис
Говорила Гайавате:
«Не ходя, о Гайавата,
В царство Западного Ветра!
Он убьет тебя коварством,
Волшебством своим погубит».

Но отважный Гайавата
Не внимал ее советам,
Уходил он от вигвама,
С каждым шагом делал мило.
Мрачным лес ему казался,
Мрачным – свод небес над лесом,
Воздух – душистым и горячим,
Полным дыма, полным гари,
Как в пожар лесов и прерий:
Словно уголь, разгоралось
Гневом сердце Гайаваты.

Так держал он путь далекий
Все на запад и на запад
Легче быстрого оленя,
Легче лани и бизона.
Переплыл он Эсконабо,
Переплыл он Миссисипи,
Миновал Степные Горы,
Миновал степные страны
И Лисиц и Черноногих
И пришел к Горам Скалистым,
В царство Западного Ветра,
В царство бурь, где на вершинах
Восседали Владыка Ветров,
Престарелый Мэджекивис.

С тайным страхом Гайавата
Пред отцом остановился:
Дико в воздухе клубились,
Облаками развевались

Волоса его седые,
Словно снег, они блестели,
Словно пламенные косы
Ишкуды, они сверкали.

С тайной радостью увидел
Мэджекивис Гайавату:
Это молодости годы
Перед ним воскресли к жизни,
Это встала из могилы
Красота Веноны нежной.

«Будь здоров, о Гайавата! –
Так промолвил Мэджекивис. –
Долго ждал тебя я в гости
В царство Западного Ветра!
Годы старости – печальны,
Годы юности – отрадны.
Ты напомнил мне былое,
Юность пылкую напомнил
И прекрасную Венону!»

Много дней прошло в беседе,
Долго мощный Мэджекивис
Похвалялся Гайавате
Прежней доблестью своею,
Приключеньями былыми,
Непреклонною отвагой;
Говорил, что дивной силой
Он от смерти заколдован.

Молча слушал Гайавата,
Как хвалился Мэджекивис,
Терпеливо и с улыбкой
Он сидел и молча слушал.
Ни угрозой, ни укором,
Ни одним суровым взглядом
Он не выказал досады,
Но, как уголь, разгоралось
Гневом сердце Гайаваты.

И сказал он: «Мэджекивис!
Неужель ничто на свете
Погубить тебя не может?»
И могучий Мэджекивис
Величаво, благосклонно
Отвечал: «Ничто на свете,
Кроме вон того утеса,
Кроме Вавбика, утеса!»
И, взглянув на Гайавату
Взором мудрости спокойной,
По-отечески любясь

Красотой его и мощью,
Он сказал: «О Гайавата!
Неужель ничто на свете
Погубить тебя не может?»

Помолчал одну минуту
Осторожный Гайавата,
Помолчал, как бы в сомненье,
Помолчал, как бы в раздумье,
И сказал: «Ничто на свете.
Лишь один тростник, Эпоква,
Лишь вон тот камыш высокий!»
И как только Мэджекивис,
Встав, простер к Эпокве руку,
Гайавата в страхе крикнул,
В лицемерном страхе крикнул:
«Каго, каго! Не касайся!»
«Полно! – молвил Мэджекивис.
Успокойся, – я не трону».

И опять они беседу
Продолжали; говорили
И о Вебоне прекрасном,
И о тучном Шавондази,
И о злом Кабибонокке;
Говорили о Веноне,
О ее рожденье дивном,
О ее кончине грустной –
Обо всем, что рассказала
Внуку старая Нокомис.

И воскликнул Гайавата:
«О коварный Мэджекивис!
Это ты убил Венону,
Ты сорвал цветок весенний,
Растоптал его ногами!
Признавайся! Признавайся!»
И могучий Мэджекивис
Тихо голову седую
Опустил в тоске глубокой,
В знак безмолвного согласия.

Быстро встал тогда, сверкая
Грозным взором, Гайавата,
На утес занес он руку
В рукавице, Минджикэвон,
Разломил его вершину,
Раздробил его в осколки,
Стал в отца швырять свирепо:
Словно уголь, разгорелось
Гневом сердце Гайаваты.

Но могучий Мэджекивис
Камни гнал назад дыханьем,
Бурей гневного дыханья
Гнал назад, на Гайавату.
Он схватил рукой Эпокву,
Выврал с мочками, с корнями, –
Над рекой из вязкой тины
Выврал бешено Эпокву
Он под хохот Гайаваты.

И начался бой смертельный
Меж Скалистыми Горами!
Сам Орел Войны могучий
На гнезде поднялся с криком,
С резким криком сел на скалы,
Хлопал крыльями над ними.
Словно дерево под бурей,
Рассекал Эпоква воздух,
Словно град, летели камни

С треском с Вавбика, утеса,
И земля окрест дрожала,
И на тяжкий грохот боя
По горам гремело эхо,
Отзывалось: «Бэм-Вава!»

Отступить стал Мэджекивис,
Устремился он на запад,
По горам на дальний запад
Отступал три дня, сражаясь,
Убегал, гонимый сыном,
До преддверия Заката,
До границ своих владений,
До конца земли, где солнце
В красном блеске утопает,
На ночлег в воздушной бездне
Опускаясь, как фламинго
Опускается зарю
На печальное болото.

«Удержись, о Гайавата! –
Наконец вскричал он громко, –
Ты убить меня не в силах,
Для бессмертного нет смерти.
Испытать тебя хотел я,
Испытать твою отвагу,
И награду заслужил ты!

Возвратись в родную землю,
К своему вернись народу,
С ним живи и с ним работай.
Ты расчистить должен реки,

Эмиль Верне-Леконт. «Миннегага». 1871

Сделать землю плодородной,
Умертвить чудовищ зловных,
Змей, Кинэбик, и гигантов,
Как убил я Мише-Мокву,
Исполина Мише-Мокву. <...>

На восток, в родную землю,
Гайавата путь направил.
Позабыл он горечь гнева,
Позабыл о мишень думы,
И вокруг него отрадой
И весельем все дышало.

Только раз он путь замедлил,
Только раз остановился,
Чтоб купить в стране Дакотов
Наконечников на стрелы.
Там, в долине, где смеялись,
Где блистали, низвергаясь
Меж зелеными дубами,
Водопады Миннегаги,
Жил старик, дакот суровый.
Делал он головки к стрелам,
Острия из халцедона,

Из кремня и крепкой яшмы,
Отшлифованные гладко,
Заостренные, как иглы.

Там жила с ним дочь-невеста,
Быстроногая, как речка,
Своенравная, как брызги
Водопадов Миннегаги.
В блеске черных глаз играли
У нее и свет и тени –
Свет улыбки, тени гнева;
Смех ее звучал как песня,
Как поток струились косы,
И смеющейся Водюю
В честь реки ее назвал он,
В честь веселых водопадов
Дал ей имя – Миннегага.

Так ужели Гайавата
Заходил в страну Дакотов,
Чтоб купить головок к стрелам,
Наконечников из яшмы,
Из кремня и халцедона?
Не затем ли, чтоб украдкой
Посмотреть на Миннегагу,
Встретить взор ее пугливый,
Услыхать одежды шорох
За дверною занавеской,
Как глядят на Миннегагу,
Что горит сквозь ветви леса,
Как внимают водопаду
За зеленой чащей леса?

Кто расскажет, что таится
В молодом и пылком сердце?
Как узнать, о чем в дороге
Сладко грезил Гайавата?
Все Нокомис рассказал он,
Возвратясь домой под вечер:
О борьбе и о беседе
С Мэджеквисом могучим,
Но о девушке, о стрелах
Не обмолвился ни словом!

СВАТОВСТВО ГАЙАВАТЫ

«Муж с женой подобен луку,
Луку с крепкой тетивой;
Хоть она его сгибает,
Но ему сама послушна,
Хоть она его и тянет,
Но сама с ним неразлучна;
Порознь оба бесполезны!»

Так раздумывал нередко
Гайавата и томился
То отчаяньем, то страстью,
То тревожною надеждой,
Предаваясь пылким грезам
О прекрасной Миннегаге
Из страны Дакотов диких.

Осторожная Нокомис
Говорила Гайавате:
«Не женись на чужеземке,
Не ищи жены по свету!
Дочь соседа, хоть простая, –
Что очаг в родном вигваме,
Красота же чужеземки –
Это лунный свет холодный,
Это звездный блеск далекий!»

Так Нокомис говорила.
Но разумно Гайавата
Отвечал ей: «О Нокомис!
Мил очаг в родном вигваме,
Но милей мне звезды в небе,
Ясный месяц мне милее!»

Строго старая Нокомис
Говорила: «Нам не нужно
Праздных рук и ног ленивых;
Приведи жену такую,
Чтоб работала с любовью,
Чтоб проворны были руки,
Ноги двигались охотно!»

Улыбаясь, Гайавата
Молвил: «Я в земле Дакотов
Стрелоделателя знаю;
У него есть дочь-невеста,
Что прекрасней всех прекрасных;
Я введу ее в вигвам твой,
И она тебе в работе
Будет дочерью покорной,
Будет лунным, звездным светом,
Огоньком в твоём вигваме,
Солнцем нашего народа!»

Но опять свое твердила
Осторожная Нокомис:
«Не вводи в мое жилище
Чужеземку, дочь Дакота!
Злобны дикие Дакоты,
Часто мы воюем с ними,
Распри наши не забыты,
Раны наши не закрылись!»

Усмехаясь, Гайавата
И на это ей ответил:
«Потому-то и пойду я
За невестой в край Дакотов,
Для того пойду, Нокомис,
Чтоб окончить наши распри,
Залечить навеки раны!»

И пошел в страну красавиц,
В край Дакотов, Гайавата,
В путь далекий по долинам,
В тишине равнин пустынных,
В тишине лесов дремучих.

С каждым шагом делал мило
Он в волшебных мокалинах;
Но быстрее бежали мысли,
И дорога бесконечной
Показалась Гайавате!
Наконец, в безмолвье леса
Услыхал он гул потоков,
Услыхал призывный грохот
Водопадов Миннегаги.
«О, как весел, – прошептал он, –
Как отраден этот голос,
Призывающий в молчанье!»

Меж деревьев, где играли
Свет и тени, он увидел
Стадо чуткое оленей.
«Не сплосай!» – сказал он луку,
«Будь верней!» – стреле промолвил,
И когда стрела-невунья,
Как оса, впилась в оленя,
Он взвалил его на плечи
И пошел еще быстрее.

У дверей в своем Вигваме,
Вместе с милой Миннегагой,
Стрелоделатель работал.
Он точил на стрелы яшму,
Халцедон точил блестящий,
А она плела в раздумье
Тростниковые циновки;
Все о том, что будет с ней,
Тихо девушка мечтала,
А старик о прошлом думал.

Вспоминал он, как, бывало,
Вот такими же стрелами
Поражал он на долинах
Робких ланей и бизонов,

Поражал в лугах зеленых
На лету гусей крикливых;
Вспоминал и о великих
Боевых отрядах прежних,
Покупавших эти стрелы.
Ах, уж нет теперь подобных
Славных воинов на свете!
Ныне воины что бабы:
Языком болтают только!

Миннегага же в раздумье
Вспоминала, как весною
Приходил к отцу охотник,
Стройный юноша-красавец
Из земли Оджибуэв,
Как сидел он в их вигваме,
А простившись, обернулся,
На нее взглянул украдкой.
Сам отец потом нередко
В нем хвалил и ум и храбрость.
Только будет ли он снова
К водопадам Миннегаги?
И в раздумье Миннегага
Вдаль рассеянно глядела,
Опускала праздно руки.

Вдруг почудился ей шорох,
Чья-то поступь в чаще леса,
Шум ветвей, – и чрез мгновенье,
Разрумяненный ходьбою,
С мертвой ланью за плечами,
Стал пред нею Гайавата.

Строгий взор старик на гостя
Быстро вскинул от работы,
Но, узнавши Гайавату,
Отложил стрелу, поднялся
И просил войти в жилище.
«Будь здоров, о Гайавата!» –
Гайавате он промолвил.

Пред невестой Гайавата
Сбросил с плеч свою добычу,
Положил пред ней оленя;
А она, подняв ресницы,
Отвечала Гайавате
Кроткой лаской и приветом:
«Будь здоров, о Гайавата!»

Из оленьей крепкой кожи
Сделан был вигвам просторный,
Побелен, богато убран

И дакотскими богами
Разрисован и расписан.
Двери были так высоки,
Что, входя, едва нагнулся
Гайавата на пороге,
Чуть коснулся занавесок
Головой в орлиных перьях.

Встала с места Миннегага,
Отложив свою работу,
Принесла к обеду пицци,
За водой к ручью сходила
И стыдливо подавала
С пиццей глиняные миски,
А с водой – ковши из липы.
После села, стала слушать
Разговор отца и гостя,
Но сама во всей беседе
Ни словечка не сказала!

Да, как будто сквозь дремоту
Услыхала Миннегага
О Нокомис престарелой,
Воспитавшей Гайавату,
О друзьях его любимых
И о счастье, о довольстве
На земле Оджибуэев,
В тишине долин веселых.

«После многих лет раздора,
Многих лет борьбы кровавой
Мир настал теперь в селеньях
Оджибвэев и Дакотов! –
Так закончил Гайавата,
А потом прибавил тихо: –
Чтобы этот мир упрочить,
Закрепить союз сердечный,
Закрепить навеки дружбу,
Дочь свою отдай мне в жены,
Отпусти в мой край родимый,
Отпусти к нам Миннегагу!»

Призадумался немного
Старец, прежде чем ответить,
Покурил в молчанье трубку,
Посмотрел на гостя гордо,
Посмотрел на дочь с любовью
И ответил очень важно:
«Это воля Миннегаги.
Как решишь ты, Миннегага?»

И смутилась Миннегага
И еще милей и краше
Стала в девичьем смущенье.
Робко рядом с Гайаватой
Опустилась Миннегага
И, краснея, отвечала:
«Я пойду с тобою, муж мой!»

Так решила Миннегага!
Так сосватал Гайавата,
Взял красавицу невесту
Из страны Дакотов диких!

Из вигвама рядом с нею
Он пошел в родную землю.
По лесам и по долинам
Шли они рука с рукою,
Оставляя одиноким
Старика отца в вигваме,
Покидая водопады,
Водопады Миннегаги,
Что взывали издалека:
«Добрый путь, о Миннегага!»

А старик, простившись с ними,
Сел на солнышко к порогу
И, копаясь за работой,
Бормотал: «Вот так-то дочки!
Любишь их, лелеешь, холишь,
А дождешься их опоры,
Глядь – уж юноша приходит,
Чужеземец, что на флейте
Поиграет да побродит
По деревне, выбирая
Покрасивее невесту, –
И простишься навеки с дочкой!»

Весел был их путь далекий
По холмам и по долинам,
По горам и по ущельям,
В тишине лесов дремучих!
Быстро время пролетало,
Хоть и тихо Гайавата
Шел теперь – для Миннегаги,
Чтоб она не утомилась.

На руках через стремнины
Нес он девушку с любовью, –
Легким перышком казалась
Эта ноша Гайавате.
В дебрях леса, под ветвями,

Он прокладывал тропинки,
На ночь ей шалаи построил,
Постелил постель из листьев
И развел костер у входа
Из сухих сосновых шишек.

Ветерки, что вечно бродят
По лесам и по долинам,
Путь держали вместе с ними;
Звезды чутко охраняли
Мирный сон их темной ночью;
Белка с дуба зорким взглядом
За влюбленными следила,
А Вабассо, белый кролик,
Убегал от них с тропинки
И, привстав на задних лапках,
Из норы глядел украдкой
С любопытством и со страхом.

Весел был их путь далекий!
Птицы сладко щебетали,
Птицы звонко пели песни
Мирной радости и счастья.
«Ты счастлив, о Гайавата,
С кроткой, любящей женою!» –
Пел Овейса синеперый.
«Ты счастлива, Миннегага,
С благородным, мудрым мужем!» –
Опечи пел красногрудый.

Солнце ласково глядело
Сквозь тенистые деревья,
Говорило им: «О дети!
Злоба – тьма, любовь – свет солнца,
Жизнь играет тьмой и светом, –
Правь любовью, Гайавата!»

Месяц с неба в час полночный
Заглянул в шалаи, наполнил
Мрак таинственным сияньем
И шепнул им: «Дети, дети!
Ночь тиха, а день тревожен;
Жены слабы и покорны,
А мужья властолюбивы, –
Правь терпеньем, Миннегага!»

Так они достигли дома,
Так в вигвам Нокомис старой
Возвратился Гайавата
Из страны Дакотов диких,
Из страны красивых женщин,

С Миннегагою прекрасной.
И была она в вигваме
Огоньком его вечерним,
Светом лунным, светом звездным,
Светлым солнцем для народа.

СЛЕД БЕЛОГО

С ветром путь держа на север,
В небе стаями летели,
Мчались лебеди, как стрелы,
Как большие стрелы в перьях,
И скликались, как люди;
Плыли гуси длинной цепью,
Изгибавшейся, подобно
Тетиве из жил оленя,
Разорвавшейся на луке;
В одиночку и попарно,
С быстрым, резким свистом крыльев,
Высоко нырки летели,
Пролетали на болота
Мушкодаза и Шух-шух-га.

В чащах леса и в долинах
Пел Овейса синеперый,
Над вигвамами, на кровлях,
Опечи пел красногрудый,
Под густым наметом сосен
Ворковал Омими, голубь,
И печальный Гайавата,
Онемевший от печали,
Услыхал их зов веселый,
Услыхал – и тихо вышел
Из угрюмого вигвама
Любоваться вешним солнцем,
Красотой земли и неба.

Из далекого похода
В царство яркого рассвета,
В царство Вебона, к Востоку,
Возвратился старый Ягу,
И принес он много-много
Удивительных новинок.

Вся деревня собралась
Слушать, как хвалился Ягу
Приключеньями своими,
Но со смехом говорила:
«Уг! Да это точно – Ягу!
Кто другой так может хвастать!»

Он сказал, что видел море
Больше, чем Большое Море,
Много больше Гитчи-Гюми
И с такой водою горькой,
Что никто не пьет ту воду.
Тут все воины и жены
Друг на друга поглядели,
Улыбнулись друг другу
И шепнули: «Это враки!
Ко! – шепнули, – это враки!»

В нем, сказал он, в этом море,
Плыл огромный челн крылатый,
Шла крылатая пирога,
Больше целой роицы сосен,
Выше самых старых сосен.
Тут все воины и старцы
Поглядели друг на друга,
Засмеялись и сказали:
«Ко, не верится нам что-то!»

Из жерла ее, сказал он,
Вдруг раздался гром, в честь Ягу,
Стрелы молнии сверкнули.
Тут все воины и жены
Без стыда захохотали.
«Ко, – сказали, – вот так сказка!»

В ней, сказал он,плыли люди,
Да, сказал он, в этой лодке
Я сто воинов увидел.
Лица воинов тех были
Белой выкрашены краской,
Подбородки же покрыты
Были густо волосами.
Тут уж все над бедным Ягу
Стали громко издеваться,
Закричали, зашумели,
Словно вороны на соснах,
Словно серые вороны.
«Ко! – кричали все со смехом, –
Кто ж тебе поверит, Ягу!»

Гайавата не смеялся, –
Он на шутки и насмешки
Строго им в ответ промолвил:
«Ягу правду говорит нам;
Было мне дано виденье,
Видел сам я челн крылатый,
Видел сам я бледнолицых,
Бородатых чужеземцев

Из далеких стран Востока,
Лучезарного рассвета.

Гитчи Манито могучий,
Дух Великий и Создатель,
С ними шлет свои веленья,
Шлет свои нам приказанья.
Где живут они, – там вьются
Амо, делатели меда,
Мухи с жалами роятся.
Где идут они – повсюду
Вырастает вслед за ними
Мискодит, краса природы.

И когда мы их увидим,
Мы должны их, словно братьев,
Встретить с лаской и приветом.
Гитчи Манито могучий
Это мне сказал в виденье.

Он открыл мне в том виденье
И грядущее – все тайны
Дней, от нас еще далеких.
Видел я густые рати
Неизвестных нам народов,
Надвигававшихся на Запад,
Переполнивших все страны.

Разны были их наречья,
Но одно в них билось сердце,
И кипела неустанно
Их веселая работа:
Топоры в лесах звенели,
Города в лугах дымились,
На реках и на озерах
Плыли с молнией и громом
Окрыленные пироги.

А потом уже иное
Предо мной прошло виденье, –
Смутно, словно за туманом:
Видел я, что гибнут наши
Племена в борьбе кровавой,
Восставая друг на друга,
Позабыв мои советы;
Видел с грустью их остатки,
Отступавшие на Запад,
Убегавшие в смятенье,
Как рассеянные тучи,
Как сухие листья в бурю!»

СОБЫТИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

Памятник Юрию Гагарину в Хьюстоне. США. 2011

ПАМЯТНИКИ ЮРИЮ ГАГАРИНУ В США

Первый полет человека в космос оказал значительное влияние на развитие мировой цивилизации, открыв эру освоения космоса для многих поколений. В США подвиг советского космонавта Юрия Гагарина ценят высоко. В его честь установлены скульптурные композиции в разных уголках страны.

Одним из самых известных является памятник Гагарину, который находится возле бывшей штаб-квартиры NASA в Хьюстоне, штат Техас. Место было выбрано неслучайно: оно должно было подчеркнуть глубокую связь между американской и советской космическими программами. Открытие монумента было приурочено к 50-летию юбилею первого полета человека в космос. Трехметровая бронзовая скульптура Гагарина является точной копией памятника, установленного у входа в Музей истории космонавтики в Калуге. Покоритель космоса

изображен с поднятыми к небу руками; круглый постамент символизирует Землю. Автор памятника – скульптор Алексей Леонов, тезка космонавта Леонова.

Памятник в Хьюстоне – не единственный монумент в США, посвященный первому космонавту. В сентябре 2019 года стараниями фонда «Диалог культур – единый мир» памятник Юрию Гагарину был также установлен в «Аллее славы» Русского культурного сада в Кливленде. В честь 55-летия со дня полета Гагарина его бронзовые бюсты были переданы Национальному музею авиации и космонавтики в Вашингтоне, а также планетарию Адлера в Чикаго. Автором всех этих работ также является Алексей Дмитриевич Леонов.

РЕКВИЕМ ПО АЛЕКСАНДРУ ПУШКИНУ

Празднование дня рождения Александра Сергеевича Пушкина стало важным элементом культурной жизни русской диаспоры в США, воплощением ее неразрывной связи с родиной. И конечно, эти мероприятия обычно проходят у памятника великому поэту. Один из них был установлен в 1941 году в городе Джексон (штат Нью-Джерси). В руке поэт держит лист рукописи со строками из стихотворения «Памятник»:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век прославил я свободу
И милость к падшим призывал.*

Позднее памятники Пушкину были открыты в Вашингтоне, в Монро (штат Нью-Йорк), а также

на Аллее русских поэтов в Вашингтоне и в Парке русской культуры в Кливленде.

В Вашингтоне памятник Пушкину работы Александра Бурганова был установлен 20 сентября 2000 года в рамках культурного обмена между Москвой и Вашингтоном. Бронзовая фигура поэта расположена перед высокой колонной, которую украшает крылатый конь Пегас – символ поэтического вдохновения.

Памятник А. С. Пушкину в Вашингтоне. США. 2000

В ответ в 2009 году в Москве был установлен памятник американскому поэту Уолту Уитмену, также работы Бурганова.

Самый экстравагантный памятник Пушкину находится в Лос-Анджелесе. Композиция под названием «Реквием по Александру Пушкину» представляет собой крылатую Музу, держащую в руке голову поэта. Скульптор Лев Потцкий так объяснял замысел этой необычной композиции: «Женщина с крыльями – это жена Пушкина, Наталья Гончарова. Она же Муза, она же Саломея, поскольку принесла поэта в жертву. Пушкин сопоставляется с Иоанном Крестителем, потому что он пророк русской литературы».

ТРИУМФ ГАЛИНЫ УЛАНОВОЙ В США

Первые гастроли балетной труппы Большого театра в США состоялись в 1959 году. В Вашингтоне, Чикаго, Детройте и других городах страны были представлены классические постановки Большого театра. Тур длился почти два месяца и включал 52 спектакля.

Публику особенно поразили выступления легенды русского балета Галины Улановой, которой в то время было уже 49 лет. Критики писали: «Она будто владеет секретом вечной юности и вместе с тем глубоким проникновением в суть образа, что приходит лишь с опытом».

Пресса взорвалась восторженными отзывами, отмечая высокое мастерство балерины и невероятную выразительность создаваемых ею образов:

«Дело не в особых хитроумных и выигранных трюках, а в ее

Галина Уланова и Юрий Жданов в балете С. Прокофьева «Ромео и Джульетта»

непринужденности, удивительной грации и музыкальности. Достаточно видеть ее легкий бег через сцену – и вы уже проникли в самую суть танца...» (*New York Herald Tribune*).

«Уланова осмеливается на полутона в балете. Другие бывают или очень веселы, или очень печальны, но радость Улановой

в «Жизели» пронизана легкой печалью, а ее печаль в «Умирающем лебеде» полна мужества» (*Dance Magazine*).

«Я уверена, что языком балета можно сказать зрителям много важного, раскрыть великую истину жизни, ее красоту и глубину человеческого сердца», – сказала как-то великая балерина.